

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН

ЖУЛИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПАРИЖ!

САМАЯ СКАНДАЛЬНАЯ И НЕОЖИДАННАЯ КНИГА О ФРАНЦИИ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА.

Василий Аксенов

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН
ЖУЛИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ПАРИЖ!

Жулики,
ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В ПАРИЖ!

Анатолий Гладилин

Жулики,
добро
пожаловать
в Париж!

ГЛАГОЛ
Москва

ББК 84(2Рос-Рус)6
Г52

Издание осуществлено при поддержке
Олега Лещука

Оформление и макет
Андрея Рыбакова

Гладилин А.
Г52 Жулики, добро пожаловать в Париж. – М. Глагол,
2007, – 352 с.

ISBN 5-875-32-054-0

Новая книга Анатолия Гладилина - это взгляд на современное французское общество глазами человека с глубоко укорененным русским сознанием. Прожив больше тридцати лет во Франции, писатель с иронией пишет о «тяжелой» жизни рядовых французов и подтрунивает над их обывательскими страхами. Писатель отдает дань уважения традициям французского общества, но жестко критикует его слабые стороны: «Представьте себе, что придет в Париж группа парней из подмосковных Люберец и начнет «шуровать» по улицам. Ну, избыток ребята с десяток хилых французских полицейских, однако, в конце концов, их обязательно загребут... Другое дело, если среди «люберов» окажутся черные и арабы. Тогда, если полиция попытается их задержать на месте преступления, надо будет истошно вопить, показывая пальцами на полицейских: «Расисты, расисты!». Разномастная толпа парижан незамедлительно придет на помощь, дружно навалится на полицейских, и уж тогда задача полицейских - самим унести ноги подобру-поздорову».

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-875-32-054-0

© А.Гладилин, текст, 2007
© А.Рыбаков, оформление, макет, 2007
© Издательство «Глагол», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Авторское предисловие	9
-----------------------	---

ЧАСТЬ I ЖУЛИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ФРАНЦИЮ!

Скучнейшее предисловие	17
Французский юмор	21
Где и что грабить во Франции	31
Французская полиция в действии	43
Спецотряды и крайние меры	55
Политкорректность во Франции	69
Некоторые факты биографии	79
Бомба замедленного действия	94
Слово о жертвах	105
Преступление и наказание	120

ЧАСТЬ II ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ ИЛИ ПОЧТИ ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Гид, ведущий по Парижу	127
Парижский быт	134
Франция веселится	140

Скромное очарование маленькой Бретани	146
Ритуал летних каникул	152
Миф Довиля	157
Поехать на воды	164
Люди первых этажей	172
Бедные люди во Франции	178
Что едят сильные мира сего?	184
Посвящается Фобосу	188

ФРАНЦУЗСКАЯ МОЗАИКА

По волнам прогресса	197
Монологи парижской молодежи	201
Портрет парижанки	206
Богатые французы	209
Французский уик-энд	212
Казино	215
Русские на Лазурном берегу	218
Француз – воображаемый и реальный	221
Четыреста сыров и сырок «Дружба»	224
Гордые СДФ	227
Елисейский дворец	230
14 июля во Франции	237
Опереточное торжество и забытые герои	242
Сорбонна – славное прошлое?	249
Французская глубинка	253
Французская бюрократия	259
Выживет ли французское крестьянство?	267
Какие девочки в Париже!	273
Индустрия развлечений во Франции	279
Ловушки Парижа	286
Парижские фокусы	293
Аксенов в Лувре	297
Уроки одной забастовки	300
Стихийные бедствия во Франции	306

Сумасшедшее лето во Франции	313
Их нравы	320
Сбрендившие учителя	326
Быть русским во Франции	333
Как делать деньги	339
Беды Франции	344
 Вместо эпилога	 349

Авторское предисловие

Моя новая книга состоит из двух частей. Первая – «Жулики, добро пожаловать во Францию», вторая – «Прекрасная Франция или почти». Сначала хочу рассказать подробнее о первой части. «Жулики, добро пожаловать во Францию» – это социологическое исследование, которое я старался писать в легком, очерково-ироническом стиле, впрочем, наверно, иногда срывался и переходил на памфлет. Осенью 2004 года очень сокращенный вариант этой книги печатался из номера в номер в воскресном приложении к «Российской газете» – «Неделя». Через год, когда запылали парижские пригороды, мне позвонили в Париж из «Российской газеты» и сказали: «Анатолий Тихонович, мы не хотим вас поздравлять, но к сожалению, все, что вы предсказывали в своей книге, свершилось». По просьбе «Российской газеты» я дал большое интервью их сотруднику Александру Сабову, в котором проанализировал все, что про-

исходило в ноябре 2005 года во Франции. Это интервью, ко всему прочему, имеет любопытный подтекст. Дело в том, что мы с Александром Сабовым долгое время жили в одном городе, но не общались, вернее, никак не могли общаться, ибо он был советским корреспондентом в Париже, а я работал в парижском бюро радио «Свобода». Сабов на страницах советской печати разоблачал «загнивающий Запад», а я сквозь вой глушилок рассказывал о положительных аспектах западной демократии. То есть, грубо говоря, мы были идейными врагами. И вот тот факт, что сейчас наша оценка французских событий совпала (или почти), показатель того, что мы старались смотреть объективно.

Однако я не считаю свое мнение как приговор последней судебной инстанции, то есть абсолютно непогрешимым. Возможно, какие-то вещи непостижимы для моего слабого ума. Для примера – недавний эпизод из парижской уголовной хроники. В один из парижских банков прибыл охранник, чтобы вложить в банкомат деньги. Деньги во Франции давно перевозятся в бронированных фургонах, и охранники вооружены, ибо нападение на фургоны и убийства охранников, если они посмеют сопротивляться – любимое развлечение французских преступников. Итак, войдя в помещение и закрыв, согласно инструкции, все двери, охранник открыл сумку с деньгами и стал заряжать банкомат. Тут буквально на голову охраннику свалился гангстер, оглушил его, схватил сумку с деньгами и собирался драпануть. Заметим, что ограбление банка было хорошо подготовлено, ведь гангстер каким-то образом пробрался в нишу над потолком, то есть он досконально знал все банковские секреты. Но охранник оказался крепким парнем, очухал-

ся и вцепился в сумку с деньгами. Завязалась драка. В какой-то момент, почувствовав, что гангстер берет верх, охранник выхватил табельное оружие и выстрелил. Гангстер был убит наповал.

На мой взгляд, начальство должно было каким-то образом отблагодарить охранника – может, предоставить ему внеочередной отпуск или вручить какую-нибудь премию: ведь он проявил завидное мужество, честно выполнил свой служебный долг и не дал украсть народные деньги. Возможно, начальство так и собиралось сделать, но явившаяся на подмогу полиция... арестовала охранника, увезла его в участок, а судья завел на него уголовное дело. Выяснилось, уважаемые дамы и господа, что гангстер был вооружен только молотком (которым бил охранника) и слезоточивой бомбой, а пистолета у гангстера не было. То есть у гангстера не было адекватного оружия. Раз так, то, согласно закону, охранник не имел права стрелять. Вопрос: как мог знать охранник, есть у гангстера пистолет или нет? Вопрос этот будет обсуждаться во время судебного заседания, и если хороший адвокат докажет... А пока охранника уволили (правда, из тюрьмы выпустили по подписке о невыезде) и он сидит дома на пособии по безработице и ждет судебного разбирательства. Закон есть закон.

Признаюсь, я не понимаю такого закона. По моему разумению, такой закон гарантирует гангстерам полную безнаказанность – дескать, господа преступники, спокойно грабьте банки, воруйте деньги – вы ничем не рискуете. Тем не менее, в свободной демократической Франции, которая гордится тем, что защищает права человека, такой закон существует, и никто не собирается его отменять. Перед сей юридической загадкой я беспомощно развожу руками.

...Видите, даже в предисловии, которое должно быть академически бесстрастным, меня потянуло в полемику. Ладно, успокоимся и перейдем ко второй части. Вторая часть называется «Прекрасная Франция или почти» («La Belle France ou Presque»). Я живу во Франции уже 30 лет, и написал о ней несколько книг и наверно полтысячи статей. Эти статьи передавались по радиоголосам на Советский Союз, публиковались в Америке, в русскоязычных газетах, но во Франции не переводились. Думаю, дело в том, что даже в тех статьях, где я восхищался какими-то аспектами французской действительности, я все равно, мягко говоря, полемизировал с товарищами французами. А товарищи французы мне многократно объясняли, что, дескать, нас, французов называют «нацией недовольных» и мы сами постоянно критикуем наши порядки, наше правительство, наших законодателей, наших политиков, полицию, армию, телевидение, радио и т.д. Но когда мы слышим ту же самую критику от иностранцев – мы жутко обижаемся. Так вот, для второй части книги я отбирал статьи, где меньше всего полемики (поверьте мне, это было трудно!), а идет просто рассказ о французском быте или каких-то достопримечательных местах. Названия статей говорят сами за себя: «Скромное очарование маленькой Бретани», «Ритуал летних каникул», «Миф Довиля», «Люди первых этажей», «Елисейский Дворец», «Французская глубинка», «Какие девочки в Париже!» и так далее. Статьи были написаны в разное время, но я не хочу их осовременивать (скажем, пересчитывать франки на евро), ибо они, как мозаика, создают общую картину Франции.

В 1995 году «Московские новости» предложили мне писать для них «Письма из Парижа», я в течение трех лет, до дефолта, ежемесячно посылал им

статьи, в которые иногда вставлял куски из ранее написанного. И совершенно неожиданно выяснилось, что в ЮНЕСКО, где существуют курсы русского языка для сотрудников, преподаватели читают своим ученикам мои письма из Парижа. И наконец, в августе 1997 года элитарный французский журнал «Международный курьер» («Courrier International») опубликовал три лучших, по их мнению, статьи о Франции: из «Вашингтон пост», «Нью-Йорк Таймс» и мой фельетон «Беды Франции» из «Московских новостей». Когда я узнал про это, то позвонил в Москву, тогдашнему главному редактору газеты Виктору Лошаку, и спросил, знает ли он о публикациях в «Международном курьере»? «Не только знаю, – ответил Лошак, – до сих пор опомниться не могу. Первый раз «Московские новости» в такой компании».

ЧАСТЬ I

ЖУЛИКИ,
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ВО ФРАНЦИЮ

Скучнейшее предисловие

Известно, что люди во все века, с младенческих лет развития человечества, делились на две категории: на тех, кто работал, и на тех, кто это заработанное воровал или отнимал насильственным путем. Я вынужден совершить краткий экскурс в историю, ибо боюсь, что ворюги, убийцы и бандиты на меня обидятся, за то, что я их называю преступниками. А как их назвать по-другому, я не знаю. Однако спешу успокоить: в числе знаменитых грабителей и убийц мы найдем имена прославленных царей, императоров, полководцев, например, Александра Великого, Юлия Цезаря, Чингис-хана, Наполеона Бонапарта, ибо что собой представляли наступательные войны, как не попытку ограбить соседние народы? Более того, случалось, что пираты, конкистадоры и разного рода разбойники-авантюристы часто совершали благие дела. Хрестоматийный пример – Колумб: плыл, чтоб урвать жирный кусок с Индии, а открыл Америку. Разбойничий

призыв Ленина, обращенный к русскому крестьянству: «Грабь награбленное!» – помог большевикам совершить Октябрьский переворот, и потом, в течение 70 лет, западные интеллектуалы и прогрессивное мировое общественное мнение молилось на великий Советский Союз. Поэтому еще раз говорю, чтоб на меня не обижались: профессия грабителей и воров – древнейшая и уважаемая.

Но с давних времен люди пытались установить между собой какие-то мирные договорные отношения. Крестьяне и ремесленники сами приглашали лихих злодеев, добровольно платили им дань, с условием, чтоб те защищали их от военных набегов соседей.

Иногда злодеи выполняли условия, и на удивление всем превращались в мудрых князей и королей. Иногда наоборот, злодеи, придя к власти, зверствовали хуже, чем какие-нибудь варвары или вандалы. Короче, обо всем этом написано в пухлых учебниках истории.

В конце концов, во многих цивилизованных странах восторжествовал демократический порядок, согласно которому народ сам выбирает правителей на определенный срок, а правители обязуются следить за безопасностью границ и за тем, чтоб внутри страны трудящихся как можно меньше обижали, то есть не обкладывали зверскими налогами, не грабили, не убивали, чтоб действовала система социальной защиты, система просвещения, здравоохранения и профессионального образования. Если же политики не выполняют своих обещаний или уж слишком беззастенчиво залезают в карман налогоплательщиков, то их правителей просто прокатывают на следующих выборах.

Франция по праву считалась образцовой демократической страной. А когда в 1981 году впервые

в истории Пятой республики на президентских выборах победил социалист Миттеран, в Париже было воистину всенародное ликование. Социалисты правили Францией с короткими перерывами почти 20 лет. На президентских и парламентских выборах в 2002 году они потерпели сокрушительное поражение. Причем, в первом туре президентских выборов социалисты уступили второе место профашистскому Национальному фронту Ле Пена, что вызвало переполох во всей Европе. Вопрос: почему социалистов прогнали в шею? Может, прикрываясь добрыми социалистическими лозунгами, к власти во Франции пробрались злодеи и преступники? Ответу сразу: лидеры французских социалистов – достойные, честные люди и их политические взгляды заслуживают всяческого уважения. Даже с экономическими проблемами (обычно слабое место всех левых партий) французские социалисты справились совсем неплохо. Основную причину поражения социалистов политологи видят в том, что увлекшись защитой прав человека во всем мире, социалисты забыли о безопасности простых французов. Злые языки утверждают, что за 20 лет правления социалистов Франция превратилась в рай для преступников. Я бы не был так категоричен и не упрекал бы только социалистов. Я бы сказал так: Франция превратилась в профсоюзный дом отдыха для воров, бандитов и хулиганов. Причем, если соблюдать определенные правила, то во Франции можно грабить, убивать, воровать, хулиганить безнаказанно.

Поэтому было бы хорошим тоном, проявлением элементарной порядочности, вывесить на автострадах, пересекающих французскую границу, такие транспаранты: «Жулики всех мастей, добро пожаловать во Францию!»

И не надо обвинять меня в том, что я хочу лишить французскую казну доходов от иностранного туризма. Ни один бы автобус с голландскими, немецкими, испанскими и т.д. номерами не повернул бы обратно. Но туристы были бы вежливо предупреждены о том, что их ожидает, или бы сочли все это за французский юмор, с которым рано или поздно им придется познакомиться.

Французский юмор

Туристские агентства во всем мире давно уже предупреждали своих клиентов: дескать, в Париже крепче держитесь за карман (за свой, разумеется). Однако французы делали вид, что их это не касается, или отвечали в печати и по радио такого рода шуточками: мол, злопыхатели и завистники рассказывают о Франции такие страшные истории, что японки уже в Токийском аэропорту, садясь в самолет компании «Эр Франс», крепко прижимают к груди сумочку. В то же время французские газеты все время твердили о росте преступности в стране. Более того, постепенно рост преступности становился модной темой. Но преступность росла где-то там, далеко, в «горячих пригородах». А Париж – другое дело. В Париж приезжает туристов больше, чем в любой другой город мира, и говорить о преступности в Париже – политически некорректно. Наконец, когда скрывать очевидное уже не было никакой возможности, государствен-

ное телевидение (вторая программа) в дневных новостях сообщила, что, мол, «есть такое мнение про Париж». Я как раз смотрел эту программу и хорошо помню, как диктор препакоостнейше улыбнулся и после крошечной паузы добавил... «у иностранцев». И поспешил успокоить публику – дескать, иностранцы-дураки (слово «дураки» не было произнесено, но подразумевалось), не понимают, что когда увеличивается поток туристов, в том же процентном отношении увеличивается сопутствующая ему преступность. Закон математики, только и всего. Тем не менее, продолжил диктор, для поддержания порядка парижская префектура решила высылать специальные патрули в места скопления туристов – то есть к Эйфелевой башне, к Центру Помпиду, на Трокадеро и т.д. Крупным планом показали такой патруль. Трое молодцеватых, крепких полицейских выглядели внушительно. Я подумал, что в данном случае диктор прав: этих ребят никто обижать не будет.

Теперь попробуйте провести эксперимент. Впрочем, не беспокойтесь: с вами его проведут, не спрашивая вашего согласия – вырвут сумочку или – вы хватились за карман, а кошелек нету.

На ваше счастье, вы замечаете полицейских и бросаетесь к ним, сбивчиво объясняя, что, дескать, вас только что ограбили. Кто? – спрашивает полицейский. Кто? Вы не знаете. Тот, кто вырвал у вас сумочку, убежал вон по той улице или скрылся в толпе, а тот, кто тихонько вытащил у вас кошелек или срезал сумочку, почему-то не оставил своей визитной карточки. Тем не менее, вы надеетесь, что полицейские кинутся искать воров. Напрасно надеетесь. Патрульные полицейские воров не ищут, их задача патрулировать. Зато вам вежливо объяснят, как добраться до ближайшего полицейского

участка. В участке вы проведете полдня, там большая очередь потерпевших. Настанет ваш черед, вас выслушают, по всем правилам составят жалобу и пожелают приятного времяпрепровождения в Париже. А как же ваш кошелек? Вернее, что вам делать без кошелька, без денег, без кредитных карточек, без паспорта, который был в вашей сумочке? Посоветуют обратиться в консульство своей страны.

Все. С кошельком, паспортом, деньгами, кредитными карточками можете распрощаться. Парижская полиция их искать не будет. Парижская полиция такими глупостями не занимается.

Между прочим, французские полицейские поступают так не потому что они плохие или равнодушные к чужому горю люди. Просто им хорошо известно, что ваш кошелек или сумочка уже в другом районе города. Сумочки и кошельки еще никто не находил. Правда, можно с большим трудом поймать воров. Только зачем ловить, когда их, воров, или отобьет разъяренная толпа, или их, воров, если и приведут в участок, то все равно через несколько часов отпустят на все четыре стороны.

Французский юмор? Да нет, полицейские привыкли к тому, что банды ворюг, орудующие в Париже, скрупулезно соблюдают правила игры.

Внимание профессионалов! Правила такие:

Первое – половина вашей банды должна состоять из негров и арабов.

Необходимый комментарий. Я не расист, более того, сам эмигрант, и полагаю, что все люди, скажем так, осторожно, не французского происхождения, честно работают на заводах и фабриках страны или играют за сборную Франции по футболу и никогда ни в чем таком не были замешаны. Но если судить по некоторым редким статьям во фран-

цузской прессе (явно расистским!), то, сильно постаравшись, можно найти среди негров и арабов во Франции некоторые уголовные элементы. А постараться, господа профессионалы, надо. Ну, представьте себе, что придет в Париж группа братков из подмосковных Люберец – крутых, широкоплечих, со стриженными затылками, и начнут шуровать по улицам. Ну, изобьют они с десятка хилых французских полицейских, однако, в конце концов, братков обязательно загребут, тут французская полиция проявит удивительную прыть. А почему? Потому что не соблюдено правило игры. Другое дело, если среди братков окажутся черные и арабы. Тогда если полиция попытается их задержать на месте преступления, надо истошно вопить, показывая пальцами на полицейских:

– Расисты, расисты!

Разномастная толпа парижан незамедлительно придет на помощь, дружно навалится на полицейских, и уж тогда задача полицейских – самим унести ноги подобру-поздорову.

Второе – воровать должны дети.

Необходимый комментарий. По французскому либеральному законодательству, дети до 13 лет вообще не подсудны. Если на парижской улице двухметровый громила вырывает у вас сумочку и пинает ногой в живот, причем, среди бела дня, то он делает это не потому что такой смелый, а потому что знает – он ничем не рискует, ему 17 с половиной лет и в худшем случае, после сотого привода в полицейский участок ему дадут три месяца условно. В газетах такого громилу будут ласково именовать «ребенок». Полная уголовная ответственность во Франции начинается с восемнадцатилетнего возраста. В марте 2002 года в газетах проскользнуло сообщение, что в Нан-

терре арестован восемнадцатилетний юноша, который терроризировал этот парижский пригород в течение трех лет. Он вырывал у пожилых людей сумки и кошельки, а если старушка упорствовала, то он ее избивал. Полиции были прекрасно известны его подвиги, но она перестала его арестовывать, какой смысл? Приведут «ребеночка» в участок, и в тот же день, после душещипательной беседы судья выпускает его на свободу. И вот только в марте, когда милый мальчик достиг совершеннолетия, его арестовали, начали расследование и выяснили, что на совести у шалуна более 500 (!!!) ограблений и избиений. Он их совершал от четырех до семи в день. Думаю, что такая регулярность и работоспособность даже взрослому матерому преступнику не по силам.

Тем не менее, повторяю: надежнее и безопаснее воровать с помощью детей, не достигших 13-летнего возраста.

...На вечерней парижской улице я вижу, как потрошат салон роскошного «мерседеса». На шухере стоит черный качок с мрачным выражением лица, рядом интеллигентный негр с седыми висками, который ласково улыбается редким прохожим. А в салоне шурует восьмилетний шоколадный мальчишка, рожица такая симпатичная – ну прямо с рекламы детских продуктов. Вот вам пример профессионализма с хорошим французским юмором, а главное, со стопроцентной гарантией безопасности. Ведь если прибежит хозяин «мерседеса», то получит по роже от качка. Редкие прохожие, оценив обстановку, ответят улыбкой седовласому интеллигенту. Ну а если вдруг появится полиция, то ей придется иметь дело лишь с восьмилетним мальчиком. А что поимеешь с восьмилетнего ребенка? Он заметил, что дверь машины открыта

и забрался в нее поиграть. Все? Все. Своего адреса, естественно, ребенок не помнит, но может добраться домой сам. И полицейский, вздохнув, угощает ребенка конфетой и говорит, чтоб тот, возвращаясь домой, переходил улицу только на зеленый светофор.

Цыгане давно раскусили особенности французского законодательства. Если на вас накатывается миниатюрный цыганский табор, то в нем роли распределены заранее. Цыганки предлагают погадать и тем самым отвлекают внимание. А ваши карманы или сумочки чистят цыганята.

Необходимый комментарий. Все, что я сказал про цыган, политически некорректно. Цыган во Франции уважительно называют «путешествующими людьми». Путешествуют «путешествующие люди» не на заморенных лошаденках, а на комфортабельных машинах с прицепами, а начальник табора (или как он у них называется – директор производства?) обязательно на «роллс-ройсе». Никто не спрашивает, откуда у них деньги, это политически некорректно, хотя известно, что цыгане не работают, правда, жители деревень или маленьких городков, возле которых останавливается табор путешествующих людей, поднимают истошный вопль, мэрии энергично протестуют, ибо в округе начинается повальное воровство. Однако французская пресса, если как-то откликается, то объясняет это расизмом и отсталостью местного населения.

И все же классический урок, как надо воро..., простите, политически некорректно, – как надо работать во Франции, был дан не какими-то вольными цыганами или парижскими мелкими уголовниками, нет, классический урок был дан выходцами из стран бывшего социалистического Восточ-

ного блока, где люди привыкли к строгой организации. Летом 2001 года в Париже высадился десант румынских детей, в возрасте от восьми до 12 лет. Юные карманники прошли отличную подготовку где-то в районе Плоешти и показали в Париже высокое мастерство. Полицейские считают, что чуткие пальцы детей на ощупь определяют, какого достоинства купюра в кошельке у клиента. А клиентами, как правило, являются японские и американские туристы: японцы – потому что носят при себе много наличности, американцы – потому что на черном рынке высоко котируются американские паспорта.

В плотной праздничной толпе на эспланаде Трокадеро маленьких румын не видно и не слышно. Они вообще друг с другом не разговаривают. Они застыли у стенки, панорама Парижа им по фигуре, и оживают они лишь тогда, когда прибывает очередная автобус с японцами. Техника отвлекающих маневров доведена до совершенства. В журнале «Пари-Матч», который посвятил «румынской» проблеме интересный репортаж, есть потрясающие фотоснимки, своего рода стоп-кадры: вор расстегивает сумочку, вор запускает туда руку, вор вынимает кошелек, передает его напарнику (напарнице), далее кошелек передается третьему лицу, которое тут же исчезает. И все в считанные секунды. А риведерчи, Рома! Естественно, возникает вопрос: если штатский фоторепортер смог не только различить воров в толпе, но даже зафиксировать их лица на пленку, то почему натренированные полицейские в упор этого не видят?

Тонкий французский юмор, непонятный тупым иностранным туристам?

Дело в том, что ни одного взрослого румына в окрестностях Трокадеро бдительная полиция не

обнаружила. На Трокадеро орудуют только дети. По оценке экспертов каждый такой маленький ворюга в день добывал до 25 тысяч франков (примерно 4 тысячи долларов). Но никто не видел, чтоб дети покупали себе хоть что-то съестное или чтобы их кто-то кормил. Если детей ловят (уж как нерасторопна французская полиция, но если постарается, то может), встает вопрос: что с ними дальше делать? Дети молчат, как красные партизаны на допросе. Дети делают вид, что по-французски ни бум-бум (а может, и действительно так). Детей до 13 лет во Франции наказывать нельзя, можно наказывать их родителей. Но где родители? Даже если удастся проследить маршрут детей от «места работы» до дома (где-то в восточных пригородах Парижа) и вломиться в квартиру, то взрослые разыгрывают спектакль – дескать, с детьми абсолютно незнакомы, а дети объясняют знаками, что ошиблись адресом. Дотошный полицейский может затребовать документы. Если у взрослых какие-то нелады с документами, взрослых и детей удастся выслать из Франции. Однако через две недели те же дети опять появляются на Трокадеро или около Эйфелевой башни, а при очередном приводе в полицию называют себя другими именами.

Проблему маленьких румын живо обсуждали французские СМИ. На Западе СМИ называют «четвертой властью».

Необходимое разъяснение для русского читателя. Четвертая власть на Западе – это не литературный образ, это действительно так. И не потому, что журналисты шибко умные – хотя и не без этого, – а потому что они четко улавливают, куда склоняется общественное мнение. Настоящая же власть умело подбрасывает СМИ нужные ей факты

и идейки и таким образом участвует в формировании общественного мнения. Если подбрасывает неумело – получается себе во вред. Такой вот сложный симбиоз.

Что же в конце концов решила четвертая власть? Конечно, в прессе не все так категорично, конечно, с нюансами, но если делать короткое резюме, то вот оно.

Все деньги, украденные детьми, уходят в карманы румынской мафии. Румынская мафия, пользуясь нищетой в стране, легко покупает детей у их родителей. В Румынии в отдельных районах – строительный бум, воздвигаются кирпичные виллы для мафиози, но никто из детей, уехавших во Францию, не вернулся и никто не пересылал своей семье денег. Румынская мафия жестоко выдрессировала и запугала своих юных питомцев. Румынской мафии чужды сантименты, поэтому парижская полиция резонно полагает, что если начать вылавливать маленьких воров, то в ответ румынская мафия будет их сурово наказывать за «плохую работу». То есть топить для острастки в Сене, как котят, или – гуманный румынский вариант – заставлять их проституировать на парижских улицах. Значит...

Выводы напрашиваются сами.

Любопытно, что во всех этих дебатах, посвященных жертвам социальной несправедливости в Румынии, практически никто ни словом не упомянул о несчастных иностранных туристах, ограбленных в Париже, ибо это политически некорректно. Действительно, какие они несчастные, раз у них нашлись деньги путешествовать во Францию? Правда, однажды (сам это видел) по телевидению показали плачущего старика из Нью-Йорка, который бормотал, что у него украли все, и он копил на по-

ездку в Париж несколько лет, и вот как Париж его встретил, и больше никогда он в Париж не придет.

Ведущий телепрограммы смотрел на американца с явным отвращением. Ну не понимает старый дурень французского юмора!

Где и что грабить во Франции

Уважаемые господа преступники! Вы же, конечно, не опуститесь до мелкого воровства, вам же нужны добыча покрупнее. В этом смысле Франция предоставляет широкий выбор. Из Франции можно угонять дорогие автомобили и затем продавать их где-нибудь в Африке, на Ближнем Востоке или в России и Украине. Профессионалы большого полета перехватывают на автострадах грузовики, которые везут прямо с завода дорогую электро- и электронную аппаратуру. Хорошим тоном считается грабить банки, обменные пункты валют и ювелирные магазины. Однако разумные и многоопытные воры предпочитают этим лихим удовольствиям тихие квартирные кражи. Бесспорно, когда берешь банк или ювелирный магазин, то сразу получаешь крупный навар. Но все же эти мероприятия связаны с некоторым риском. А домушник работает в полной безопасности. Надо только обладать терпением и собирать нужную информацию.

Естественно, квартирные кражи – это вопрос везения. Вы входите в роскошную виллу, трудитесь там целую ночь до седьмого пота и ничего там не находите. Ну разве что женское белье, какую-то фарфоровую посуду и две-три картины, ценность которых вы себе не представляете. Короче, потерянный рабочий день (вернее, ночь). Но ведь бывает наоборот: в старом парижском доме, в квартире пенсионерки, которую увезли накануне в больницу, вы обнаруживаете в ящике для постельного белья такую сумму наличных денег, которая не всегда и в банке бывает. Повторяю, чистка квартир – вопрос везения. Но курочка тоже по зернышку клюет. И потом, в любом случае, это выгоднее, чем держать деньги в сберегательной кассе.

Почему домушник ничем не рискует? Потому что полиция квартирных воров не ловит из принципа, ссылаясь на то, что: 1) у полиции нет средств, 2) нет профессиональных сыщиков, 3) квартирных воров во Франции больше, чем полицейских.

Разумеется, официально вам никто этого не скажет. Такие вещи говорят неофициально, в беседе с журналистами, те потом публикуют беседы без указания имен, и в конце концов создается мнение. Это мнение чем-то выгодно полиции и с пониманием встречается общественностью. Почему? Потому что во Франции нет такой категории трудящихся, которая не требовала бы увеличения зарплаты, дополнительного финансирования для технического оборудования и расширения штата.

Я не знаю официальную статистику, но у меня своя статистика. Всех моих знакомых во Франции (а их не так мало) хоть раз, да грабили. Точнее, грабили их квартиры или дома. И никогда полиция не находила воров или украденного добра.

У одной моей знакомой квартиру вскрыли среди бела дня, когда она, знакомая, была на работе. Вернувшись, знакомая обнаружила взломанную дверь, отсутствие компьютера, золотых украшений и... известковые следы на паркете, которые вели прямо в соседнюю квартиру, где иностранные рабочие уже две недели делали ремонт. Любой бы юный пионер догадался, кто вскрыл квартиру. Полагаю, что даже французский полицейский схватил бы домушников за руку. Для этого надо было лишь явиться на место преступления. Но полиция не явилась. Ни в тот вечер, ни на следующий день, ни через неделю.

Через шесть месяцев, как и положено по закону, женщина получила официальное сообщение из префектуры, что расследование по ее жалобе закрыто.

Вопрос: зачем тогда полиция принимает жалобы, которые не собирается расследовать? Ведь это же верх цинизма.

Вопрос не корректен. В демократическом государстве полиция обязана принимать жалобы от трудящихся. Более того, французская полиция охотно заполняет все нужные бумаги. Эти бумаги, вернее, их копии, необходимы для страховки. Считается, что умный француз заботливо хранит чек на каждую купленную в магазине дорогую вещь. При наличии чека и зафиксированной жалобы в полицию, страховка возмещает (частично) стоимость украденного. Так что это дело обычное, житейское. Если же француз выбросил чеки или не застраховал квартиру от воровства, значит, у него не было ничего ценного. Зачем же полиции возиться с мелочевкой? Я не осмелюсь утверждать, что есть какая-то связь между полицией, страховыми компаниями и мастерскими, которые изготавливают

бронированные двери и сложные замки. Знаю только, что число таких мастерских во Франции быстро растет, то есть открываются новые рабочие места. А для любого французского правительства, правого или левого, борьба за сокращение безработицы имеет первостепенное политическое значение.

Теперь перейдем к более увлекательным занятиям: угону автомобилей, грабежу банков и ювелирных магазинов.

Стоп, меня прерывают. На блатной фене мне объясняют, – перевожу на нормативную лексику – что я пудрю мозги серьезным людям и вешаю им лапшу на уши, когда талдычу, что брать квартиры – занятие абсолютно безопасное. Ладно, они согласны, что полиция вместо того, чтоб стоять на страже, чешет себе... (не нахожу литературного слова для перевода). Но хозяин квартиры, он что – чурка, он что, чокнутый – отдавать свое добро? А если он вооружен? В Америке, мы слышали, в каждом доме оружие. А что, во Франции его нету? Если откроем дверь и получим пулю в живот? Мне придется ответить за свои слова.

М-да, обстоятельные мне попались читатели, с большим опытом. Придется вернуться к теме и объяснить подробнее. Во Франции действительно большое количество оружия, и на черном рынке можно купить все, что угодно: от пистолетов всех видов до автомата Калашникова и гранатомета (насчет БТР я не уверен). Преступники все это и покупают, ибо для них семь бед – один ответ. Честному французцу покупка оружия на черном рынке грозит большими неприятностями, а в магазине ему теперь даже не продадут духовое ружье. Раньше француз мог держать дома огнестрельное оружие, теперь он обязан или зарегистрировать его,

или сдать в полицию. Зарегистрировать оружие, то есть держать его дома на законных основаниях, имеет право лишь небольшая категория французов. Причем, необходимо предъявить массу бумаг, доказывающих вашу причастность к этим категориям. Если полиция найдет в вашем доме оружие (незарегистрированное), она его конфискует, а вам придется платить солидный штраф. Ну а если вы примените оружие, вам будет совсем худо.

...Я помню времена, когда французы еще пытались отстреливаться от квартирных воров, а владельцы магазинчиков – от грабителей. Кончалось это всегда плохо. Если пуля случайно задевала грабителя или домушника, то уличная банда хулиганов тут же разносила в пух и прах вашу лавчонку, забрасывала камнями, поджигала ваш дом. В прессе появлялись негодующие статьи: дескать, как это так, без суда и следствия стрелять в человека? Французский закон не допускает самозащиты, защищать граждан должна полиция. Незадачливого воришку оставляют на свободе до судебного разбирательства. Незадачливого стрелка тут же арестовывают и сажают в тюрьму. Сидеть ему придется долго. Наматывают срок: а) за незаконное хранение оружия, б) за его использование.

Поэтому, повторяю, господа преступники! Можете спокойно грабить лавки и обирать квартиры. Только редкий сумасшедший, которому жизнь не дорога, который готов до конца своих дней просидеть в тюрьме, может оказать вам вооруженное сопротивление. Кстати, полиция официально рекомендует и лавочникам, и домовладельцам в подобных ситуациях вести себя тихо и не провоцировать преступников на насильственные действия. Потом потерпевшие могут со спокойной совестью подавать жалобу в полицию. Что будет с этой жало-

бой – я уже рассказывал на предыдущей странице. Зато никто не сможет пожаловаться, что во Франции не соблюдаются права человека. В человека нельзя стрелять. Жизнь человека священна.

Необходимое уточнение. Некоторые несознательные граждане тем не менее оказывают преступникам пассивное сопротивление, т.е. не говорят сразу, где у них спрятаны сбережения. Преступники вынуждены избивать упрямцев. Избиение не так страшно – потом граждан подлечат в госпитале за счет социального страхования (у кого оно есть). Случаи избиения не учитываются криминальной статистикой, так что пусть избивают на здоровье. Прискорбнее будет, если упрямца убьют. Дело об убийстве очень трудно закрыть, пока не поймают преступников (а попробуй их поймай!). То есть тем самым ухудшается криминальная статистика, что осложняет жизнь правительства. Видимо, чтоб улучшить статистику, в последний год правления социалиста Лионеля Жоспена министерство внутренних дел выступило с любопытной инициативой. Полицейские чины обходили ювелирные магазины и инструктировали хозяев и служащих, как надо вести себя при налете грабителей. Дело в том, что ювелиры – это последняя категория французских торговцев, которым разрешено иметь в своем магазине оружие. Так вот, полицейские учили продавцов не как обращаться с оружием, а как самим моментально прятаться в безопасные помещения и покрепче закрывать за собой двери. В результате начало 2002 года ознаменовалось рекордным для Франции количеством ограблений ювелирных магазинов. Милая деталь: были ограблены знаменитые в Париже магазины на Вандомской площади, на которой, между прочим, расположено... министерство юстиции.

Свежая информация. В тот день, когда я пишу эти строки, по радио передали сообщение, что в Париже открылся экстренный съезд ювелиров. Ювелиры в панике. Из-за бандитских налетов? Да нет такого ювелира во Франции, который не был бы ограблен, так что к этому привыкли. Но раньше все убытки возмещала страховка, а теперь страховые компании объявили, что отказываются продлевать договора. Если такое произойдет, то все французские ювелиры на двери своих пустых магазинов повесят большие амбарные замки, а сами запишутся на пособие по безработице.

Уважаемые господа преступники! Просьба поторопиться, ибо боюсь, что мои советы, как грабить ювелирные магазины, окажутся никому не нужны, за неимением таковых.

Теперь перейдем к угону автомобилей. Машин во Франции огромное количество, особенно в больших городах. Для угонщиков автомашин это хорошо и плохо. С одной стороны, бери – не хочу любую, с другой стороны, – возмешь, и дальше что? Угнал машину, проехал метров 20 и застрял в пробке. Владелец машин некуда деваться, им жалко своего имущества, они и сидят, бедные, вцепившись в руль, жарятся на солнце. А грабителям надо иметь железные нервы, чтобы выдержать эту муку адскую. Многие не выдерживают, загоняют драндулет на тротуар и, свободно вздохнув, идут пешком. Поэтому раньше угоняли машины лишь хулиганы из «горячих» пригородов, причем, как правило, в ночь на пятницу или субботу, чтобы погонять вдоволь по пустынным улицам (это называлось – устроить родео), а к утру машину где-нибудь бросали. Или угоняли машины уголовники-профессионалы, перед тем как идти «на дело» Все так называемые «дела» уважающие себя профессионалы провора-

чивают на ворованных машинах. Потом, естественно, их бросают.

Вопрос: ищет ли французская полиция украденные автомобили? Как это ни парадоксально, полиция ищет скорее хозяев украденных машин, чем угонщиков. Почему? Потому что многие французы бросают свои старые развалюхи где попало, предварительно сняв номера. По закону сознательные граждане обязаны доставить свои развалюхи на так называемые «автомобильные кладбища», причем заплатив там, на кладбище, определенную сумму, чтоб развалюху приняли. Чтоб доставить развалюху к месту назначения (если развалюха сама не едет), тоже надо платить. Неудивительно, что сознательных граждан становится все меньше и меньше, ибо французы прекрасно умеют считать и предпочитают, вместо скучного исполнения гражданского долга, истратить эти деньги на более веселое времяпрепровождение. Французская полиция, как это ни удивительно, тоже умеет считать. Полиции выгоднее найти владельца развалюхи, чтоб содрать с него штраф за нарушение закона, за буксировку и т.д. А с угонщика автомобиля фиг что сдерешь! С угонщиком возиться – одни хлопоты. Впрочем, полиция безропотно принимает от граждан заявления об угоне автомашин и выдает соответствующие справки. Справки эти потом предъявляются в страховые компании. Страховка, конечно, изворачивается как может, но если клиент прижмет, то приходится платить какую-то компенсацию.

Совсем другой разговор, когда речь идет о дорогих моделях новейшего выпуска. Нынче на дорогие модели большой спрос – в Африке, в Азии, в России, в странах Восточной Европы. Туда их угоняют и продают за большие деньги. Однако

новейшие модели (по требованию страховых компаний) снабжены солидными противоугонными механизмами. Угнать такую модель очень сложно – мотор не заводится плюс срабатывает сигнал тревоги. Если срабатывает сигнал тревоги, полиция прослеживает маршрут автомобиля с помощью электронных датчиков. Когда известно, куда машина едет, задержать ее не представляет большого труда. И полиция задерживает, тем более что новейшие модели чаще всего принадлежат знаменитостям или влиятельным людям, а, значит, о доблести полиции раструбят в газетах и по телевидению. Но пытливая мысль французских бандитов оказалась сильнее изощренной техники. Новейшую модель научилась брать прямо с живой начинкой, то есть с водителями и пассажирами. Организуют на шоссе легкое дорожное происшествие, хозяин выходит посмотреть, какая сволочь поцарапала его любимый «мерс» или БМВ, а тут на него наставляют пушки и говорят: «Давай ключи и пусть твои шлюхи выматываются из машины!». Иногда подобные сцены происходят в подземных гаражах, куда бандиты въехали, следуя вплотную на своей «тачке» за новейшей моделью. После того как несколько раз строптивых владельцев зверски избили, ключи от зажигания передают по первому требованию. С ключом от зажигания все просто: противоугонные механизмы бездействуют, электронные датчики молчат, и пока перепуганный хозяин, опомнившись, дозванивается до полиции, новейшая модель уже в укромном гараже. Там ее перекрашивают, вешают другие номера, снабжают фальшивым техническим паспортом – и в путь далекий, в Бейрут, к богатому торговцу, или в Санкт-Петербург, к новому русскому.

Бесспорно и без всяких сомнений: грабеж банков и касс по обмену валют – любимое развлечение во Франции. Профессионалы, естественно, в первых рядах, но кто только не грабил банки! Пенсионеры, безработные, домохозяйки, бретонские революционеры, корсиканские сепаратисты, студенты-троцкисты, школьники, дворовые хулиганы. Зафиксированы случаи, когда банки грабили... полицейские, правда, по этому поводу они переодевались в штатскую одежду.

Конечно, «дорога в банк» не усеяна розами – в том смысле, что тут тоже имеются некоторые трудности. Например, если вы в маске или в капюшоне, надвинутом на глаза, вам дверь банка не откроют. Хулиганы из «горячих пригородов» примитивно пытаются протаранить двери тяжелым грузовиком, а профессионалы и более смелый народ идут на хитрости. Главное, действовать быстро и, проникнув в банк, наставить на кассира ружье, автомат или игрушечный пистолет. Испуганный кассир не будет рассматривать, какого рода у вас оружие, и выложит из сейфа всю наличность. Беда в том, что умудренное опытом банковское начальство знает, что банк все равно ограбят, поэтому наличности в сейфе немного, особенно не разживешься. А дальше надо в темпе удирать, ибо кассир уже нажал на кнопку тревоги, и вот-вот притопает полиция. Впрочем, если полиция притопает, тоже можно выкрутиться. Профессионалы встречают полицейских залпами из «калашниковых», и полицейские благоразумно прячутся. Незадачливые любители берут в заложники банковских служащих, сажают их в свои машины, и тут уж все зависит от уличного движения. Как повезет.

Летом 2001 года вся Франция наблюдала по телевидению полицейскую погоню за гангстером.

Гангстер проник в сберкасса, переодевшись в женскую одежду. Гангстер оказался растяпой. Пока он по мелочам спорил с кассиром, приехала полиция. Часа два гангстер сидел в сберкассе и, угрожая пистолетом, никого не выпускал. К этому времени из всех соседних участков к сберкассе подтянулось полицейское подкрепление, человек 200, не меньше. Приехало телевидение, пошла прямая трансляция. Гангстер покинул сберкассу, держа за руку заложницу. Полицейские нервничали, суетились и криками очищали улицу от прохожих. Гангстер путался в длинной юбке, рука с пистолетом поправляла юбку, заложница отставала от него на метр. Любой пионер Петя, имеющий третий разряд по стрельбе из мелкокалиберной винтовки, попал бы в гангстера, не задев заложницу. Все полицейские были вооружены, но никто не стрелял. Потом по телевидению объяснили, что эти полицейские, двести человек, стрелять не умеют. А тех полицейских, которые умеют стрелять, снайперов из спецбригад по борьбе с бандитизмом, почему-то забыли вызвать. Или они тоже с увлечением наблюдали за происходящим по «телеку».

Гангстер сел с заложницей в машину, подъехал к парку, где проходило субботнее праздничное мероприятие, и затерялся в густой толпе.

Заложница вскоре объявилась, гангстер исчез. Искали до глубокой ночи. Безрезультатно.

Дело грозило перейти в большой скандал (все-таки на глазах у почтенной публики двести полицейских не могут задержать одного бандита – даже для Франции это уж слишком), но выручило телевидение. Женский парик у незадачливого гангстера все время сползал, и кто-то из зрителей узнал в злоумышленнике своего соседа. И сообщил куда надо.

Домик бандита окружила полиция, и в шесть утра его взяли в постели, тепленького, без всякого сопротивления. Репутация стражей порядка была спасена.

Для справки. Каким бы ни был опасный преступник, его нельзя арестовывать в середине ночи. Не дать преступнику выспаться – грубейшее нарушение прав человека.

Правда, в данном случае в роли гангстера выступал бывший служащий ограбленной сберкассы, уволенный за какие-то прегрешения и обиженный на своих коллег.

Французская полиция в действии

Вопреки расхожему мнению, французы очень дисциплинированы. В том, что касается еды. В час дня французский рабочий класс, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция, служивый народ, домохозяйки, пенсионеры да и любой мало-мальски уважающий себя преступник или наркоман – обедают. И вот ровно в час дня, когда на улицах ни души, в наш жилой квартал, в котором я живу, въезжает полицейская машина и по асфальтовой дорожке медленно объезжает парк. В патрульной машине трое полицейских: двое мужчин и молодая женщина. Они весело между собой переговариваются, но тем не менее зорко наблюдают за происходящим. Если кто забыл, повторяю: в час дня в нашем тихом парижском пригороде ничего не происходит, однако полиция

бдит. Происходить начинает с наступлением темноты: выясняет отношения группа молодежи, подъезжают машины с номерами соседнего департамента, пользующегося дурной репутацией. По тому, как их ждут, ясно, что они привозят наркотики; по улицам на дикой скорости и с диким ревом (то есть со снятыми глушителями) гоняют мотоциклисты. Но полицейский патруль исчез с наступлением темноты. Он появится лишь завтра, в спокойное обеденное время.

Иногда в три-четыре часа дня, на какой-нибудь тихой улице, где редкое автомобильное движение, полицейский патруль сходит на землю и выборочно останавливает машины, проверяя у водителей документы, а порой даже – жуткое дело! – заставляет дуть в трубочку на «алкотест». После девяти вечера, когда все французы дисциплинированно поужинали, изрядно подкрепившись вином, на алкоголь в нашем пригороде никого никогда не проверяют.

Вообще-то, полицейские засады на водителей алкоголиков во Франции устраиваются. В них наши патрульные участия не принимают – они свой день уже отработали. Полицейские засады устраивают специальные оперативные подразделения, причем – о ужас! – именно после девяти вечера. В среду или четверг, в определенных, всем известных местах. Я, например, знаю, что в среду или четверг, если задержался в гостях и несколько себе напозволял, то через мост домой нельзя возвращаться, рискованно. Возвращаюсь окольным путем, где никаких полицейских засад в природе не бывает. В пятницу и в субботу вечером можно в любом состоянии переть через мост. В пятницу или субботу вечером во Франции полицейских засад отродясь не было. Ведь все едут пьяные. В стране

виноделов, занимающей первое место в мире по экспорту вина, какое же правительство решится на столь непопулярную затею?

Но вернемся к нашим патрульным. Однажды я видел их в действии. У моего дома случилось происшествие, причем среди бела дня. Сосед не запер свою машину, оставил ее на проезжей части, и ключ – в зажигании. На беду в наш тихий квартал забрел гастролер, увидел ключ в зажигании, сел в машину, завел мотор, рванул со странной силой, не справился с управлением – и врезался в другую машину. Шум был страшный. Неудачливый похититель вылез из машины и неспешно отправился в сторону метро. Полицейский патруль прибыл оперативно. Из всех окон соседи кричали – дескать, вон негр в белой куртке, ушел в сторону метро! Однако преследовать угонщика полицейские даже не собирались. Их интересовало другое: чья машина, где хозяин? Появился хозяин. Девушка-полицейская действовала энергично и толково, объяснила хозяину машины, когда тому надо явиться в участок, к кому обратиться, чтобы получить справку для страховки. Пожилой полицейский ворчал: «Ну и денек выдался, с утра третий инцидент! Никак пообедать не успеваем!»

Для справки. Такой состав патруля – двое мужчин и женщина – не только привычен, но и политкорректен, он демонстрирует равенство полов, что во Франции очень немаловажно. Кроме того, люди, имевшие, к несчастью, дело с полицией, утверждают, что по их наблюдениям женщины-полицейские понятливее и быстрее схватывают суть дела. К сожалению (и объяснить тому причины никак не берусь), женщины, поступив в полицию, быстро беременеют. Рожать, находясь на государственной службе, весьма выгодно: шесть месяцев

можно не работать и получать полную зарплату. Не случайно в полиции постоянно жалуются на нехватку кадров.

Массовый прием женщин в полицию начался с приходом социалистов к власти. Социалистам важно было доказать, что они, в отличие от репрессивной полиции правого правительства, создают полицию «с человеческим лицом». Такие патрули, о которых я рассказывал, призваны осуществлять связь с народом, то есть выполнять роль участковых милиционеров, какими они были при советской власти.

Идея связи с народом очень хороша, особенно в предвыборной кампании. Ну и вообще, переводить старушку через улицу сподручнее девушке в пилотке, чем дюжему полицейскому. Трудности возникают тогда, когда народ не хочет этой связи. Именно при социалистах в так называемых «горячих пригородах» образовались зоны беззакония, то есть обширные жилые кварталы, куда полиция не смела входить.

Горячим пригородам, тому как они возникли и кто там на самом деле заправляет, я посвящу особую главу. А пока не будем отвлекаться от полицейской темы. Победив на последних президентских и парламентских выборах, правые, выполняя свои предвыборные обещания, решили сразу покончить с этими зонами беззакония. И вот, в один прекрасный день (подчеркиваю – день, а не вечер, не ночь) только что назначенный министром внутренних дел Николя Саркози ввел в один из таких кварталов два батальона полиции. Ничего, все прошло благополучно. В полицию не стреляли из окон, не швыряли камнями, не поджигали полицейские машины. Полицейское начальство, воодушевленное успехом (дескать, запугали хулига-

ные), повелело осуществлять патрулирование ранее недоступных зон. Первый патруль был, как и при социалистах, политкорректен, то есть двое мужчин и женщина. Кто так распорядился, не знаю, но думаю, руководствовались соображениями политического порядка. Заменить привычный элегантный патруль дюжиной здоровенных бугаев, означало бы прослать реакционерами. А это во французской политике смерти подобно. Значит, патруль вошел в жилой квартал, но буквально через несколько метров на него набросилась группа молодежи. Мужчин здорово поколотили, а девушку-полицейскую просто изуродовали – сломали нос и челюсть. Выручил бедолаг особый наряд полиции, который благоразумно держали поблизости в боевой готовности. На следующий день в этом квартале арестовали нескольких подростков. Адвокаты подростков утверждают, что их подопечные в избиении полиции не участвовали, а просто случайно проходили мимо. Чем это дело кончится, и вообще, дойдет ли оно до суда, не берусь гадать.

В тот же злополучный день другой патруль, менее политкорректный, то есть состоящих из одних мужчин, был остановлен молодежной бандой. Полицейские под градом камней выскочили из машины и спрятались за грузовик. В полицейских продолжали швырять камнями, гнилыми овощами, пустыми бутылками, а полицейскую машину изрядно раскурочили, то есть вытащили оттуда рацию, спецоборудование, незаполненные бланки, а саму машину подожгли.

Вопрос: почему в обоих случаях полицейские не могли сами себя защитить, у них, что, не было оружия? Поясняю: в отличие от английских «бобби», французская полиция вооружена и даже женщины-

полицейские имеют при себе пистолет, заряженный боевыми патронами. Может, французская полиция не умеет стрелять? Ответить на этот вопрос затрудняюсь, но по телевизору постоянно показывают, как полицейские, в том числе женщины, отрабатывают учебные выстрелы в тире.

Кстати, о телевидении. Естественно, эти инциденты оказались в центре вечерних «новостей». Дикторша, рассказывая о покалеченной сотруднице полиции, смахнула слезу. Были интервью с избитыми полицейскими из обоих патрулей. Полицейские жаловались на падение нравов, на отсутствие уважения к полиции, на варварство некоторой части молодежи, но что характерно, все с гордостью заявили: «Тем не менее, мы не стреляли!».

Французский парадокс. Полиция имеет оружие, но не стреляет. И главной доблестью полицейского является не то, что он защищает граждан, или задерживает преступника, или хотя бы защищает самого себя, нет – основное достоинство полицейского заключается в том, что он, полицейский, в преступника не стреляет. Стрелять в преступника во Франции – это нарушение прав человека, а Франция – родина этих прав.

В принципе, согласно инструкции, полицейский имеет право стрелять, но только в том случае, если его жизни угрожает опасность. Причем, последнее надо доказывать, а это не всегда просто. Например, полицейскому бьют морду – это не угроза жизни, это угроза здоровью, значит, стрелять нельзя. Вот когда поверженного полицейского начинают давить трактором, тогда, в принципе, можно применить оружие, однако желательно заранее запастись свидетелем, чтобы те подтвердили: да, действительно была опасность для жизни.

Вот типичная для Франции ситуация. Я уже рассказывал, как хулиганье из горячих пригородов устраивает родео, то есть гоняет со страшной скоростью по ночным улицам на ворованных машинах. Полицейскому ночному патрулю легко засесть такую машину – едет через красные светофоры, по встречной полосе, музыка включена на полную катушку. Допустим, засекали и начали преследование. Но хулиганье, как правило, выбирает машины с сильными моторами, их на старых полицейских драндулетах не догонишь. Стрелять вслед? Никак нельзя, ведь они непосредственно не угрожают жизни полицейских. Под угрозой находится жизнь поздних пешеходов или водителей машин, которые имели несчастье проезжать перекресток на зеленый свет в момент, когда... Словом, понятно. Что делать? Патруль по радиации вызывает подкрепление. Полиция пытается угадать маршрут угонщиков и перекрыть движение. Перекрывает как? Ставят полицейскую машину с мигалкой поперек улицы, а сами полицейские предусмотрительно жмутся к тротуару. Если полицейских машин много и они перекрыли улицу наглухо, тогда угонщикам некуда деваться. Их арестовывают, держат ночь в участке, а утром отпускают под расписку о невыезде. То есть угонщики обязаны явиться в полицию по первому требованию, но почему-то они не являются. Бывает, что полиция заводит на них дело и передает его в суд. Но в суде так много таких дел, что они пылятся там годами, пока не подоспеет очередная амнистия. На этом инцидент закончен.

Инцидент не закончен, если на удалось перекрыть улицу наглухо и у угонщиков есть возможность проскочить хотя бы по тротуару. Что они и делают, причем, не сбавляя скорости и стараясь

сбить стоящего на тротуаре полицейского. Тут два варианта. Или они сбили полицейского, причем на такой скорости это всегда насмерть, с гиком укатили, а дальше – ищи ветра в поле. Или у полицейского не выдержали нервы, он успел выстрелить (ведь теоретически имеет право, прямо на него несется машина), а сам отскочил в сторону, и машина, потеряв управление, во что-то врезалась. В первом варианте – в газетах напечатают три строчки: дескать, такого-то числа, при таких-то обстоятельствах погиб офицер полиции, отец троих детей, а телевидение покажет на 10 секунд скорбное рыло очередного министра внутренних дел, который вручает вдове какую-то медную побрякушку с орденской ленточкой. Всё. Больше о погибшем никто не вспомнит. Во втором варианте, если пострадал кто-то из угонщиков, да еще негр или араб, то во всех газетах появятся огромные статьи, пышущие негодованием: мол, опять произвол полиции. Банда, к которой принадлежали хулиганы, устроит в своем квартале демонстрацию протеста, и будут несколько ночей подряд громить соседние магазины, лавки и поджигать машины ни в чем не повинных местных жителей. Все программы телевидения охотно предоставят слово друзьям пострадавших, которые, закутав лицо шарфами, станут талдычить с экрана о расизме и социальной несправедливости. Чудом уцелевшего полицейского тут же отстранят от работы и устроят долгое служебное расследование. Исход расследования часто зависит от накала страстей в прессе. Тем более, что друзья пострадавшего будут утверждать, что никаких правил уличного движения они не нарушали. Подумаешь, решили тихо покататься – разве за это стреляют? Свидетельст-

ва коллег полицейского в расчет не принимаются – мол, разве когда-нибудь полиция скажет правду... В общем, инцидент может кончиться так, что беднягу-полицейского, проявившего усердие, выгонят со службы.

А теперь поставьте себя на место полицейского, попробуйте понять его психологию. Да, конечно, служба в полиции нелегкая, связанная с риском и совсем не престижная: в любом уличном инциденте толпа обычно настроена против полиции и поливает ее площадной бранью. И зарплата у французского полицейского не ахти какая, не сравнить с заработком американского копа. Все так, но у полицейского статус государственного служащего, а это имеет огромное значение. Многочисленные опросы общественного мнения неоднократно подтверждали, что у так называемого рядового француза есть множество фобий (потеря денег, стихийные бедствия, оккупация страны Красной армией, болезни, уголовные преступления, поднятие цен на бензин), но над ними превалирует страх оказаться безработным. А вот это государственному служащему не грозит. Получив статус госслужащего, француз может спать на рабочем месте до самой пенсии. У полицейского, особенно в начале служебной карьеры, зарплата совсем небольшая, но постепенно к ней что-то приплюсовывается, какие-то премии, прибавки и в конечном итоге пенсию полицейскому выводят весьма приличную. И главное: для получения полной пенсии французам надо иметь сорокалетний стаж работы, а полицейскому достаточно двадцати пяти. То есть не служба, а золотая жила. Кто же от нее откажется, кто же добровольно уйдет из полиции?

Не было случая, чтобы из французской полиции кого-то уволили за то, что тот упустил банди-

та или за плохую работу – дескать, совсем мышей не ловит. Нерадивых сотрудников, конечно, наказывают: не дают повышения, задвигают на второстепенные должности, но до пенсии они все благополучно дотягивают. Из полиции могут уволить лишь в трех случаях: за глупость, по обвинению в расизме и за излишнее усердие. Если второй пункт – обвинение в расизме – комментариёв не требует, то первый и третий нужно пояснить.

За глупость (жаргонное выражение) увольняют полицейского, когда он вообразил себя слишком умным, то есть, ежедневно наблюдая, как грабят банки и ювелирные магазины, причем почти безнаказанно, подумал: «А почему бы мне этого не сделать? Что я, хуже других? И потом, мне известны методы и техника ограблений». Или решил округлить себе конец месяца (жаргонное выражение), получая взятки от людей, живущих не в ладах с законом. Коррупция! Вот тут полицейского прищучивают (если прищучивают) и не только увольняют, но и предают суду. А его коллеги говорят: «Дурак, не мог дожждаться пенсии!».

Третий пункт – за излишнее усердие – мы уже частично рассматривали, но необходимо повторить. Значит, когда, полицейский видит, что кого-то избивают, грабят, насилуют, убивают, он, естественно, обязан вмешаться, однако строго соблюдая права человека. Например, если мужик гоняется за женщиной с ножом и уже несколько раз ее пырнул, то остановить его желательно, не применяя силу (громко читать ему текст Конституции). Ведь если скрутить буяна, он потом, по совету адвоката, потребует медицинского освидетельствования. Медики перечислят царапины и синяки, а адвокат завопит, что его клиента изби-

ли в полиции. Сразу заинтересуется пресса, неприятностей не оберешься. И абсолютно недопустимо угрожать мужику с ножом – пистолетом. Вдруг рука у полицейского дрогнет и пистолет выстрелит? Если бабу разрежут на мелкие кусочки, полицейскому потом, может, премию дадут за пережитый ужас. Если же пистолет выстрелит, да еще так неловко, что пуля задела убийцу, то накрылась пенсия и бедолаге придется записываться на пособие по безработице.

...Теплый летний день. Почти все парижане уехали за город. Город пуст. На одной из центральных улиц, как сиротка, приткнулась полицейская машина. Увидев меня издали, истомившийся от скуки полицейский машет жезлом. Я останавливаю свою старую тачку, юный полицейский подбегает, вежливо просит документы. Рутинная проверка. Я его спрашиваю: «На кого вы здесь охотитесь? На пенсионеров? Поехали бы лучше в «горячие пригороды», там для вас работы навалом». Как он взбеленился! Начал орать: «Что вы себе позволяете? Да мы вас сейчас за такие разговорчики в участок отвезем!». Схватил мои водительские права, побежал к патрульной машине. А в моих правах было вложено давно уже просроченное удостоверение корреспондента американского радио. И видимо, в машине более опытный полицейский посоветовал: «Да ну его к черту, не связывайся с прессой!». Короче, юноша мне права вернул и что-то буркнул напоследок.

В тот же вечер по телевидению транслировали футбольный матч на парижском стадионе. На трибунах возникла драка, и пытавшегося остановить ее полицейского офицера болельщики добивали ногами. Я завелся и, вспомнив рутинную проверку, подумал: «Мальчик, вот где твое настоящее место.

Выручил бы своего коллегу!». А потом, поразмыслив, решил, что зря я взъелся на юного полицейского. Просто он с молодых лет правильно понял службу.

Спецотряды и крайние меры

Какой-нибудь дока-юрист, хитро прищурясь, меня спросит: «А не вводите ли вы в заблуждение почтенную публику? Конечно, все, что вы рассказали о французской полиции, верно, но вы несколько передергиваете карты. Ведь существуют спецподразделения, где полицейские не только умеют стрелять, но и имеют на это право».

Да, действительно, такие подразделения существуют. Думаю, что личная охрана президента Франции, или отряд, который обеспечивает безопасность глав иностранных государств во время их официального визита во Францию, имеют право открывать огонь на поражение. Но тут дело касается сильных мира сего, поэтому демократию просят немножечко подвинуться. Впрочем, и простых французов не забывают. Например, в Париже есть бригада по борьбе с бандитизмом. Там работают настоящие профессионалы, отчаянные ребята, которые не боятся рисковать ни головой, ни карье-

рой. А риск всегда присутствует, причем в таком деле никогда не знаешь, где поскользнешься.

...Лет пятнадцать тому назад Франция пережила дикий шок. В Нейи, ближайшем предместье Парижа, вооруженный до зубов бандит ворвался в детский сад, закрыл все двери и объявил, что берет детей и персонал в заложники, пока не выполнят его требования. Разумеется, детский сад был оцеплен полицией, сразу прибыли ребята из бригады по борьбе с бандитизмом (их даже показывали по телевидению: в черных масках, со снайперскими винтовками, они разместились на крышах соседних домов), а власти приступили к переговорам. Бандит требовал очень крупную сумму денег, машину и самолет. Представители властей, как обычно бывает в подобных случаях, тянули время, ссылаясь на разные технические трудности: дескать, сложно достать такую сумму, да еще в мелких купюрах, и самолеты все на линиях, и в какую страну прикажете лететь? Так ведь надо сначала добиться согласия, чтоб вас там приняли! Однако бандит понимал эту тактику проволочек и ужесточал требования: теперь он угрожал убивать каждый час по ребенку, если власти продолжат волюнку. Франция застыла в ужасе у экранов телевизоров, где ежедневно шел короткий репортаж из Нейи. Можете себе представить, что творилось с родителями тридцати малышей, которые были взяты в заложники в детском саду! К полуночи каким-то чудом удалось договориться с бандитом. В шесть утра ему обещали машину, деньги, самолет в Ливию, а пока детей, под присмотром воспитательниц, уложили спать. Бандит был на стороже, бандит ожидал подвоха, бандит не смыкал глаз. Никто не знал, чем встретит их утро. Ведь бандит, в случае невыполнения условий, обещал привести свою угрозу в действие.

И никто не знал, что полиции удалась подмена: место одной из воспитательниц заняла молодая женщина из бригады по борьбе с бандитизмом. Устроившись рядом со спящими детьми, она внимательно наблюдала за бандитом. Часа в четыре утра она увидела, что голова бандита упала на грудь, он задремал. Моментально, по миниатюрному радио она дала условный сигнал, и через три секунды в детский сад ворвались снайперы и застрелили бандита.

Все средства массовой информации восторгались прекрасно проведенной операцией. Тогдашний президент Франции Миттеран лично поздравил отряд по борьбе с бандитизмом с успехом, а женщину из отряда представил к награде.

Прошло несколько месяцев, страсти поутихли, и тогда левые газеты сменили тон. Появились статьи, которые упрекали полицейских из отряда по борьбе с бандитизмом в жестокости: дескать, зачем надо было убивать бандита, ведь он-то никого не убил, а только угрожал. И вообще, это не бандит, а несчастный человек, разорился, хотел поправить свое финансовое положение. Родители бандита, которые боялись от стыда высунуться из дома, теперь восторжеслись и даже потребовали от государства материальной компенсации. Однако социалист Миттеран знал, как утихомирить левую прессу. И потом у бандита была подозрительная фамилия, похожая на немецкую: Шмидт. Но окажись на месте Шмидта какой-нибудь негр или араб, тогда скандал не удалось бы замять даже Миттерану, и героев-полицейских пришлось бы увольнять из бригады.

На моей памяти произошла история с Месрином. Да, я застал еще другую Францию, в которой никто не слыхал о горячих пригородах, полицей-

ских уважали или боялись, а за убийство полицейского при исполнении им служебных обязанностей, суд приговаривал к смертной казни. Лишь один человек не уважал и не боялся полицию: знаменитый бандит Жак Месрин. Не сосчитать, сколько он ограбил банков, а если его ловили (полиция в ту эпоху умела работать), то каждый раз он убегал из тюрьмы. Как? До сих пор загадка. В конце концов его объявили «врагом № 1». (Вот это истинная слава! В Советском Союзе было огромное количество врагов, но кто из них занимал первое место, не припомню. Разве что бывший нарком армии и флота Лев Троцкий...) Интервью с «врагом № 1» охотно печатали популярные журналы и газеты. В интервью Жак Месрин издевался над тупостью полиции. Получалась странная ситуация: журналисты могли найти Месрина, а полицейские – никак нет. Все это изрядно надоело тогдашнему президенту Франции, Валери Жискар д'Эстену, и он дал секретный приказ: арестовать Месрина любой ценой. Полицейским было хорошо известно, что Месрин первым открывает огонь, без предупреждения, а в интервью он похвалялся, что живым не сдастся. Операцию против Месрина возглавил тоже знаменитый полицейский (были тогда знаменитые полицейские), комиссар Бруссар. Люди Бруссара выследили «врага № 1», и комиссар принял смелое, но очень рискованное решение: устроить засаду Месрину там, где тот никак не ожидал. Среди бела дня, на городской площади, искусственно организовали затор и расстреляли Месрина с двух сторон. Правда, была ранена любовница Месрина, которая вела его машину. Потом в машине Месрина обнаружили набор стрелкового оружия, а у ног его лежала граната. То есть запоздай полицейские на пару секунд, на площади случилась бы кровавая баня.

С тех прошло больше двадцати лет. О Месрине написаны десятки книг, снят фильм, а споры не утихают. Левые интеллектуалы доказывают, что полиция убрала Месрина преднамеренно, а полицейские оправдываются: дескать, открыли огонь, когда увидели, что Месрин потянулся к гранате.

Справедливости ради, надо заметить, что комиссара Бруссара не наказали, и он благополучно дослужил до пенсии. Но, во-первых, довольно скоро стало известно о секретном приказе президента – «любой ценой»; во-вторых, левацкая теория, мол, преступниками становятся из-за трудных социальных условий или тяжелого детства, к Месрину никак не подходила – он воспитывался в буржуазной семье, а в бандиты подался, можно сказать, из чистой любви к искусству. И в третьих, в данном случае никак нельзя было заподозрить полицейских в расизме.

Ну, может, я сам помешался на этом вопросе? Может, мне всюду мерещится? Если бы...

Опять же, немного истории. Был во французской полиции спецотряд мотоциклистов, в задачу которого входило – нет, не стрелять, а ловить воров и зачинщиков уличных беспорядков. Дело в том, что парижские хулиганы очень организованы и натренированы. Разбивают витрину магазина, хватают что под руку попадет, и моментально разбегаются в разные стороны. Или поджигают машину, переворачивают ее и скрываются в толпе. Нерасторопным полицейским-тихоходам их никак не поймать. А в этом отряде все как на подбор были мастера мотоциклетного спорта, на скорости маневрировали в узких парижских переулках – и ловили! Спецотряд мотоциклистов хулиганы и грабители боялись как огня. Но однажды случилась трагическая накладка: гнались за хулигана-

ми, увидели арабского парня, прятавшегося в подъезде, и огрели его несколько раз дубинкой. А парень оказался не при чем, к тому же больным. И пока его везли в госпиталь, он умер по дороге. Повторяю, трагическая ошибка! Увы, от таких ошибок никто не застрахован. В прессе поднялся жуткий вой, полицейских всех скопом обвинили в расизме, и отряд расформировали. Теперь каждая демонстрация в Париже, по какому поводу она бы ни была организована, заканчивается разбитыми витринами, ограбленными магазинами, сожженными автомашинами. Все знают, что это дело рук «кассёров» (от французского глагола «ломать, крушить»), специально затесавшихся в ряды демонстрантов, но их никто и не пытается поймать.

Остановим наш рассказ. Как в кино, сделаем стоп-кадр. Нарядная парижская улица после прохода «кассёров» напоминает печально известные кварталы Южного Бронкса в Нью-Йорке. Разграблен магазин радиотехники. Среди битого стекла в витрине ювелирного магазина валяются лишь ценники. Из магазина спортивной обуви нагло уволокли половину коробок. Порушены столики в кафе, напуганы посетители. Бармену оказывают первую медицинскую помощь – он получил удар железным прутком по голове. Овощи и фрукты, которые хозяин арабской лавчонки каждое утро заботливо раскладывает по стеллажам, сметены на тротуар, растоптаны, превратились в грязное месиво. (Если бы кто-то украл яблоко или банан, чтоб поест, еще можно было бы это понять, но в домах у «кассёров» полно продуктов – их родители получают пособие по безработице и на воспитание детей, – а сами «кассёры» предпочитают воровать что-нибудь более существенное: часы «Сейко», магнитофоны «Сони», кроссовки «Адидас» и т.д.) Спрашивается,

за что такое наказание лавочникам? Ведь они, в отличие от государственных служащих, работают не 35 часов в неделю, а как минимум, 50. А арабский зеленщик – 12 часов каждый день, шесть дней в неделю – иначе ему не выдержать конкуренцию с большими магазинами. И вот теперь вся их работа псу под хвост. Может, страховка что-то вернет ювелиру или владельцу радиомагазина (увеличив следующие взносы), но трудяга-араб не получит ни сантима. Где же тут хваленая во Франции социальная справедливость? Почему полиция не защищает трудящихся от вандалов, которые никогда не работали и, по их собственным признаниям, сделанным в прессе, не собираются работать?

Ответ прост: многоопытное полицейское начальство не желает лишних неприятностей и выбирает меньшее зло. Если бы арабскую лавку разгромили белые хулиганы – поклонники Ле Пена, полиция бы тут же встrepенулась и быстренько арестовала бы виновных. Но кто такие «кассёры» и какого цвета кожи – всем хорошо известно. Плюс – общественное мнение с удивительной тупостью продолжает их считать жертвами социальной несправедливости. Поэтому за допущенный погром на парижской улице полицию слегка пожурят, но зато не будет обвинений в расизме. А обвинение в расизме грозит серьезными оргвыводами. Урок с моторизованным отрядом все хорошо запомнили.

Характерный штрих. Когда в первом туре предыдущих президентских выборов на второе место, опередив социалиста Жоспена, вышел Ле Пен, вся прогрессивная Франция жутко возмутилась. Во всех крупных городах прошли демонстрации протеста. Действительно, в программе Ле Пена было много вздорного, но был и такой пункт: высылать хулига-

нов и «кассёров» из Франции – в страны, откуда прибыли их семьи. Так вот, несмотря на спонтанность и массовость демонстраций, ни одно стекло не было разбито и ни один стеллаж не опрокинули. «Кассёры» и хулиганы проявили удивительное политическое чутье и решили не возникать...

В этом месте совсем не дока-юрист, а какой-нибудь иностранец, следящий за политической жизнью Франции по газетам, захочет меня прервать: «Месье, камарад, все о чем вы рассказывали, осталось в прошлом. Нынче во Франции правое правительство, оно уже начинает бороться с преступностью, а главное: обещает принять такие крутые меры, что бандитам явно не поздоровится». (Замечу в скобках, что француз так никогда не скажет. Француз знает цену предвыборным обещаниям и громким словам правительства.) И впрямь, может, иностранец прав? Действительно, готовятся законы и уже принимаются какие-то меры. О некоторых, как, например, попытка ввести в «горячие пригороды» полицейские патрули, я уже рассказывал. А в пятницу вечером, восемнадцатого октября 2002 года, произошло событие, которое показывает отчаянную смелость правительства, его железную решимость навести в стране порядок. Так вот, в эту ночь, с пятницы на субботу, вся парижская полиция бодрствовала, и не только маячила на перекрестках, но – слушайте, слушайте!!! – догоняла машины, проносившиеся на красный свет, и заставляла шоферов проходить «алкотест». Чтоб была понятна крутизна этой акции, сообщая: ночью, с пятницы на субботу, и с субботы на воскресенье в Париже никто не признает красный свет и все ездят выпивши. Представляете себе, как рискует правительство? Еще несколько таких полицейских облав, и во Франции возникнет революционная ситуация.

Не возникнет. Во-первых, каждое новое правительство в начале своей деятельности устраивало какое-нибудь показательное мероприятие, чтоб поразить общественное мнение. Бывший министр внутренних дел, социалист Шевенман, несколько уик-эндов подряд перекрывал по ночам две или три парижские улицы, и полиция проверяла всех подряд на «алкотест». Правда, до такого зверства, чтобы штрафовать за проезд по ночам на красный свет, Шевенман не дошел. Во-вторых, я даже не буду перечислять законы, которые правительство намерено провести через парламент. Хотя законы выглядят весьма суровыми, и парламентское большинство правительству обеспечено, но законы так и останутся на бумаге, будут играть роль огородных пугал для устрашения воробьев. Почему? Потому что уже заранее левая пресса объявила эти законы реакционными, а правительство обвинила в намерении установить во Франции полицейское государство. Всё. Этого вполне достаточно, чтобы торпедировать любые благие начинания правительства.

* * *

По каким-то причинам отвлекся от книги на полтора года. Была другая работа. И вот решил продолжать, перечел предыдущую страницу и убедился в собственной правоте. Аж противно стало! Так хотелось бы ошибиться, да ничего практически не изменилось. Жестикующий министра внутренних дел Николя Саркози (а ныне – уже президента Франции!) производит впечатление на прессу, но не на преступников. Пример: по официальной статистике число краж в Париже уменьшилось на семь процентов, но на столько же процен-

тов увеличилось число разбойных нападений. То есть, если раньше у вас втихаря пытались вытащить кошелек, то теперь, никого не стесняясь, бьют вам морду и отнимает деньги. Уменьшилось число квартирных краж, зато резко возросло количество махинаций с кредитными карточками. Преступники не дураки, знают, чем им выгоднее заниматься. И я прихожу к выводу, что нечего мне их учить уму-разуму, они сами разберутся. И все-таки, плача и рыдая, даю последнюю информацию, важную для этой специфической категории (и кто меня за язык тянет?): если вы, господа-товарищи, пань и герры, пожелаете кого-то убить во Франции, то лучше всего, а главное, безопаснее для вас, делать это, сидя за рулем автомобиля.

Поясняю. Если вы кого-то застрелите, зарежете, задушите, забьете насмерть ногами, то при всей неповоротливости французской полиции, вы рискуете быть пойманным и получить какой-то тюремный срок. Но если вы изловчились и сбиваете свою жертву машиной (выражаясь юридическим термином, совершаете наезд), то максимум, что вам грозит, – это условный срок наказания. Причем, совершить наезд вы можете на улице, на тротуаре, на пешеходной дорожке, на автобусной остановке – все вам сойдет с рук. Конечно, бывают отягчающие обстоятельства. После долгих дебатов в парламенте и криков в прессе об усилении полицейских репрессий был принят новый закон. Согласно ему, водитель, совершивший наезд в пьяном виде или под действием наркотиков, получает несколько лет тюрьмы. Отсюда мораль: не пейте с утра. Кончил дело – гуляй смело.

Вообще, охота на пешеходов стала во Франции национальным видом спорта. Убивают все, кому не лень: молодежь, старики, женщины. Происшеств-

вие покажут по телевизору, напишут в газете, повздыхают... и забудут. Правда, однажды поднялась волна народного возмущения и, казалось, ситуация в корне изменится. А было так. Позапрошлым летом, в пригороде Парижа, красный «порше», несшийся на дикой скорости по автобусному коридору, запрещенному для частных машин, врезался в автобусную остановку, ранил нескольких человек и убил молодую женщину с двумя маленькими детьми. А водитель «порше» вместе с пассажирами трусливо сбежали с места происшествия. Шум поднялся оглушительный. Два дня французская журналистика захлебывалась в негодующих воплях: когда наконец во Франции начнут наказывать шоферов-лихачей? Почему богатые бездельники разъезжают на роскошных машинах и убивают бедных жителей окраин? И естественно, главный вопль: куда смотрит полиция?! Однако полиция быстро провела расследование, и пресса сбавила тон. Во-первых, выяснилось, что роскошный красный «порше» принадлежит не какому-нибудь парижскому богатею, а бедному негру, который, правда, подозревается в торговле наркотиками, но пока полиция ничего доказать не может. Во-вторых, трое парней попросили у бедного хозяина его машину, и тот, добрый человек, разрешил им покататься. На защиту этих ребят неожиданно встал хорошо оплачиваемый адвокат, который уверял, что никакой бы аварии не произошло, если бы его подопечные не увидели поблизости полицейскую машину, а увидев, естественно испугались, и шофер потерял управление. То есть получалось, что во всем косвенно виновата полиция. Я заметил, с каким отчаянным упорством дикторша второй программы теленовостей повторяет: «Красный «порше», красный «порше», избегая называть имена пассажиров. Увы и ах,

ребята оказались черными... Дело принимало нехороший расистский оттенок, и французская пресса нажала на тормоза.

...Проведя полжизни во Франции, я чувствую себя как подопытная собака академика Павлова. Появился условный рефлекс. Стоит только подумать, что твое высказывание могут воспринять как расистское – моментально начинаешь оправдываться. Так вот, уважаемые дамы и господа, граждане и товарищи, месье-дам и герры: (для справки сообщаю, что в Германии «г» произносится не совсем как «г», а скорее как «х»): прочитав мою последнюю историю, зря вы этакое-такое подумали. Я честно ничего такого не имел в виду. Я просто хочу сказать, что за рулем все французы, независимо от возраста, пола, вероисповедания и цвета кожи, становятся потенциальными убийцами. И не случайно, что по числу убитых и раненых на дорогах, мы, французы, гордо занимаем в Европе первое место. Так что посоветовав уважаемым геррам преступникам убивать на автомобилях, я забыл их предупредить, что они сами могут оказаться жертвами водителей-убийц, а точнее, водителей-убийц-самоубийц.

Правда, в городах нынче не разгонишься. Нынче движение по городу, особенно в Париже, организовано так хитро, что люди не едут, а сидят в пробках. Но наконец вы вырвались на простор автострады. И сидите вы за рулем не российского «жигуленка», а доброкачественного французского «Пежо». Красота, кто понимает! Скорость на французских автострадах ограничена – 130 км в час. Вы, как и все добропорядочные французы, держите 140. Только кустики мелькают. Но вот сзади нарастает рев, гудки. В последний момент вы с трудом меняете ряд, мимо вас со свистом проносится БМВ или «Рено-Меган» и через минуту скрываются

за горизонтом. На какой скорости они прошли, я и предположить не могу. Или начинается замедление, то есть скорость падает до 100 км, и тут вас подрезает «ситроен» и, создавая дикую аварийную обстановку, меняет четыре ряда и потом возвращается из четвертого в первый, чтоб тем самым выиграть у вас корпус. Дальше все ползут как черепахи, ибо впереди авария, пробка. Разными маневрами я стараюсь поравняться с «ситроеном», чтобы взглянуть в лицо водителю. Я ожидаю увидеть боксера в кожаной куртке, но, как правило, лихачом оказывается хилый студент в очках или пожилой скромный господин, похожий на бухгалтера. Наверно, у себя в конторе он сгибается перед начальством в три погребели, но сев за руль, преобразуется и чувствует себя суперменом. Между прочим, 25 процентов от общего числа погибших на французских автодорогах, это молодые люди до 25 лет. Они что, все гангстеры и преступники? Да ничего подобного! Дело в том, что правый президент Ширак совершил шаг, на который не отважился даже социалист Миттеран: отменил во Франции обязательную воинскую повинность. Раньше на военной службе молодые ребята хоть чистили пляжи от нефтяных выбросов, помогали пожарным тушить леса, то есть было куда силы девать. А теперь как растратить молодую энергию, ведь адреналин играет в крови! И несутся мальчишки на диких скоростях из дискотек, а рядом сидит девушка, и ей надо показать, что ты – настоящий «мек» (по-французски – мужчина). И слетают машины с шоссе в канавы или врезаются лоб в лоб во встречные грузовики.

В позапрошлом году не только российское радио и телевидение ехидно подсчитывали число американских солдат, убитых в Ираке после официального окончания войны. Такое же злорадное торжест-

во звучало в голосах французских теле- и радиокомментаторов. Дескать, Буш объявил победу в Ираке, и через пять месяцев там погибло уже 114 американских парней. А я вел свой подсчет, и у меня получалось, что за тот же период на дорогах мирной Франции погибало в пять раз больше сверстников американских солдат.

Тут в глазах прогрессивного общественного мнения я совершаю смертный грех. Уважаемые герры преступники, запомните, французы могут многое простить: убийство, воровство, изнасилование. Французы не прощают одного – нарушения политкорректности.

Политкорректность во Франции

Нормальные, интеллигентные французы новости по телевизору не смотрят. Все, что их интересует, они вычитывают в газетах. Одно и то же событие в мире будет преподнесено в «Либерасьон», «Фигаро» или «Юманите» под разными соусами. Но именно так, как хочет читатель этой газеты. В стране с установившимися демократическими традициями знают, что переубедить оппонента невозможно. Что бы в мире ни происходило, коммунисты будут воспринимать события с интерпретации «Юманите», а консервативные буржуа – в интерпретации «Фигаро». Однако подавляющее большинство французов узнает о событиях в мире и стране из телевизионных «Новостей». Чтобы понять, что такое политкорректность во Франции, надо посмотреть телевизионные «Новости». И в нынешних условиях знаменитая фраза Владимира Ильича звучала бы так: «Телевидение – не только коллективный агитатор, оно – коллективный организатор».

Прямо скажем, во французских теленовостях в самой подаче материала (то есть, как верно заметил Ленин, в формировании и организации общественного мнения) очень много симпатичного. Дикторы почти всегда улыбаются. С улыбкой вам сообщают, что не ходит метро, что забастовка водителей грузовиков блокировала полстраны. Дескать, ничего, мадам-месье, придется потерпеть, мы и не такое видели. Президента, премьер-министра мельком показывают на официальных церемониях. Министр крупным планом – только в двух случаях: или он, министр, обещает что-то конкретное (например, сократить налоги), или когда сморозил какую-нибудь глупость. Вообще если нет никаких потрясений или выборов, то жизнь в высших сферах власти французское телевидение не волнует. А волнует, то есть привлекает внимание, закрытие завода (особенно иностранной фирмой), когда рабочие вынуждены садиться на пособие по безработице; вандализм в школах и горячих пригородах; нехватка медперсонала в госпиталях; и трудная судьба французских крестьян (постоянный сюжет), которые в связи с перепроизводством не знают, куда девать избытки мяса, молока, зерна, овощей, фруктов. Вы просидели у телевизора 20 минут и кажется, уже все узнали про Францию. Но нет, ударный материал впереди! Камера медленно наплывает на скалистые берега Круазика, на песке, на камнях крупным планом – мазутные лепешки. Крупным планом показывают мертвых птичек, покрытых мазутом. Голос диктора дрожит, кажется, сейчас он заплачет.

Птичек очень жалко.

Потом, словно спохватившись, диктор скороговоркой сообщает оставшиеся новости. В Калифорнии разбился самолет, 17 человек погибло. Пока-

зывают картинку. Русские произвели зачистку в Чечне. Показывают картинку. В Бангладеш в результате циклона погибло и пропало без вести около 70 тысяч человек. Картинку даже не показывают. На это уже нет времени. Ведь надо успеть рассказать о концерте Джонни Холидея в зале Берси.

В актерском сопереживании со зрителем французские тележурналисты достигли колоссального мастерства. Взять хотя бы такую банальную вещь, как снег. Кого удивишь им в России? А во Франции это самый сложный комплекс проблем. Снежный покров в 5 сантиметров полностью парализует все автомобильные дороги, движение в городах и даже частично железнодорожный транспорт. Снег во Франции – это как цунами. Однако и отсутствие снега в горах зимой – экономическая катастрофа. Парализуется вся экономика лыжного туризма. Значит, снег должен обязательно и непременно выпадать в горах, особенно во время студенческих и школьных каникул. Но ни в коем случае не падать на шоссе, ведущее к горным курортам. Если же такое происходит... Вы бы посмотрели, с каким драматическим пафосом повествует об этом французское телевидение! Какие глубокие чувства читаются на лицах авторов репортажей! Станиславский, восстав из гроба, посмотрел бы и убежденно сказал: «Верю!».

По телевизионным «Новостям» становится ясно, на каких событиях расставит свои акценты французская пресса. Но если в газетах возможны полемические перебранки, то телевидение как бы диктует правила поведения, точнее, правила хорошего тона. Попробую их перечислить.

Никогда не скажут, что совершил преступление араб или негр. Если в группе хулиганов есть хоть один белый, то будут показывать именно его.

В репортажах о горячих пригородах будут напирать на экономические условия и социальное неравенство.

При первой возможности поехидничают по поводу американского образа жизни, открыто критикуют американскую внешнюю политику (особенно войну в Ираке), но будут лебезить перед приглашенной в студию голливудской знаменитостью.

В лучших советских традициях нападают на израильскую военщину, сочувствуют палестинцам, но сразу же негодуют при любой антисемитской вылазке во Франции.

С политиком, который дает интервью, предельно корректны, но Ле Пену будут улыбаться сдержанно, а товарищу Роберту Ю. (во всяком случае, пока он был генсеком Французской компартии) – до ушей.

Промышленника, магната, президента крупнейшей международной корпорации будут стараться поддеть, загнать в угол острыми вопросами, но заискивать перед сопливой девчонкой, если она в данный момент делегат протестующих студентов.

И всегда, как только представится случай, похвалят французскую кулинарию.

Тем не менее, французская пресса, независимо от политической ориентации, и несмотря на общепринятые правила хорошего тона, – дама с характером. Характер этот сложно обрисовать набором прилагательных. Попробуем конкретным примером.

Несколько лет тому назад в парижском пригороде Нантер произошла трагедия. Дождавшись окончания заседания муниципального совета, некий месье встал и начал хладнокровно, методично расстреливать муниципальных советников. Убил восьмерых, ранил еще больше, но тут люди сообразили, что он перебьет всех, набросились на него,

скрутили, причем, убийца кричал: «Убейте меня, убейте меня!» К этому времени подоспела полиция, и убийцу передали в руки правосудия. Правосудие быстро выяснило, что убийца, во-первых, психически вменяем, во вторых, эту акцию он готовил давно, ибо считал свою жизнь неудавшейся, пропащей, однако почему-то обвинил в своих неудачах муниципалитет Нантера. Да, такая деталь: он профессионально занимался стрелковым спортом и имел право на хранение оружия. Он давно подумывал о самоубийстве и в конце концов, решил уйти из жизни, громко хлопнув дверью. Допрашивали убийцу в святая святых французской полиции, на «Кэ д'Орфевр», в одном из тех кабинетов, которые занимал легендарный герой Сименона, комиссар Мегрэ.

Естественно, французская пресса забыла обо всем на свете (даже о росте цен на салат, обязательная дежурная тема новостей) и говорила только о Нантере, добавляя какие-то детали из области политики – дескать, премьер-министр Жоспен приехал в Нантер выразить свое соболезнование в два часа ночи, а президент Ширак – лишь в семь утра. И явно тут какая-то интрига. Благодаря стараниям радио и телевидения, политическая интрига становилась все запутаннее и интереснее. Но тут паскуда-убийца поломал журналистам всю игру: выбросился из окна кабинета с четвертого этажа во внутренний дворик и разбился насмерть.

Вся французская пресса была дико возмущена. Чем? Может, тем, что полиция, извините за грубость, не оторвала сразу убийце яйца? Может, тем, что выбросившись из окна, убийца избежал сурового наказания – четвертования, гильотинирования? Может, тем, что восемь погибших муниципальных советников остались неотомщенными? Нет, погиб-

шие вообще остались за кадром, или про них пробалтывали скороговоркой. Так вот, французская пресса дико возмутилась и единодушно требовала крови, то есть сурового наказания... полицейских следователей, прошляпивших прыжок из окна.

Давайте разберемся, какая судебная кара грозила нантерскому убийце. Несмотря на все стенания адвокатов – мол, человек жил на РМИ (пособие для бедных) и что у него было тяжелое детство, думаю, его бы приговорили к пожизненному заключению. Во Франции это означает, что он вышел бы на свободу через 22 года человеком, еще полным сил, и опять мог спокойно приступить к отстрелу неугодных ему персон. А эти 22 года его бы содержали в тюрьме за счет налогоплательщиков. А может, как это часто бывает во Франции, он бы написал в тюрьме книгу, которую издали бы огромным тиражом (во Франции любят автобиографии преступников), и в конце концов, вышел бы из тюрьмы знаменитым и богатым человеком.

По моему разумению, с точки зрения всеобщей справедливости, прыжок из окна был не самым худшим выходом из положения. Однако, повторяю, французская пресса рвала и метала, требовала крови полицейских, пока не появилось официальное заключение дисциплинарной комиссии. В заключении говорилось, что следователи не прошляпили и не проспали прыжок из окна, что им дано было указание свыше – вести допрос в мягких тонах, ни в коем случае не надевать наручники, угощать кофе и сигаретами и всячески вызывать на откровенность. (Ну еще бы, такой важный преступник! А если бы он убил не восемь, а восемнадцать человек, ему бы подали шампанское и привели бабу. Впрочем, возможно, это лишь мои домыслы.) Вот только тогда, узнав как гуманно обращались с убий-

цей, французская пресса разом успокоилась и наконец-то вспомнила о погибших. Если вы еще не поняли характер этой «дамы», то я не виноват.

Да, забыл предупредить. Уважаемые герры преступники! Дальше вы никаких полезных сведений не получите, так что можете спокойно закрыть книгу. Как говорил товарищ Сталин: «Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»». А мы займемся философско-социологическим исследованием на тему: «Почему добрые, благородные намерения приводят к противоположным отрицательным результатам?».

...Наверно, я похож на древнего гусяря, который поет преданья старины глубокой, а публика слушает и скептически улыбается – мол, заврался дед, сказки рассказывает. Так вот, хотите верьте, хотите нет, тридцать лет тому назад, когда мы с семьей прибыли в Париж, меня поразил дикий контраст с московскими улицами. На парижских улицах не дрались, на парижских улицах не воровали. Не было ни пьяных, ни наркоманов. Более того, в Париже не было полицейских. То есть они где-то были, но не было надобности в их присутствии. Только в двух-трех арабских кварталах ночью не рекомендовалось появляться. Любимым развлечением парижан и иностранных туристов были ночные прогулки по городу. И двери парадных не запирались. Если бы вы знали, как за эти годы изменился Париж! Как он почернел – в прямом и в переносном смысле!

...Я вхожу в вагон метро. По вагону мечется огромный негр. Скачет, визжит, орет, расстегивает ширинку, демонстрирует причиндалы. Причем, это не сумасшедший, его речь вполне осмысленна. Он требует, чтобы правительство легализовало всех подпольных иммигрантов. Он цепко улавлива-

ет недовольные взгляды, наклоняется над пассажиром и спрашивает в упор: «Ты расист?». Пассажир смущенно опускает глаза. Во Франции стыдно быть расистом. Во Франции никто не хочет быть расистом, особенно, когда двухметровый громила ставит вопрос ребром. Одна лишь хлипкая девчушка отважно вступает с ним в разговор – дескать, она против расизма, она на стороне нелегальных иммигрантов, но все-таки демонстрации надо устраивать на улице. Буйный защитник обездоленных нагло смеется ей в лицо: «Ты – белая блядь, я тебе не верю».

Вот это – символическая картина того, что сейчас происходит во Франции.

Когда в 1981 году социалисты, впервые в истории Пятой республики, пришли к власти, хитрющий Миттеран быстренько сообразил, что их экономическая программа устарела, никуда не годится и приведет к катастрофе. Однако надо было хоть в чем-то выполнять обещания, данные избирателям. И вот тогда началась широкая кампания за права человека. Открылись двери во Франции для всех выходцев из бывших африканских колоний, («у нас перед ними моральный долг»). Левые интеллектуалы, знаменитые актеры, писатели, звезды эстрады писали от восторга и пели хвалу Миттерану. (Для справки: вся эта почтенная публика проживает в спокойных буржуазных кварталах или богатых пригородах, где негров и арабов в природе не бывает.) Во французских СМИ воцарилась политкорректность. Еще немного бы – и во Франции торжественно объявили бы наступление социалистического рая.

Первыми опомнились и забили тревогу не правые, не либералы, даже не Национальный фронт, а коммунисты, мэры коммунистических пригоро-

дов, так называемого «красного пояса Парижа», ибо с ужасом убедились, что «красный пояс» стремительно превращается в неуправляемый криминальный Гарлем. Один коммунист вообще запретил иммигрантам поселяться в своем городке, дескать, их и так уже набилось выше крыши. Никакой ультраконсерватор или лепеновец не осмелились бы на такой шаг. Их бы масс-медиа затравили насмерть. Ну, конечно, ЦК Французской компартии одернул своего товарища, товарищ признал, что совершил идеологическую ошибку. Пресса мягко пожурела левого мэра и завела свою обычную политкорректную песню. Мол, волна преступности объясняется порочными устоями буржуазного общества; люди не виноваты, что начинают убивать, грабить и воровать, на то их толкает социальная несправедливость; надо ликвидировать безработицу, материальное неравенство, тогда преступность исчезнет сама собой; особую деликатность надо проявлять к малолетним правонарушителям (до 18 лет), это дети, они не виноваты, виноваты семья, школа и социальные условия, малолетних не надо наказывать, их надо воспитывать.

...Плавный ход моего повествования прерывает свежий факт сегодняшнего дня. В провинциальном городке, где вроде нет никаких расовых проблем, молодежная банда угоняла машины. Пятнадцатилетний мальчик сказал своему отцу, что знает имена тех, кто украл у них машину. Отец, законопослушный француз, решил, что об этом надо официально заявить в полицию, и явился с сыном в участок. Там все записали, поблагодарили свидетелей, а потом вызвали в участок юных угонщиков, сообщили им, что на них поступило заявление, погрозили им пальцем и... отпустили.

Что сделали семнадцатилетние детишки? Почувствовав безнаказанность, они подкараулили парнишку и зарезали его. Причем резали долго и зверски. На трупе (теперь уже не 15-летний мальчик, а труп!) насчитали 14 колотых ран.

Сегодня об этом страшном происшествии написано во всех газетах, кричит радио и телевидение. Завтра успокоятся и забудут. Накажут ли полицейских? Нет, ибо полиция поступила политкорректно, ведь убийцы не виноваты, виноваты семья, школа, общество. Вот если бы угонщиков сразу арестовали, то пресса бы не забыла и продолжала крик. Ведь нынче, какая главная тема во французских СМИ? Плохо, месье-дам, живет преступникам во французских тюрьмах! Тюрьмы переполнены.

Некоторые факты биографии

У меня впечатление, что больше всего оплакивают распад Советского Союза не советские пенсионеры, а французские левые. Для них это крушение великой мечты о государстве равенства, братства и социальной справедливости. Спорить с французскими леваками, которые по-прежнему дают уроки политкорректности всей стране, бессмысленно. Во Франции крайне непопулярно быть правым. Все французские правые, кроме Ле Пена, смущенно называют себя либералами и втайне мечтают прославиться левыми реформами. Мне почему-то кажется, что лидер правых, Жак Ширак, так и не добился исполнения своей главной мечты. Разумеется, основного он добился, стал президентом, переизбран на второй срок. Однако, повторяю, у меня ощущение – может быть, ошибочное, что Жаку Ширазу хотелось бы для полного счастья (такая розовая химера!) посидеть хотя бы несколько дней в кабинете Роберта Ю. на площади полковни-

ка Фабиана. Для справки: на площади полковника Фабиана находится ЦК Французской компартии.

Ладно, уйдем от полемики. Я прожил сорок лет в стране победившего социализма. Вот некоторые воспоминания о моих школьных годах.

Кончилась война. Я учусь в 73-й школе, в Серебряном переулке. Чтобы дойти из дома до школы мне надо пересечь Гоголевский бульвар и Арбат. Утром, чтоб сэкономить время, я иду проходными дворами. После школы стараюсь их избегать. Местные ребята поймают – побьют. В каждом переулке была своя банда. У нас почему-то все боялись ребят с Мало-Власьевского. В нашем классе абсолютное социальное равенство: все бедны, все живут в коммунальных квартирах, всем в школе на завтрак дают баранку и чай. И бесконечные драки: драки в коридорах, драки на переменках, драки после уроков в школьном дворе. Как я теперь понимаю, школа наша была относительно спокойная, то есть дрались без ножей и без еще более коварного оружия – «писок» (писка – это тонкое лезвие бритвы, которое зажимали между пальцами и «расписывали» лицо противника). А вот про Марьину Рощу рассказывали, что там огольцы приносят в школу даже пистолеты...

Постепенно в каждом классе происходило естественное разделение на две категории: тех, кто бьет, и тех, кого бьют. Били, как правило, хороших учеников, которые сидели на передних партах. Била, как правило, «Камчатка» – то есть задние парты, где обосновались рослые, ленивые ребята и второгодники.

Поясняю, разжевываю для мадамов и месье: у нас не было и не могло быть никаких социальных или расовых конфликтов, никого не привозили в школу на служебной машине, а негров, китайцев, арабов

и индейцев мы видели только в кино. Просто с помощью битья плохие ученики ставили отличников на место, чтоб те не зазнавались. То есть брали своеобразный реванш за свои двойки и колы.

Не очень уверен, что месье и мадамы поняли, но продолжаю. Когда негласное разделение на «классы» было признано всеми, драки прекратились. Разве что заедут кому-нибудь, кого положено бить, по роже. Не сильно, для порядка, для плезира. Если же кто-то начинал бунтовать, то его вызывали «стыкаться». Стыкаться – драка на заднем дворе школы, при большом стечении публики, один на один, до тех пор, пока противник не упадет или не попросит пощады.

Я был исключением из правил. Я хорошо учился и был по сложению, что называется, крупным мальчиком, с широкими плечами. В классе меня почтительно называли «Слоном». Таким образом, я автоматически попадал в категорию тех, кто бьет. Боюсь вспоминать, но думаю, что, к стыду своему, пользовался этим правом. Так продолжалось до конца четвертого класса, когда я чуть было не перешел в другую весовую категорию. Резвясь на перемене, я схватил Заику (из тех, кого бьют) за плечи, пригнул его к полу, но он умудрился вырваться, да так неловко, что вдарил меня затылком в нос. От неожиданности и боли у меня слезы брызнули из глаз. Зоркий класс моментально засек этот инцидент, и уже на следующей перемене все говорили: сегодня Слон будет стыкаться с Заикой! Заика слушал это, втянув голову в плечи, он совсем не жаждал стыкаться со Слоном.

Стычка не состоялась. После уроков, вместо того, чтоб бить морду Заике, я произнес пламенную речь. Дело в том, что я был во многих случаях исключением из правил, очень много читал, до позд-

него вечера просиживал в читальном зале Ленинской библиотеки, где можно было достать множество интересных книг. Видимо, из этих книг я нахватался идей, чуждых советскому школьнику. Вместо того, чтобы давать отпор «агрессору», идти в бой «гремя огнем, сверкая блеском стали», и завершить все «вражьей кровью, железным ударом», я пространно рассудил о равенстве, братстве и всеобщей справедливости. Убежден, чтоб если б кто-нибудь тогда записал мою речугу, ее бы сейчас с радостью опубликовали в «Либерасьон» или в «Монд». Все, что надо, все, что доктор прописал!

Однако класс встретил мои слова презрительными усмешками. Я нарушил священное табу, я отказался от права сильного! Ну кто же в здравом уме и твердой памяти отказывается от права сильного? Значит, Слоны – просто трусы.

Четвертый класс закончился кошмаром. Меня не решались бить, но надо мной издевались. В пятом классе кошмар усилился. Любая козявка прилюдно предлагала мне стыкаться, зная, что в ответ услышит: «Стыкаются только коровы». Я как маньяк продолжал проповедовать идеи братства, равенства и всеобщей справедливости, а надо мной смеялись и плевались. Особенно усердствовал один мой одноклассник, который благодаря насмешкам над Слоном, переходил в тяжелую весовую категорию. Я мужественно держался до зимы, и тут мои нервы не выдержали, и в ответ на очередную насмешку моего главного обидчика, я вдруг сказал: «Пойдем стыкаться!».

После уроков на заднем дворе собралась чуть ли не половина школы. Не помню, сколько продолжалась стычка, но кончилось тем, что мой обидчик закрыл лицо руками и громко заревел. Я шел через расступившийся почтительный живой коридор.

Видимо, это на всех произвело такое впечатление, что даже в 10 классе, когда многие из одноклассников переросли меня на голову, никто не предлагал мне стыкаться.

И еще один эпизод. Я учился в седьмом классе, и в это время в стране откровенно прорезался антисемитизм. Он как-то глухо тлел и в военные года, но его старались не афишировать.

Теперь со всех сторон слышалось: «Евреи не воевали, евреи спекулировали!». Не за горами был процесс евреев-убийц в белых халатах. Но мы-то ничего не знали о планах нашего мудрого Вождя и Учителя. В общем, я вдруг заметил, что в классе целенаправленно бьют Волика, еврейского мальчика в очках. Правда, он был всегда в категории тех, кого бьют, однако сейчас он оказался идеальной мишенью. На одной из перемен я как бы очнулся. После урока я вышел к доске и заявил, что запрещаю бить Волика. Класс дружно загудел: «Но ведь он жид, еврейчик!». Я сказал: «Я тоже еврей». Кто-то не поленился, подбежал к учительскому столу, раскрыл классный журнал и торжествующе прочел: «Гладилин, Анатолий Тихонович, русский». (Для сведений мадамов и месье: в классных журналах обязательно указывалась национальность). Класс радостно захохотал. Я сказал: «Это по отцу я русский, а по матери – еврей». Взял ручку, обмакнул перо в чернильницу, зачеркнул в журнале «русский», сверху написал «еврей». Класс молча встал и гуськом вышел в коридор. Никакие мои слова о равенстве и братстве между народами не произвели бы ни малейшего впечатления. Но со Слоном – тем более, что всем было известно, что я уже полгода занимаюсь боксом в «Спартаке», – никто не пожелал ссориться. Мне было позволено оставаться евреем.

Повторяю, это был нормальный класс, в обыкновенной школе страны победившего социализма. В нем учились будущие врачи, инженеры, дипломаты, а мой главный обидчик, с которым мы впоследствии подружились, стал выдающимся киносценаристом. И никто никогда не говорил нам – мол, ребята, общество перед вами виновато, потому что вы живете в коммунальных квартирах, потому что у ваших родителей нет автомашин, потому что вы можете лишь раз в неделю ходить мыться в баню, потому что вы не проводите лето на берегу Черного моря – и т.д., и т.п. Нас учили говорить: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

А я думаю: каким бы страшным ударом было для всех нас, если б нам показали фильм из будущего – дескать, вот как будут жить люди через пятьдесят лет. И на экране мы бы увидели, нет, не респектабельные кварталы буржуазного Парижа, а его так называемые «горячие пригороды», трудный быт современных подростков. И пусть голос за кадром причитал бы о социальной несправедливости, мы бы жутко обиделись. Мы бы почувствовали себя голодными, босыми оборванцами. Ведь такая жизнь, в которую нам позволили заглянуть, нам не снилась даже в самых сладких снах.

* * *

О школе узнаешь от своих детей. Когда мы приехали в Париж, моя старшая дочь пошла в последний класс лицея. «Папа, – рассказывала она, – первый урок в школе никогда не начинается вовремя, ибо все ученики должны друг с другом перецеловаться, по два или по четыре раза». Однажды я подъехал за дочерью к лицей и видел всех

ее одноклассников. Невольно вспомнилась советская песня: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем!» Белый букет красиво оттенялся желтым и черным.

К моменту, когда моя младшая дочь пошла в колледж, Париж сильно почернел, но целоваться перед уроками еще продолжали. К тому же мне удалось через парижскую мэрию получить для моей младшей дочери и ее матери муниципальную квартиру в хорошем районе, и я был уверен, что у девочки проблем в школе не будет.

В какой-то очередной мой визит к дочери я застал у нее черную девушку, похожую по своим размерам на знаменитую советскую олимпийскую чемпионку по толканию ядра – Тамару Пресс.

– Папа, это Магда, моя школьная подруга.

Подруга так подруга. Я радушно улыбался Магде, а Магда вежливо помалкивала, слушая нашу русскую речь. Потом дочка ушла провожать Магду, а когда вернулась, я решился задать ей вопрос. Естественно, звучало это путанно – дескать, я не расист, я ничего не имею против Магды, я вообще не вмешиваюсь в твою жизнь, я же тебе ни слово не сказал про Настю, а она дочь парижского корреспондента газеты «Правда», знаешь ли ты, что это означало несколько лет тому назад? Ну я понимаю, две русские девочки оказались в одном классе, Настя хорошая девочка, дружи с ней на здоровье, Магда тоже производит приятное впечатление, воспитанная девочка, но что у вас с ней общего, мне кажется, она намного тебя старше...

Дочка мгновенно уловила смысл моей словесной размазни и в ответ прочла мне, как отстающему ученику, четкую и логичную лекцию.

Магда действительно ее старше на семь лет. Почему? Потому что Магда в каждом классе сидит по

два года. Воспитанная девочка Магда избивает всех, и в первую очередь, Настю. Чтоб отвести удар от Насти, я пытаюсь завязать с ней какие-то доверительные отношения. Пытались ли наши мальчики нас защищать? Пытались. Тогда Магда позвала своих братьев, прибежало шесть здоровых черных бугаев, и они били всех, выходящих из колледжа. Магду все боятся. Папа, умоляю, не вмешивайся в это дело. С нашей директрисой говорить бесполезно. Директриса не боится Магды, директриса боится, что ее обвинят в расизме...

Кажется, именно тогда я понял, что моя маленькая Лиза становится взрослой.

Тем не менее, с директрисой Лизиного колледжа мне пришлось встретиться. В их классе у учителя вытащили бумажник из пиджака, который он оставил на стуле. Директриса провела короткую экспертизу. Обведя опытным педагогическим глазом весь класс, директриса заметила двух русских девочек, о чем-то шептавшихся и посмеивавшихся на задней парте. Класс представлял собой многонациональную и расовую смесь. Директриса нашла политкорректное решение: бумажник украли русские девочки. Лизу и Настю выгнали с уроков и дали им сутки на размышление. Если они не признаются в краже и не вернут бумажник, то их вообще исключат из колледжа.

Лиза мне рассказала о случившемся, и я начал дозваниваться до директрисы, директриса трубку не брала. Секретарша твердила, что у директрисы совещание. Я объяснял секретарше, что я отец той русской девочки, которую грозят исключить из колледжа. Директриса на совещании. Тогда я сказал, что я корреспондент американского радио, член Международной ассоциации прессы в Париже и требую встречи с директрисой в любое удоб-

ное для нее время. (На самом деле я уже являлся французским безработным, наше бюро в Париже было закрыто, но у меня оставалось старое редакционное удостоверение, и надо было произвести впечатление на директрису). «Минуточку», – ответила секретарша, и через крошечную паузу сообщила, что директриса меня примет завтра, в семь тридцать утра.

Вечером мне позвонил отец Насти, и, узнав, что я добился randеву с директрисой, спросил, не буду ли я против, если он тоже придет.

– Володя, конечно, приходи. – Вдвоем будет сподручнее, тем более что в такую рань у меня мозги не работают.

За долгие годы эмиграции, когда советские журналисты шарахались от меня как от прокаженного, никогда не мог вообразить себе такую картину: в кабинете французской директрисы сидят рядышком корреспондент «Свободы» и корреспондент «Правды» и плечом к плечу, как 28 героев-панфиловцев, защищают честь своих дочерей.

– Да вы знаете, кто такой Гладилин? Он же гордость русской литературы, он же друг академика Сахарова!..

...Я мысленно пытался себя ущипнуть: слышать такой панегирик в свой адрес от корреспондента «Правды»! Однако директриса этих тонкостей не секла. Разумеется, если бы речь шла о советских девочках, она бы пикнуть на них не посмела. Но нет великого Советского Союза, теперь Россия – какая-то страна Третьего мира. И доводы Володи отскакивали от директрисы, как от стенки. По ее лицу было видно, что она проверяет политкорректность своего решения: «Французов обвинять нельзя, в нашем районе живет непростая публика, у родителей могут быть связи в министерстве. Ара-

бов? Меня саму обвинят в расизме. Эту черненькую? Да упаси Бог! Ясное дело, что украли иностранцы из этой русской бангладеш»...

– Ну зачем моей Насте чужие деньги? – продолжал наступать Володя. – У нее всегда при себе кредитная карточка. Вот, посмотрите. Может снять деньги в любом автомате.

Как об стенку. А я мысленно присвистнул: ого, кредитная карточка у школьницы, так вот куда ушли деньги партии! И решил, что мне пора встречать. Я заговорил о Магде. Знает ли мадам, что эта девочка терроризирует всю школу? И если знает, то почему не обращается в полицию?

Директриса мигом преобразилась и с гордостью произнесла:

– С Магдой я сама разберусь, а полиция в мой колледж не войдет никогда!

Володя незаметно толкнул меня локтем: дескать, не по делу выступаешь. Я переменял тему. Знает ли мадам, кто сидит перед ней? Кандидатура на пост корреспондента «Правды» в Париже всегда утверждалась на секретариате ЦК КПСС. ЦК компартии оказало товарищу Володе доверие, а мадам подозревает его дочь... Между прочим, у «Правды» до сих пор тесные взаимоотношения с вашей «Юманите».

Тут впервые на лице мадам промелькнула тревога. Я, как корреспондент американского империализма, был ей совершенно не опасен. Да напиши я хоть в «Нью-Йорк-Таймс», – для французской директрисы это выигрышные очки. А вот критика слева, несколько строк в коммунистической «Юманите», могли ей стоить поста. И мадам начала сдавать позиции.

Покинув лицей, мы усталые, но довольные зашли в ближайшее кафе. «Сволочная тетка, – сказал Володя. – Хоть она и обещала, но ждать от нее мож-

но любой пакости. На всякий случай, по старой габэшной привычке, – он указал на торчащий из кармана колпак авторучки, – я записал нашу беседу на магнитофончик. Мало ли чего»...

«А ведь, в принципе, их неплохо обучали», – подумал я.

Через несколько лет полиция вошла и в этот колледж, и во все колледжи и лицеи Франции. Вошла потому, что учителя сами устраивали забастовки и требовали вмешательства полиции. Ведь вся французская пресса забила тревогу: в школах процветает рэкет, учеников поджидают на выходе, грабят и избивают. Избивают даже учителей за плохие отметки. Кто избивает, кто грабит? Об этом газеты не писали. Думаю, даже в полиции не осмеливались бы вести такую статистику. Политнекорректно.

* * *

В Африке воюют дети. Речь идет не о шестнадцати-семнадцатилетних юношах, которых во Франции именуют подростками, а где-нибудь на Востоке они уже считаются зрелыми мужами, женаты, имеют потомство. Кстати, эта возрастная категория, на мой взгляд, (естественно, ошибочный) не зависит от возраста (извините, за афоризм). Можно встретить восемнадцатилетнего двухметрового парня, психически совершенно нормального, который беспомощен и беззащитен, как семилетний ребенок. А какой-нибудь семнадцатилетний крепыш – глава банды и держит под своим контролем несколько городских кварталов. Причем, взросление этой возрастной категории зависит не от пола, не от страны проживания, ни, тем более, от расы – зависит от собственного характера и жиз-

ненных обстоятельств. Жизненные обстоятельства – может быть, главное. Во время оккупации Афганистана, против «ограниченного контингента советских войск» отчаянно и дерзко сражались семнадцатилетние «духи». В Великую Отечественную войну сколько советских пареньков, скрывая от военкомата свой возраст, шли добровольцами на фронт. И никто не ставит под сомнение факт биографии известнейшего советского детского писателя Аркадия Гайдара, а он в шестнадцать лет в гражданскую войну командовал полком.

Но в Африке другое. В Африке воюют дети. Им от роду восемь, десять, двенадцать, максимум – 14 лет. Завербовать в армию их можно за рисовую лепешку. Из них выходят самые послушные солдаты. Они не знают цену собственной жизни, а убить другого человека для них – как убить комара. Это самая дешевая армия в мире. Правда, не все в нее вступают добровольно. Во многих случаях детей сначала запугивали, и чтоб сохранить им жизнь, заставляли убивать своих родственников.

Маленьких солдат, практически всех без исключения, пичкают наркотиками. А дальше разговор с ними короток: «Возьмете с боем ту деревню – получите очередную дозу веселящего порошка». И они берут.

Думаю, ни у кого нет точных данных, сколько тысяч (десятков тысяч?) маленьких солдат погибло в межафриканских войнах, а они, то есть войны, после того как Великий Черный Континент сбросил рабские оковы колониализма, не прекращаются ни на миг. Однако многих детей войскам ООН удалось отбить, выволить из-под патроната так называемых «освободительных армий» (в Африке все армии – национальные, освободительные и революционные, других не бывает).

И тогда ставится вопрос: что с маленькими солдатами делать дальше? Несчастные дети, с изуродованной психикой, для которых привычнее автомат Калашникова, чем нож и вилка за обеденным столом. И потом, с автоматом Калашникова они поняли, как зарабатывать себе на пропитание, а нормальная, мирная жизнь им кажется непроходимыми джунглями... Очень сложный, очень трудный вопрос, который пытаются решать и международные чиновники, и энтузиасты-бессребреники из благотворительных общественных организаций, типа «Врачи без границ». Предлагаются, вводятся в действие различные варианты перевоспитания, психологической перестройки. Но никому, повторяю, никому из педагогов и врачей, работающих на месте, не пришла в голову идея послать этих детей во Францию!

Меня удивляет – почему не протестуют французские левые? Ведь это же скандал, расовая дискриминация! Немедленно всех маленьких солдат определить во французские школы-интернаты для совместного обучения с их французскими сверстниками. Да здравствует свобода, равенство и братство!

Но почему-то ничего такого не предлагают. Пока не предлагают. Видимо, догадываются, сколько французских детей в результате совместного обучения прямиком отправятся на кладбище с проломанными затылками, а сколько – в психиатрические лечебницы.

А я хочу кричать: кто виноват, что судьбы этих маленьких, действительно несчастных африканцев оказались искалеченными?

Ле Пен?

Если бы Ле Пен, то на улицы всех французских городов вышли бы мощные демонстрации протеста, и не только профсоюзов и трудящихся, но даже бы учителя вывели свои классы.

Может, ЦРУ, и вообще, происки американского империализма?

У-у, как бы тогда протестовала французская общественность! Какая бы разгневанная толпа штурмовала американское посольство!

Такого не происходит. Значит, не ЦРУ. И даже не советская экспансия в Африке, в результате которой на Черный Континент было заброшено столько оружия... Правда, против агрессивных демаршей Советского Союза Франция никогда особо не протестовала. Ну так, лениво били стекла агентства «Аэрофлота» на Елисейских Полях.

Давно нет Советского Союза, а нынешней России, слава Богу, не до Африки.

Тогда кто же? Кто виноват?

Вопрос политически не корректен. Вопрос провокационен. Вопрос ставит в неловкое положение всех уважаемых политиков – от левых, правых, красных и зеленых партий, всех модных интеллектуалов, журналистов, писателей, профессоров, которые формируют во Франции общественное мнение. Они славные и милые люди, эти мадам и месье, они бесстрашно обличали Пиночета и не стесняются называть дураком и неучем президента Буша. Более того, некоторые из них (клянусь, сам был свидетель) в конце семидесятых годов отваживались критиковать (правда, с вежливым полупоклоном) аж самого генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева. Но вот в данном случае назвать вещи своими именами – у них рот не раскрывается. Может, лишь с трудом выдавят из себя – дескать, все это последствия колониализма.

Последствия колониализма! Какая элегантная формулировка! Однако вот уже сорок лет как колонизаторы покинули Африку. А у последствий есть конкретные имена. Кто в революционной Эфио-

пии требовал у семьи расстрелянного плату за истраченные на казнь пули? Кто в Уганде сбрасывал тела своих соперников крокодилам? Кто в Руанде вырезал целиком население деревень, от младенцев до стариков? Кто в Центрально-Африканской республике набивал холодильники своего дворца расчлененными телами детей? Кто на долгие годы обратил Либерию, демократическую республику, созданную американскими неграми, в кровавую кашу? Кто умудрился из Родезии, некогда хлебной житницы всей южной Африки, сделать голодающую страну? Короче, кто эти людоеды, убийцы, бандиты с большой дороги, которые любой ценой пробиваются к власти, чтобы потом, нажившись на крови и горе своего народа, сколотить себе капитал в швейцарском банке или купить себе «шато» во Франции? Не хотите называть, не можете? Хорошо, я назову. Это...

...Но я кожей чувствую, что услышав мой ответ, все французские газеты, радио и телевидение зальются в истошном крике: «Расист! Расист! Расист!» От этого ярлыка никогда не отмоешься, что бы я потом ни говорил и не доказывал.

– Это... это, – испуганно бормочу я, – марсиане. Конечно, марсиане! С неба свалились.

За политкорректность меня награждают благодарственным аплодисментом.

Бомба замедленного действия

Из всех бывших африканских колоний, которые давно уже стали свободными и независимыми государствами, люди бегут в Европу. Назовите мне любую африканскую страну, из которой бы люди не бежали. Может, всему виной африканская жара? Впрочем, существует негритянская республика, которая добилась независимости аж 200 лет тому назад. Все недавно видели, как торжественно Гаити отмечала свой славный юбилей. Трупы лежали на улицах, в городе бесчинствовали молодежные банды. Все двести лет Гаити была, есть и остается несчастнейшей и самой бедной в мире страной. Из Гаити люди готовы бежать даже в Африку (как сбежал бывший гаитянский президент Аристид). Может, дело в том, что земля в Гаити бедная? Хорошо, возьмем другой пример: Алжир. По природным запасам нефти и газа – богатейшая страна в мире. Жители ее должны были бы купаться в золоте. Что сейчас происходит в Алжире, всем изве-

стно. И алжирская молодежь, в массе своей безработная, жутко недовольна... Францией. Когда ребята попадают в поле зрения Французских телеобъективов, они кричат: «Почему нас не пускают во Францию? Почему нам не дают визы? Это расизм!». То есть как надо разговаривать с французами, ребята выучили с малолетства. А мне запомнилось интервью с одним алжирцем, который не выстреливал политкорректными клише, а говорил искренне. Говорил примерно следующее: «Здесь, в Алжире, работы нет и не будет. Государство прогнило, мы все сгнием. Да, говорю честно, во Франции меня никто не ждет. У меня нет там родственников. Знаю, что во Франции свои безработные, но я найду работу. Сначала по-черному, а потом мне оформят документы. Почему я рвусь во Францию? (Тут он мило улыбнулся.) Но ведь Франция – это почти моя родина!

Я подивился: какая каша в голове у парня! И полное незнание истории! Хотя знает он сам это или нет, он прав вот в чем – Алжир никогда не был французской колонией. Алжир был французской территорией. И французов, которые поселились на этой территории в начале XIX века, называли «пье ну-ар», то есть «черные ноги»: в отличие от аборигенов, французы ходили в ботинках и сапогах. За 150 лет, совместными усилиями французов и арабов, был построен процветающий Алжир, который не только сам себя кормил, но и продавал излишки своей сельхозпродукции Европе. Потом Африка заболела эпидемией национально-освободительной борьбы. Объективно говоря, эту эпидемию тогда ничем нельзя было остановить. Часть Европы лежала в руинах или была ослаблена Второй мировой войной, а за спиной африканских революционеров маячил великий Советский Союз, новая послевоенная супердержава, снабжавшая прогрессивных афри-

канцев деньгами, оружием и военными специалистами. Дошла очередь и до Алжира, но в Алжире произошло чудо. Французская армия разбила отряды революционных повстанцев, потому что ее, французскую армию, поддерживала часть коренного арабского населения. Однако эта победа оказалась не политкорректной. Она противоречила убеждениям французских леваков, которые требовали независимости Алжира. А с французскими левыми даже генерал де Голль не мог справиться. В Эвиане был подписан мирный договор. Согласно его положениям, французы имели право оставаться в стране, и их собственность гарантировалась новым правительством. Не успели просохнуть еще чернила на Эвианском договоре, как алжирские социал-революционеры, угрозами и шантажом, начали изгонять «пье нуар» из страны. Люди отдавали свои дома, свои земли, свои предприятия за бесценок и возвращались во Францию практически нищими.

А со своими братьями-арабами, которые поддерживали французов – так называемыми «арки», вообще не церемонились, их просто вырезали целыми семьями. Сколько их вырезали (сколько десятков тысяч?) не могу сказать, нет у меня такой статистики. Но тех, кого удалось спасти, то есть вывезти во Францию, встречали отнюдь не цветами. Для справки: ныне любой легальный иммигрант из Африки сразу получает во Франции бесплатное социальное страхование, материальную помощь, право на работу. Арки, эти верные солдаты, сражавшиеся бок о бок с французской армией, не получали ничего, ибо в глазах политкорректного французского общественного мнения они были предателями своего народа и пособниками колонизаторов. Арки были встречены презрением, в лучшем случае – равнодушием.

Лишь спустя полвека, президент Жак Ширак официально признал вину Франции перед арки. Но сколько к тому времени осталось их в живых, старых солдат, и какая обида накопилась в семьях арки!

А теперь смотрите, какая красивая картинка получается. Значит, сначала изгнали французов из Алжира, предварительно их ограбив. Потом вырезали или выбросили из страны всех арабских союзников Франции. Потом долго строили, с помощью Советского Союза, независимый социалистический Алжир. А теперь требуют: пустите нас во Францию, ведь Франция – наша родина! И то, что логика, мягко говоря, отсутствует, это никого не смущает. Главное, что требования – политкорректны.

Свежий факт. Только что во французской прессе иронически освистали одного африканца. Неужели не побоялись, что их обвинят в расизме? Представьте себе, нет, решительно не побоялись! Ибо африканец произнес не политкорректные слова. Правда, дело происходило не во Франции, а в Бельгии. И африканец не просил в Европе политубежища, а возглавлял правительственную делегацию. И на приеме в королевском дворце черный товарищ высоко оценил всестороннюю помощь, которую в течение многих десятилетий оказывала Бельгия его стране. Самый сдержанный, самый спокойный заголовок во французских газетах звучал так: «Конголезец благодарит колонизаторов!».

* * *

Внешне эти районы производят даже приятное впечатление. Большие многоэтажные дома с балконами (не чета «хрущобам»); во дворах – детские площадки: хорошо заасфальтированные мос-

товые, которым позавидовали бы многие московские улицы: торговый центр; поблизости обязательно станция метро или пригородной электрички, курсируют автобусы... Правда, стены домов испещрены граффити, на дверях подъездов и лифтов – хулиганские надписи, некоторые почтовые ящики сломаны, а в торговом центре работает только супермаркет – витрины всех остальных маленьких лавочек, булочных, кафе, газетных киосков наглухо задраены железными шторами. Так выглядит французское предместье, которое называют «горячим». Они есть на окраине каждого крупного города.

Полиция старается сюда не заглядывать, коммерсанты отсюда бегут (им надоело, что их регулярно грабят), учителя жалуются, что дорогое оборудование в классных кабинетах подвергается вандализму, ну а когда перед праздниками начинается обычная «иллюминация», то есть поджигают автомобили (горят машины не заезжих миллионеров, а местных жителей), то пожарников, прибывших тушить, встречает град камней.

Кто же здесь бесчинствует? Татаро-монгольские полчища? Разбойники из темных лесов? Нет, это местная молодежь – на 95 процентов дети иммигрантов из арабских стран и Черной Африки – так своеобразно благодарят Францию за ее гостеприимство.

Неужели законопослушная Франция закрывает на это глаза? Что вы! Поджоги машин и торговых лавок, уличные баталии между бандами подростков и полицией – излюбленный сюжет французского телевидения. В газетах не прекращаются дискуссии по поводу того, как наладить быт «горячих пригородов». Заседают министерские комиссии. Устраиваются специальные конференции, с учас-

тием политиков, ученых-исследователей, муниципальных чиновников. О бедных ребятах из горячих пригородов пишутся книги, снимаются фильмы, модные певцы посвящают им песни. ...Каюсь, я тут неудачно выразился, написав: «Так они благодарят Францию за гостеприимство». Помилуйте, о какой благодарности может быть речь? Общий тон дискуссии таков: это несчастные дети, жертвы расизма, безработицы, классового неравенства, недостатков школьного образования, отсутствия развлечений, слабой интеграции французских семей во французскую жизнь. И т.д., и т.п.

Между прочим, здесь у каждой семьи – отдельная квартира, с цветным телевизором, холодильником, стиральной машиной, ванной.

Извините, я опять вспоминаю мое послевоенное детство. Скученные коммуналки с одним туалетом на 20 семей, двухчасовые очереди в общественные бани, скудный пищевой рацион, ночные стояния за мукой и хлебом. А развлечения – игра в футбол самодельным каучуковым мячом и фильмы «Сказание о земле сибирской» и «Кубанские казаки». Мы в Москве видели помидоры и огурцы лишь по большим праздникам и не подозревали о существовании апельсинов и бананов, а тут это, извините, за еду не считают – настолько приелось.

В СССР было обязательное четырехклассное (потом восьмиклассное) образование. Далее не хочешь учиться – иди на завод. Во Франции тоже обязательное восьмиклассное образование, и пока ребенок учится (по 20 лет) семья получает на него денежное пособие. Мы донашивали старые отцовские пиджаки, молодежь «горячих пригородов», вся как в униформе, щеголяет в фирменных кожаных куртках. Что же касается развлечений: до Парижа, где все можно найти, кроме «Кубанских казаков», – двад-

цать минут езды на общественном транспорте. Мне возразят: проезд стоит денег – однако платить в общественном транспорте нынешние «униженные и оскорбленные» считают буржуазным предрассудком. Если шофер в автобусе об этом заикнется – получит по роже. А контролера в электричке избьют. В знак протеста водители автобусов и железнодорожники устраивают забастовку. В ответ молодежь «горячих пригородов» забрасывает автобусы и электрички камнями. Полиция арестует хулиганов? Как бы не так! Полиции давалось негласное указание: без особой нужды не входить в «горячие пригороды», не провоцировать несчастных и обездоленных детей.

Лишь когда социалистов прогнали из власти, новый министр внутренних дел Саркози попытался изменить ситуацию. Что из этого вышло, я уже рассказывал. Вдохновленные победой на выборах, правые провели через парламент закон, запрещающий в подъездах домов «сборища молодежи, мешающие свободной циркуляции движения». Переводится эта юридическая абракадабра так: если в вашем подъезде беснуются подростки, курят гашиш, распивают спиртное, задирают жильцов, которые возвращаются с работы домой или просто отважились высунуться на лестницу, – так вот, отныне жильцы имеют право вызывать полицию. С момента принятия закона прошло два года. За это время по этой статье во Франции осудили одного человека, на один месяц тюрьмы, причем его адвокат, показанный по всем каналам телевидения, пообещал подать на апелляцию. Какая была реакция прессы? Вы еще не догадались? Единодушный вопль: полицейский произвол!

Пропустим банальную фразу, что дескать, не все в горячих пригородах такие: отсюда вышли извест-

ные футболисты, актеры, музыканты и даже Бернар Тапи, бывший министр и миллионер. Постараемся лучше понять психологию подростка.

«Итак, меня зовут Мухамед Али, я трижды оставался на второй год, я плохо читаю и не люблю этого, и вообще, всю науку в гробу видал. В квартире у нас тесно – видимо, маму под дулом пистолета заставили родить 12 детей (или принять своих родственников из Африки, которые приехали во Францию нелегально и поэтому живут у нас). Отец меня лупит и говорит, что если я не буду ходить в опротивевший мне колледж, то нам уменьшат денежное пособие. В ответ я луплю своих хилых одноклассников-французов, которые слишком высоко о себе думают (мол, они хорошо учатся), но драться не умеют. И белые девки нам дают, ибо каждая знает: если она с крутым парнем, черным или арабом, ее никто не тронет. И пусть французы не скулят, они сами виноваты, что не могли мне обеспечить нормальную жизнь. Что такое нормальная жизнь? Я ее видел в кино. Нет, не в кино, честно говоря, мне кино смотреть скучно, а в телевизионной рекламе: вилла на берегу моря, загорелая блондинка, спортивный «мерседес», часы «Ролекс», путешествие в каюте первого класса на океанском лайнере. Конечно, я могу пойти работать, всюду требуются грузчики и строительные рабочие. Но что мне будут платить? СМИГ? (СМИГ – официальный минимальный заработок. – А.Г.) За СМИГ пусть французы уродуются. На СМИГе на ту жизнь, о которой я мечтаю, денег не накопишь. Я и сейчас в школе на продаже наркотиков зарабатываю в два раза больше. У крутых ребят, как я, другая дорога, и правильно поют ребята из НТМ: «Настоящий парень должен убить полицейского!» (Для справки: НТМ – название популярнейшей музыкальной группы. Аббре-

виатура. Полное название переводится: «Ёб твою мать»). Однако я не дурак, и понимаю, что тюрьмы надо избежать, просто всё надо делать по-умному. Район, где мы живем, мне не нравится, и я из него выберусь. У меня будет и вилла, и яхта, и «мерседес», и загорелая блондинка! Один раз грамотно взять банк – и этого надолго хватит. А еще мне предлагают поехать на Ближний Восток, пройти боевую школу исламистов. Большие деньги предлагают. Но это надо обмозговать, это я еще не решил...».

Вполне допускаю, что в рассказе о трудных подростках в «горячих пригородах» я несколько утрирую, схематизирую и упрощаю. Себе в оправдание приведу такой факт: три или четыре года назад мэрия одного из пригородов постановила: «Всех родителей тех подростков, которые хулиганят на улицах, лишить денежных пособий». Специально разъясняю: лишить не заработка, а денег, которые выдаются родителям на воспитание детей. В результате в этом пригороде воцарилась тишина, спокойствие и порядок, как в Монте-Карло. Увы, ненадолго. По всей стране прокатилась волна возмущения: «Это не гуманно, антидемократично, это расизм!». Постановление отменили.

Вполне допускаю, что я не очень объективен к французской прессе. Да, конечно, телевидение как коллективный агитатор и организатор, диктует правила политкорректности. Однако вот я прочел в «Либерасьон» серьезную статью, где утверждается, что все бесчинства молодежи в «горячих» пригородах происходят по приказу наркочилиеров. Это они, наркочилиеры, управляют пригородами и, естественно, они не хотят, чтоб к ним совалась полиция. И дескать, раньше, до Саркози, в некоторых районах существовало негласное соглашение между полицией и наркочилиерами: вы нас не тро-

гайте, а мы сами следим за порядком. Не знаю, отважилась бы правая «Фигаро» забыть про социальную несправедливость и валить все на наркодилеров, но у «Либерасьон» прочная репутация газеты левой и бунтарской. «Либерасьон» может себе позволить выпасть из общего хора.

Но вот когда выясняется, что кто-то из пригородных шалунов воюет в Чечне, в Афганистане, в Ираке на стороне исламских экстремистов, то это каждый раз для французской общественности – как гром с ясного неба. Между тем ни для кого не секрет, что во французских пригородах появились новоявленные мусульманские имамы, которые, мягко говоря, не испытывают недостатка в материальных средствах. А меня удивляет политическая грамотность французских наркодилеров. Когда в городе обыкновенная демонстрация, скажем, против повышения цен, то «кассёры» тут как тут, бесчинствуют на улицах. А вот на манифестациях против американской оккупации Ирака «кассёры» блистательно отсутствуют. Видимо, наркодилеры дают указания: «Ребятишки, сидите дома и смотрите мультфильмы по телевизору». Неужели для наркодилеров организовали специальные курсы по политкорректности?

Я подозреваю, что Франция давно стала запасным аэродромом исламских экстремистов, просто пока они стараются не высовываться. Пока. И то не всегда. Например, участились случаи нападения на специальные бронированные пикапы, перевозящие деньги. Правда, на пикапы с деньгами нападали и раньше, но теперь грабители действуют, как профессиональные отряды спецназа. Интересно, где и в каких военных лагерях их тренировали?

...Сами понимаете, что мне со своими опасениями и подозрениями надо сидеть тихо во Франции

и молчать в тряпочку. А то ведь осудят за разжигание расовой и религиозной вражды. Или засмеют – мол, это все возрастные страхи, у нас много таких пенсионеров. А мне, между прочим, жалко их, французских пенсионеров. Именно они, бедняки и пенсионеры, больше всех страдают от наплыва иммигрантов. Они всю жизнь вкалывали, строили благосостояние Франции, с трудом, в кредит, купили себе маленькую квартирку в пригороде, и вдруг патриархальный пригород превращается в «горячий район», и им, старикам и беднякам, некуда деваться. Ведь как только пригород «почернел», цены на жилье резко упали, продать квартиру, конечно, можно, но что взамен купишь? Становиться в очередь в «ашелем» (государственные дома с дешевыми квартирами)? Так там будет соответствующая публика: все иммигранты, узаконив свое пребывание во Франции, сразу пишут заявления на жилье в «ашелеме». Но интересы французских стариков и бедняков вступают в противоречие с государственной политикой. Ведь Франция защищает права человека вообще, а принимать во внимание какие-то досадные мелочи стыдно и некорректно. Политика Франции диктуется только благими намерениями. Теми самыми, какими вымощена дорога в ад.

Слово о жертвах

При всем соблазне свалить все на современные нравы (а мы этому соблазну явно поддаемся, не тот уж возраст, чтоб устоять перед соблазнами), заметим все-таки, что видимо, в самой человеческой природе заложено преклонение, чуть ли не восхищение перед насильником и почти полное забвение его жертв. И так было испокон веков. Атилла, Чингиз-хан, во главе варварских орд, с огнем и мечом прошли континенты, разрушили цивилизации. Кто-нибудь вспомнит хоть имя из миллионов погибших? А Атилла и Чингиз-хан увековечили себя в истории человечества. Историческая наука в сущности изучает деяния жестоких правителей, военачальников или революционеров, проливших море крови. Конкретный пример. Имя Ивана Грозного известно любому человеку в России. Даже за границей, в цивилизованных странах, вам охотно объяснят, что это был за человек. Вопрос на засыпку нашим читателям: кого из русских царей звали Тишайшим?

С научных небес спускаемся на темные улицы. Вот идут двое навстречу друг другу. Через тридцать секунд один будет лежать на земле, другой – бежать с места преступления. В большинстве случаев убийца заранее знает, что он убьет, а тот, кому суждено быть убитым, пока про то не догадывается. Однако бывает, что случай меняет ситуацию. Убийца промахивается, поскользнувшись, теряет равновесие, ошалевшая от страха жертва бьет его по голове хозяйственной сумкой, в которой консервные банки, и нападавшему каюк. Повторяю: слепой случай – и роли переменились. Так вот, если бы у вас была возможность выбора (а такой возможности, как правило, не бывает), так вот, при всей аморальности, бесчеловечности и неправомерности такого вопроса, все-таки спрашиваю: что бы вы предпочли – быть преступником или его жертвой?

Увы, как это ни печально звучит, как это ни коробит благородный слух, но опыт, история человеческих отношений показывает: быть преступником предпочтительнее. Правда, может, во времена темного Средневековья, когда преступников казнили зверскими способами, сжигали живьем, четвертовали, само ожидание казни устрашало. Но я пишу эту книгу из современной, просвещенной Европы, где смертная казнь повсеместно отменена. Конечно, сидеть в тюрьме тоже не сахар... Тут мне вспоминается знаменитый эпизод, происшедший на конференции правозащитников в Женеве. Значит, холодная война была в разгаре, советских диссидентов держали в лагерях и психушках, Пиночет лютовал, в Южной Африке чернокожих ужасно обижали – словом, собрались в Женеве правозащитники и бывшие заключенные со всего мира, чтоб обсудить, осудить, призвать общественность и так далее. И вот один из докладчиков, клеймя

проклятых тюремщиков, уточнил, что, может, не всюду так плохо, он, например, никогда не сидел в швейцарской тюрьме. И ведь зал единодушно, мечтательно выдохнул: «Швейцарская тюрьма...». Я тоже не имел счастья побывать в швейцарской тюрьме, однако подозреваю, что сидеть в ней не так приятно, как в пятизвездочном отеле на берегу Средиземного моря. Вообще, тюрьмы в Европе разные, на всех не угодишь. Во французских постоянная напряженка: то заключенные буянят, то тюремщики бастуют. И все равно, даже если во время трансляции футбольного матча сломался цветной телевизор, даже если псы-тюремщики вытащили из домашней посылки спрятанный в пирог наркотик, даже если поцапался с соседом по камере, даже если к вам двоим в камеру подселяют третьего (дежурная тема возмущения во французской прессе: третий в камере, тюрьмы переполнены, это жестоко, бесчеловечно! Для справки сообщаю, что в такое же по объему помещение в России в «обезьяннике» набивают 29 человек) – так вот, все равно отбывать срок в европейской тюрьме предпочтительнее, чем лежать на кладбище. Более того, вся наигумманнейшая мораль современной западной цивилизации, со страниц многотиражных газет, с миллионов телеэкранов, ежедневно подсказывает выбор – бесспорно, без всяких сомнений лучше быть убийцей, чем убитым. Убитому – гнить на кладбище, а его родственникам – униженно обивать пороги разных учреждений, чтоб получить (если получают) жалкую материальную компенсацию. Зато какие роскошные перспективы раскрываются перед убийцей! Во время судебного процесса он становится героем дня, его имя не сходит со страниц газет, о нем трубят радио, его портрет мелькает на телевидении чаще, чем портреты

кинозвезд. Разбираются, обсуждаются малейшие перипетии его жизни, чтоб найти какое-то объяснение (читай – оправдание) его преступлений. Если не было тяжелого детства, то обязательно найдут какого-нибудь троюродного дедушку-алкоголика или душевнобольную двоюродную бабу. К смягчающим обстоятельствам добавляется социальное или расовое неравенство (как же без них!), и преступник вызывает всеобщее сочувствие. Свежий факт. Когда в Бельгии открылся процесс над серийным убийцей детей Марком Дютру – и начало процесса транслировалось по телевидению – все наверно обратили внимание, каким неподдельным счастьем сияло лицо юного поделщика Дютру. Мелкий уголовничек, наркоман, приводивший за несколько франков к Дютру малолетних девочек, мечтал ли он, что окажется в центре мирового телеэкрана? И какое же наказание теперь грозит этой гниде? Беззаботное, бездумное существование в комфортабельной бельгийской тюрьме...

Слышу протестующие вопли французов: понятно, куда клонит этот русский – к восстановлению смертной казни. Консерватор! Ретроград! Националист! Фашист! Правый! Если б дело ограничивалось только воплями... Для справки сообщаю, что в Америке, где во многих штатах сохранена высшая мера наказания, к приговоренным смертникам приезжают дамы из Европы, добиваются свиданий и утешают душегубов не только моральной и материальной поддержкой, но и интимными услугами. И такие, с позволения сказать, комсомолки-доброволки встречают понимание и сочувствие у политкорректного Запада. И нигде я не слышал и ни разу не читал, чтоб кто-нибудь из этих энтузиасток пришел бы на могилу убитой жертвы и поставил хотя бы свечку... А как охраняют душегубов! Когда убий-

цу везут на суд, то принимают меры предосторожности посерьезней, чем при встрече президента иностранной державы. Не дай Бог, если родственник убитого притаился где-то с винтовкой! Не позволим ему вершить самосуд, жизнь человека священна! Уточняем: жизнь убийцы священна. Если бы хотя бы десятую часть того усердия полиция проявила, чтоб охранить жертву, когда убийца выходил на дело!

Ладно, я консерватор, ретроград, правый и т.д. Возможно, я заслуживаю упреков со стороны политкорректного общественного мнения, но в свою очередь хочу уточнить, что все-таки я не совсем обычный ретроград и консерватор. Все-таки я принимал участие в работе Комиссии по помилованию при Президенте Российской Федерации. На мой взгляд, зря упразднили Комиссию по помилованию, которую собрал Анатолий Приставкин. Люди там работали из разных общественных структур, но абсолютно честные, неподкупные. А теперешние Региональные комиссии зависят от местного начальства. Как и почему закрыли Комиссию Приставкина – особый разговор, мы уйдем в сторону от нашей темы...

Так вот, не уходя от темы, отвечу из вопрос, которой мне пока еще не задавали, но обязательно когда-нибудь зададут:

– Принимала ли Комиссия в моем присутствии решение о помиловании заключенных, осужденных за убийство? И если принимала, то почему я не протестовал?

Отвечаю. Да, принимала. И неоднократно. Я не имел права голоса, так как не был официально утвержден. Тем не менее полагаю, что если бы я высказал свое несогласие с решением Комиссии, ко мне бы прислушались. Но я ни разу, повторяю, ни разу такого несогласия не высказал.

В той травле, которую организовали в российских СМИ, Комиссию обвиняли в том, что она выпускала на волю тысячи опасных преступников и рецидивистов. Считаю своим долгом засвидетельствовать, что Комиссия весьма сурово отвергала ходатайства, связанные с разбойными нападениями, хищениями в особо крупных размерах, торговле наркотиками и убийством детей. Бывали случаи, и я тому свидетель, когда Комиссия отвергала ходатайства, поддержанные администрацией тюрьмы, лагеря или депутатами Думы.

Перелистнута страница. Резюме следующего дела.

«Пили (девятьюстами процентами дел, поступающих на Комиссию, начинаются с этого глагола). Муж с женой и сосед (тут могут быть разные варианты – брат с сестрой и приятелем, жена с любовником, старые товарищи и т.д.). Мужу показалось, что жена наливает соседу больше, чем ему (опять же разные варианты: жене показалось, соседу показалось, жена отказалась пить, сосед отказался пить и т.д.). Началась ссора. Муж схватил чугунную сковородку (варианты: молоток, кухонный нож, гвоздодер – словом, что под руку попало) и убил жену (варианты: жена схватила и убила мужа, муж убил соседа, сосед убил мужа – на выбор). Что дальше? «Вытащили из кухни еще не остывшее тело, чтоб не мешало и... продолжали пить!»

Свежий факт. Только что прочел в «Московских новостях», что в Сибири особой популярностью пользуется так называемый «стеклодёр», химическое средство для мытья стекол. Во-первых, оно дешевле, чем водка. Во-вторых, забивает круче – человек отключается быстрее и совершенно не сообщает, что делает.

Вернемся к резюме. «Убийца (муж, жена, сосед) получил 12 лет, отсидел половину срока. Замеча-

ний от лагерной администрации не имеет, участвует в художественной самодеятельности. Семья, дочь и внуки поддерживают его ходатайство о помиловании (бывает, когда семья категорически против). Администрация лагеря поддерживает ходатайство о помиловании. Болен...».

– Юлий, что это за болезнь? – спрашивает Приставкин Юлия Крелина, известного писателя, работавшего врачом в больнице Кунцевского района.

– Это плохо, – отвечает Крелин. – Это отказывают почки.

– Ну и как решим? – спрашивает Приставкин. – Типичная бытовуха. Он с 1934 года, старик, никому не опасен. Отпустим умирать домой! Есть кто-нибудь против?

Против никого нет. И я, если б обладал правом голоса, руки бы не поднял.

Правда, однажды я возмутился. Комиссия с ходу помиловала тетку, 1942 года рождения, которая за то, что украла четыре кочана капусты (!!!), получила соответственно четыре года и отсидела два. Я возмутился, я спросил: «Как можно было давать за четыре кочана капусты четыре года тюрьмы? Российской тюрьмы?».

– А ты внимательно прочти дело, – ответил ироничный Марк Розовский (театр и сцена занимали у Розовского массу времени, однако заседания Комиссии он не пропускал). – У нее повторная судимость. Предыдущая была тоже за кражу. Видимо, в первой раз злоумышленница украла мешок картошки, а то и еще хуже – кусок колбасы. Значит, рецидивистка. Вот судья и отвесил ей полный срок.

Фиксирую внимание политкорректных читателей: на моих глазах Комиссия по помилованию предложила Президенту России выпустить на волю воровку-рецидивистку. И я не возражал.

* * *

Когда я, по выражению советской журналистики, «клеветал» на «Свободе» и поэтому активно интересовался политикой, у меня была идея (как всегда гениальная, других не бывает) – как положить конец холодной войне и предотвратить горячую. Надо было заключить соглашение, по которому изнеженный Запад посылает своих особо опасных преступников и рецидивистов отбывать наказание в советских тюрьмах и лагерях. Разумеется, не бесплатно. Деньги, которые должны были быть истрачены на содержание заключенных в западных тюрьмах, переводились бы на счет соответствующего управления советского МВД. Я прекрасно понимал, что часть денег милицейское начальство разворует по дороге, но все-таки хоть что-то дойдет до лагерей. Ведь неудобно будет перед иностранцами, иначе иностранцы перестанут переводить деньги. Глядишь, и нашим заключенным послабление: заткнут щели в бараках, потеплее оденут, посытнее накормят. Что касается Запада, то там просто будут молиться на Советский Союз, ведь благодаря этому эксперименту, на Западе исчезнет уголовная преступность.

Как бы ни хорохорились американские гангстеры и итальянские мафиози, но после мордовских лагерей они бы всерьез задумались (если бы вышли живыми), как жить дальше.

Не послушались умного человека. Мир предпочел другой сценарий. Советский Союз рухнул, диссидентов и политических выпустили на волю, но по общему количеству заключенных – уголовников, бытовиков, – Россия опять же, как и в области балета, впереди планеты всей. И бытовые условия содержания в российских тюрьмах и лагерях не

улучшились. Анатолий Приставкин, убежденный противник смертной казни, как-то мне признался (после очередной инспекционной поездки по лагерям), что, по его мнению, люди, приговоренные к большим срокам за тяжкие преступления, наверно предпочли бы смерть, чем такую, с позволения сказать, жизнь.

Так вот, граждане, господа и товарищи, я это к тому, что моя идея по-прежнему актуальна. Академики-экономисты утверждают – и я им верю, что когда цены на нефть упадут, то в России не будет иного источника дохода. Как не будет? А тюрьмы? А лагеря? Если заключить соглашение с Соединенными Штатами и Европой, если расширить и перестроить нашу пенитенциарную систему и приспособить ее для приема иностранцев (а вот тут опыта нам не занимать, у нас по части тюрем и лагерей ба-а-льшой опыт!), то ведь золотые реки потекут в Россию. Запад тратит на содержание своих преступников головокружительные суммы. На Западе, по традиции, всегда и всего перепроизводство, а уж такой товар, как преступники, точно не оскудеет. Значит, с одной стороны, Россия поможет Западу выжить, а с другой стороны, при разумном распределении денежного потока, и нашим пенсионерам увеличат пенсию, и матерям-одиночкам подкинут на молочишко...

Свежий факт. Ну как жить в этом мире? Воруют идеи! Услышал по радио сообщение, что Австрия строит в Румынии тюрьму повышенного комфорта, для... румынских воров, которые переполнили австрийские тюрьмы. Причем, румынские активисты, несмотря на обещания повышенной комфортности в тюрьмах, возвращаться на родину решительно не желают и протестуют против нарушения прав человека. Тем не менее, я думаю, австрийцы

не дураки и устроят великое переселение народов. После чего товарищи-румыны будут обходить Австрию за тридевять земель и повалят скопом... правильно вы догадались – прямиком во Францию.

Между прочим, без всяких шуточек, я считаю, что Россия обязана помочь Западу. Ведь нынче вот какая ситуация в мире: Советский Союз умер, а дело его живет. Кто первым начал требовать свободу Африке? Советский Союз. И вот заварили кашу, а расхлебывать ее приходится Европе. Еще Владимир Ильич, презиравший западную интеллигенцию, проницательно заметил, что она, эта интеллигенция, будет помогать нам разрушать капиталистический мир, и называл западную интеллигенцию «полезными идиотами». Откуда пришла на Запад эта самая пресловутая политкорректность? Детище советской пропаганды! Ведь как обстояло дело? В стране победившего социализма правил строжайший полицейский режим, а на Запад выбрасывались самые что ни на есть передовые, гуманные идеи о всеобщем равенстве и братстве. В Союзе даже районные пропагандисты в них ни на грош не верили, а на Западе их принимали за чистую монету. И вот, повторяю, советский режим рухнул, а в Европе к власти пришли «полезные идиоты» (или полезные идиоты диктуют власти правила поведения). И они, из самых лучших побуждений, развоят европейскую цивилизацию и, боюсь, что та же Франция через несколько десятилетий превратится в современное Косово. Банды воинственных исламских экстремистов всевозможных национальностей и окрасок будут силой вытеснять жалкие остатки французов куда-нибудь в Бретань и Эльзас-Лотарингию. И сдерживать этот напор придется ооновскому континенту, составленному из американских и русских военных. Ну да, французскому представителю

в ООН удастся доказать, что когда-то территория Франции принадлежала французам... А что пытались доказать сербы в Косово?

Бредовые опасения? Господи, как хотелось бы ошибиться! Да ведь не только я кричу, что Третья мировая война уже началась. И действительно, мировая! И жертвами ее будут не столько армейские части, сколько мирное население.

Конечно, великое счастье России, что она лежит далеко от Африки, что она, в отличие от США и Франции, белая страна. Надеюсь, что в своей иммиграционной политике Россия возьмет пример не с политкорректной Европы, а с разумной Австралии, которая ни одного африканца к себе на порог не пускает. Дескать, друзья, у вас свой континент, вот там и разбирайтесь между собой.

Правда, если быть откровенным до конца, то не спокоен я и за судьбу России. Догадливые журналисты сразу спросят: война России с Китаем? Вот чего, господа-товарищи, точно не будет, так это войны. Просто в один прекрасный день дальневосточную границу разом форсируют 100 или 200 миллионов китайцев (причем, все пройдет политкорректно, без всякого оружия – впереди женщины и дети). И займут они опустевшую Сибирь. Братцы, ну не может так долго продолжаться, что на одном берегу Амура бескрайний человеческий муравейник, а на другом, на тысячи километров вглубь, – лишь волки воют! Все-таки есть законы природы, законы физических тел.

Как говорится, чур меня, чур! Забудем кошмарные видения. Всё. Возвращаемся в любимую Францию и закругляемся.

Когда первый министр юстиции при Миттеране, Робер Бадантер, произносил свою знаменитую речь в парламенте против смертной казни, ее

транслировали по телевидению с начала до конца. Бадантер – умница, замечательный оратор. Он добился того, что вопреки общественному мнению, парламент Франции отменил смертную казнь. Для справки: по поводу смертной казни во Франции не проводился народный референдум, ибо все опросы показывают – большинство французов за смертную казнь. Правители Франции игнорируют народное мнение, ибо полагают, что им лучше известно, как привести свой народ к светлому будущему. Неправда ли, это кое-что напоминает из советской эпохи?

Извините, отвлеклись от Бадантера. Продолжаю. Так вот, слушая Бадантера и отдавая ему должное как оратору, я, помнится, подумал тогда, что с этого момента все будущие вдовы полицейских, все их дети-сироты будут иметь полное право плевать Бадантеру в рыло, ибо он и есть настоящий убийца их мужей и отцов. До Бадантеровского закона во Франции за убийство полицейского при исполнении служебных обязанностей автоматически полагалась смертная казнь. Ныне преступнику выгоднее убить полицейского и уйти от погони, чем быть арестованным. В конечном итоге, если его арестуют, он получит одно и то же. После Бадантера во Франции полицейских отстреливают как зайцев в охотничий сезон. И лишь года два тому назад, когда терпение полицейских лопнуло и полиция вышла протестовать на улицу (где, в какой еще стране такое было?), правительство почесалось и выделило средства на... покупку каждому полицейскому бронжилета.

Можно сказать, что с юридической точки зрения, в Европе существуют два полюса: Россия и Франция. В России самая жесткая судебная репрессивная машина, доставшаяся в наследство от

СССР. Во Франции судебно-исправительная система – самая мягкая, а полиция парализована страхом совершить ошибку. Ничего хорошего не получилось ни там, ни там. Как пел Окуджава: «Надо бы что-то среднее, а где ж его взять?». Продолжается вековой спор двух юридических школ. Для одной важен приоритет закона, другую больше интересует человек, который этот закон нарушил. Но ни та и ни другая школа не интересуются жертвами. То есть жертва существует сама по себе, как судебная улика, не больше. При мне во Франции прошло несколько шумных процессов так называемых «серийных убийц». Я уже рассказывал, каким вниманием во Франции окружается суд над простыми убийцами, а уж серийный убийца – это телевизионный сериал. Телевидение принесло убийцам общенациональную славу. Их имена французы произносят без запинки (а у меня впечатление, что по улицам шляется большое количество индивидуумов, готовых перерезать полгорода, лишь бы потом покрасоваться на голубом экране). Специалисты-психологи единодушны: если серийный убийца выйдет на волю, он опять начнет убивать. То же самое характерно для убийц-педофилов. Таким образом, сохраняя жизнь убийце, судья приговаривает к мучительной смерти еще несколько безымянных жертв (в случае с педофилами к смерти приговариваются ни в чем не повинные маленькие дети). А убийца обязательно выйдет на волю – или в результате судебной ошибки, или сбежит из тюрьмы, или когда кончится срок. Напоминаю: во Франции самый суровый приговор, максимальное пожизненное заключение – это 22 года.

...Мои доводы заглушаются дружными воплями со всех сторон: «Смертная казнь – это архаично,

это негуманно, это – недемократично!» И хоть кол им на голове теши...

Лет пять тому назад одна судебная история возмутила даже ко всему привыкшую Францию. Группа хулиганов остановила молодую девушку в переулке и под угрозой того, что спустят с поводка разъяренного питбуля, заставила спуститься в подвал. В подвале девушку хором изнасиловали. Обычно жертвы таких преступлений крайне редко обращаются в полицию: и стыдно, и страшно. Девушка показала характер, и несмотря на апатию полиции и угрозы хулиганов (ее преследовали на улице, звонили домой, всячески оскорбляли), довела дело до суда. И французский гуманный суд вдруг забыл про тяжелое детство хулиганов, про то, что они безработные и поэтому вынуждены разъезжать на ворованном БМВ, и – редчайший случай – приговорил их к тюрьме, причем не на условный срок, а на действительный. Видимо, разъяренный питбуль на поводке произвел впечатление. Главный хулиган (владелец питбуля) продолжал посылать девушке из тюрьмы угрожающие письма, а его адвокат подал на апелляцию, просто так, для проформы. Ну а дальше... Какая-то судебная чиновница что-то забыла подписать или подписала не там, или не в тот день. В результате адвокат воспользовался судебным промахом, и главный хулиган вернулся к своему питбулю свободным человеком.

Несколько газет напечатали интервью с девушкой. Она в отчаянии. Бросила свою квартиру, работу, сбежала из города, не знает где прятаться и у кого искать защиты.

Даже телевидение сподобилось спросить у судебной чиновницы, как и почему такое произошло и что теперь делать. Милая пожилая дама появилась в кадре и устало улыбнулась:

– Что теперь делать? Делать нечего. Закон есть закон. А от ошибок никто из нас не застрахован.

Оно, конечно, негуманно, архаично, реакционно, недемократично, и ни в какие политкорректные ворота не лезет, но будь у меня возможность, я бы сам, собственноручно повесил эту даму на первом же суку.

Преступление и наказание

Ну а если б я действительно повесил чиновницу французской юстиции? Что ж, рассмотрим вариант преступления и наказания, точнее, французскую градацию политкорректного наказания за преступление. Ваш покорный слуга готов провести эксперимент. Итак, в русской деревне я покупаю у ночного сторожа за поллитру дробовик, привожу его в Париж как коллекционное охотничье ружье (такое разрешается) и замышляю совершить громкое убийство. Бог с ней, с чиновницей, женщин обижать нехорошо. Я выбираю цель покрупнее. Я останавливаю свою машину у входа в парижскую мэрию и жду, когда в дверях покажется парижский мэр месье Дэляноэ. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой, – в данном случае, бедный месье Дэляноэ, которому, между прочим, я искренне желаю здоровья и долгих лет жизни. Так как убегать я никуда не собираюсь, меня тут же арестовывают, надевают наручники. Теледикторы со скорбными ли-

цами посвящают все вечерние новости убийству мэра, а французские газеты утром выходят с большими заголовками, типа «Страшное преступление в Париже» или «Русская мафия бесчинствует во Франции».

Между тем, меня допоздна допрашивают на Кэ д'Орфевр в том самом кабинете, где сидел легендарный герой Сименона комиссар Мегрэ. Допрос ведется корректно, я не уваливаю от ответов, меня угощают кофе, сигаретами, приносят сандвичи с ветчиной и с сыром. «Комиссары Мегрэ» проверяют мои ответы и очень быстро понимают, что я не имею никакого отношения к русской мафии и вообще почтенный господин, в жизни которого не было ни одного привода – ни в советскую милицию, ни во французскую полицию.

Вопрос: Что же вас заставило убить месье Дэляноэ?

Осторожно! От моего ответа зависит дальнейший ход судебного процесса, но ответ я приготовил заранее:

– Я убил господина мэра по экологическим причинам.

И я подробно объясняю, что месье Дэляноэ, выступая под популистскими лозунгами за чистоту парижского воздуха, на самом деле травил парижан. Он закрывал набережные и целые кварталы для машин, и тем самым создавал в соседних кварталах дикие автомобильные пробки, которые в конечном итоге еще хуже загрязняли атмосферу города. Построенные мэром в демагогических целях велосипедные дорожки, (по которым никто не ездит!) изуродовали парижские улицы и опустошили городскую казну. В поисках дешевой популярности мэр устраивал в Париже шумные праздники, для молодежи, которые травмировали и пугали стариков.

И прочее, и прочее, о чем подробно пишут недовольные мэром парижские газеты.

Пока идет подготовка к судебному процессу (во Франции это процедура долгая, растягивается на год), страсти вокруг убийства мэра стихают и переходят в обычную политическую полемику между «зелеными», сторонниками строгой экологии, и их противниками, чьи доводы я уже высказывал на предварительном следствии.

Суд. Мой адвокат объясняет мои действия как неадекватный ответ пожилых парижан, замордованных волюнтаристскими акциями парижской мэрии.

Общественное мнение раскололось. У меня появляется много сочувствующих из числа парижских автолюбителей, которым надоели парижские пробки и которые, будь у них возможность, сами бы удушили мэсье Дэляноэ голыми руками. Суд и это учитывает. Короче, в моем поступке не находят никакой личной корысти, а просто неадекватный ответ. Учитывается мой возраст и то, что у меня никогда не было конфликтов с французской юстицией. Меня приговаривают к десяти годам тюремного заключения, из которых шесть условно, и через год, за хорошее поведение, отпускают домой. Итак, в общей сложности, за убийство человека я отсидел во французской тюрьме два года.

Теперь рассмотрим другой вариант. Я без всякого оружия жду выхода мэсье Дэляноэ из парижской мэрии и громко обзываю его. «Грязным негром». «Вонючим арабом». «Еврейской мордой». «Русским пьяницей». «Вшивым американцем». «Пидором». Как вы понимаете, я не могу выпалить всего сразу, это было бы нелогично, я должен выбрать что-то одно. Причем, из всего перечисленного есть одно, что не является оскорблением, но констатацией истины. Что именно – уточнять не буду.

Что последует дальше? За «негра и араба» суд будет скорым и, из-за «разжигания расовой ненависти», мне отвесят десять лет тюрьмы, причем не условных, а действительных. За «еврейскую морду» мне вынесут общественное порицание и оштрафуют на сто евро. За «русского пьяницу» ни один французский суд не примет жалобу мэра к делопроизводству (впрочем, не уверен, что такая жалоба последует). За «вшивого американца» – сделают вид, что не слышали, а потом французское телевидение пригласит меня выступить в какой-нибудь программе, где будут подробно расспрашивать о моих творческих планах. За «пидора» мне дадут 20 лет строгого режима, и никакие президентские амнистии на меня не распространятся.

ЧАСТЬ II
ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ
или почти

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Гид, ведущий по Парижу

Нет, бывает, конечно, что кого-то прямо у трапа самолета встречает посольская машина, и веселый, подтянутый дипломат вежливо осведомляется: «Первый раз в Париже? Значит, так, после встречи с послом и совещания у Ивана Ивановича мы вас покатаем по городу и все, что надо, покажем». Или другой, но похожий вариант, когда пройдя аэропортовскую таможню, вы сразу попадаете в цепкие объятия представителя фирмы, дела, дела, переговоры, подписание контракта – и лишь спустя несколько суток, он, все понимающий представитель фирмы, смотрит на вас заговорщицким взглядом и предлагает: «Забежим для приличия в Лувр или сразу на пляс Пигаль?». Но обычно простые смертные, к коим и я себя отношу, впервые попадали в Париж – а сейчас это вообще не проблема – в составе туристских групп. И ваше знакомство с городом, то есть насколько оно будет глубоким, разумеется, зависит от заранее

составленной программы, от времени и, в первую очередь, – от гида.

Мне никогда не забыть Париж моей молодости – Париж шестьдесят первого года, в котором я пробыл 10 дней с делегацией советских писателей. Романтичный, таинственный в сиреневых сумерках, – таким он мне снился потом, каждую ночь. И не забыть никогда нашего гида – Эльзу Юрьевну, приставленную к нам от Интуриста. В Москве она нам понравилась: высокая, очень энергичная, довольно красивая. В Париже мы ее сразу перекрестили в Эльзу Кох. Почему? Ну вот, к примеру. Подъезжает наш автобус к университету. На улице нас уже ждут студенты. Передняя дверь автобуса приоткрывается, однако Эльза Юрьевна фашистским голосом командует: «Не вставать, не выходить!». И советские писатели как будто прикипают к креслу. А ведь какая была славная компания! Виктор Шкловский, Вениамин Каверин, Всеволод Иванов, Вильгельм Левик... Я на задней скамейке пытаюсь возмущаться, но железные руки военных писателей Юрия Бондарева и Григория Бакланова, входящих тогда в моду, осаживают меня: «Толя, не рыпайся!». В приоткрытую дверь Эльза Юрьевна что-то говорит студентам, и автобус уезжает. Потом Каверин спросил у Эльзы Юрьевны, почему сорвалась наша встреча со студентами. «Была запланирована провокация!» – сухо сообщила Эльза Юрьевна. Впрочем, надо отдать ей должное: она с радостью сопровождала нас на экскурсии в огромный магазин «Галери-Лафайет» и активно помогала тем, кто отваживался раскошелиться на пару носков или кофточку. Эльза Юрьевна не спускала с нас глаз и в музеях, но рассказ о картинах не входил в задачи ее ведомства, для этого наняли пожилую француженку русского происхождения. «Белогвар-

дейка!» – ахнули советские писатели. «Не опасная, – снисходительно заметила Эльза Юрьевна, – давно работает с советскими группами». Французенка-гид понимала толк в живописи, в скульптуре, более того, как-то по-старомодному заботилась о нас. Однажды мадам (забыл ее имя) пропела сладким голосом: «Когда пойдете на вечернюю прогулку, остерегайтесь квартала Клиши, там вас могут увести ночные феи...» – «Эмигрантская сволочь, – со злобой подумал советский писатель Анатолий Гладилин. – Будто не знает, что у нас нет денег даже на чашку кофе!».

Ладно, все это в прошлом. Теперь гид, который летит с вами из Москвы или из Санкт-Петербурга, или встречает вас в Париже, или встречает в Лондоне, чтоб провести по маршруту «Четыре столицы: Лондон-Амстердам-Брюссель-Париж» – так вот, теперь этот милый, симпатичный гид не принадлежит ни к какому ведомству, ему не надо писать на вас доносы, и он озабочен прежде всего тем, чтоб тур прошел без сучка и задоринки, чтоб туристы остались довольны, и, в свою очередь, не написали на него жалобы. По секрету сообщу: этот гид даже не принадлежит к ведомству гидов, то есть у него нет лицензии, и он, с точки зрения французского закона, работает по-черному. Зато туристские агентства, посылающие русскоязычные группы из России, Америки и Израиля, здорово экономят на нем. Однако в музей Лувр или, например, в Версальский дворец туристской группе без экскурсовода-профессионала не войти. Здесь агентствам приходится платить по полному тарифу.

Значит, опять обман рабочего класса и трудового крестьянства, в кои веки собравшего деньги на поездку за границу? Позвольте с вами не согласиться. Конечно, у профессионального гида много до-

стоинств, он привык вести группы из разных стран, а это, поверьте мне, не сахар (кстати, один профессионал мне жаловался, что хуже всего путешествовать с французами по заграницам, они и капризны, и склочны, и возмущаются тем, почему в Германии и Италии недействительны для проезда в автобусе билетки парижского метро...) – повторяю, у профессионального гида много достоинств, но нет главного: опыта работы с русскими.

Русские туристы, откуда бы они не приехали, как правило, по-французски ни бум-бум. Ваш улыбчивый гид должен быть постоянно начеку и пересчитывать свою группу по головам. Кто-нибудь отстанет – обязательно потеряется, не найдет обратно дорогу в отель. Русские не понимают, почему в дорогих трехзвездочных парижских отелях комнаты такие маленькие. Приходится объяснять, да, комнаты неудобные, зато отель – в центре города, поэтому и дерут такие деньги. Российские туристы имеют странную привычку вечером собираться компаниями в номере, пить водку и распевать «Подмосковные вечера». Гид, в принципе, не хочет мешать их культурному отдыху, но какими-то мягкими уговорами он обязан прекратить хоровое пение к полуночи. Если в гостинице на завтрак – «шведский стол», то гид твердит своим подопечным: «Пожалуйста, не набивайте сумки бутербродами и фруктами, оставьте хоть что-нибудь другим постояльцам...» Откуда бы ни была русская группа – из Нью-Йорка или из Москвы, внутри нее непременно раздоры, размежевание на партии (не политические), возникают скандалы, иногда и драки. Задача гида – все это предвидеть, не допустить, вовремя погасить. Между русскими американцами и российскими гражданами много общего, разница, пожалуй, в одном: их интересуют совсем другие

магазины, и гид это знает, он в курсе куда их вести. В каждой группе есть люди, которым Париж – «для галочки», им важно, вернувшись в Тверь или в Лос-Анджелес, похвастаться перед соседями. Для них сойдет обычный джентльменский набор: Лувр, Эйфелева башня, Нотр-Дам, прогулка на пароходике. Но есть и такие, для которых поездка в Париж – праздник. Они хотят увидеть нечто особенное – и гид поведет их в музей Пикассо, в квартал Марэ или организует специальную поездку на русское кладбище, гид подскажет, в каком банке выгодно обменять доллары на евро (никогда не меняйте в аэропорту или на вокзалах, там не обмен, а грабеж среди бела дня), гид вызовет врача, если, не дай Бог, кто-то заболел, побежит в аптеку за лекарством, гид с сочувствием выслушает вашу историю неудачной семейной жизни – словом, гид – ваш нянька и поводырь, а как же иначе с русским.

Вопрос: блюдет ли гид вашу нравственность, как строго блюли ее когда-то интуристовские гиды или даже француженка-белоэмигрантка, о которой я уже упоминал? Блюдет, да еще с каким энтузиазмом, ибо с первого дня начинает уговаривать группу посетить «Лидо», «Фоли-Бержер», «Крэзи Хорс» или еще какое-нибудь менее известное стриптизное шоу. В российских группах больше молодежи, естественно, им такие развлечения – в самый раз. В американских группах в основном пенсионеры, но гид все равно будет настаивать. В этом смысле абсолютный рекорд установил мой знакомый, очень пробивной парень, которому удалось заманить свою группу на «лайф-шоу». Увы, в связи с поголовным увлечением порнографическими видеолентами в России, там любой мальчишка знает, что это такое, а в той американской группе самому юному было за семьдесят пять, и они не догадыва-

лись, куда их тащат. Две восьмидесятитрехлетние сестры-близняшки долго сослепу не понимали, что происходит на сцене, а когда разглядели, одна хлопнулась в обморок, а другая, наоборот, безумно оживилась и говорила потом, что в молодости много слышала об этом, и вот наконец увидела...

Вообще, внимательный наблюдатель усечет некоторые странности в поведении гида. Например, вы хотите в «Мулен руж», а он предпочитает «Паради Латэн». Вам понравился этот магазин с радиоаппаратурой, а он вас ведет в другой. И чтоб купить сувениры или французскую парфюмерию без налога, у гида свои адреса. Причем, всюду цены вроде бы одинаковые. Тогда почему? Придется открыть одну тайну: у каждого гида свои знакомства, свои контакты, и если группа придет в кабаре или в магазин, где его знают, гид получит комиссионные, а явисься неизвестно к кому – могут и не заплатить. И в ресторанах то же самое, правда, там комиссионных не дают, зато гида и шофера автобуса накормят бесплатно. О шофере автобуса гид обязан заботиться и делиться с ним чаевыми, иначе будут неудобства для группы, шофер объявит, что его рабочий день кончился, и поплететесь пешком по темным улицам.

Кстати, о птичках, то есть о чаевых. Получают ли чаевые российские гиды, этот щекотливый вопрос мы обойдем молчанием, а вот русские американцы знают, что чаевые gidу положены, и чем больше он организует внеплановых мероприятий, тем больше собирают.

А что думают сами гиды о своей работе в Париже? Из всех европейских столиц, по которым они возят группы, Париж считается самым тяжелым и неприветливым городом. По узким улицам, забитым машинами, очень трудно подогнать автобус

к отелю. Хозяева отелей часто нелюбезны, в магазинах иногда зажимают комиссионные, на иностранцев смотрят, как на дойных коров. По мнению гидов, парижане уверены, что их город навсегда останется центром мирового туризма, просто обречен на это, а раз так – для чего стараться?

Наша подружка, гид, живущая в Бельгии, когда заканчивает тур, обычно клянется: «Все, в Париж не ногой, сил больше нету!» А через несколько месяцев у нас звонит телефон, и я слышу в трубке ее ликующий голос: «У меня опять группа в Париж. Надоел мне этот чертов Брюссель!»

Видимо, Париж все же стоит мессы.

Парижский быт

Вместе с писателем Даниилом Граниным и двумя советскими учеными мы вышли из Дворца Шайо. Только что кончился торжественный вечер, посвященный сорокалетию принятия Организацией Объединенных Наций Декларации о защите прав человека. В зале, рядом с нами, сидели французские министры, а в президиуме – Лех Валенса и академик Сахаров... Президент Франции Франсуа Миттеран прошел в двух шагах от нас, и национальные гвардейцы в опереточной парадной форме (а когда-то это была настоящая военная одежда наполеоновских солдат) застыли с поднятыми обнаженными саблями вдоль красной ковровой дорожки. Один за другим, не торопясь, подруливали большие лимузины, увозя почетных гостей. Мы спускались мимо фонтанов Трокадеро к Сене, а в брызгах воды прожектора высвечивали две цифры: 1948-1988. Под мостом Трокадеро, как плавающий сияющий дворец, переливаясь разноцветны-

ми огнями, проходил прогулочный туристский корабль. А на другом берегу, как огромная стрела, тоже вся в подсветке, взметалась в небо ажурная Эйфелева башня.

– Господи, какой красивый город! – сказал кто-то из советских товарищей.

И мы наперебой стали вспоминать, когда каждый из нас в первый раз посетил Париж.

Потом мы долго шли по улицам, где уже не было такого праздничного освещения, но угадывались великолепные архитектурные фронтоны домов. Завернули в уютное кафе, говорили о Москве, о том, что сейчас происходит в Союзе, а потом снова все свелось к Парижу, к словам Хэмингуэя: «Париж – это праздник, который всегда с тобой».

– А вы знаете, – осторожно заметил я, – Париж конечно прекрасен, когда приезжаешь сюда туристом, но жить в Париже довольно тяжело.

За столом воцарилась пауза. Даже Гранин смотрел на меня удивленно. Я попытался объяснить:

– Сам Париж маленький, его можно пересечь пешком за два часа, но работают в нем люди, которые живут в дальних пригородах, и таких людей большинство. И вот им особенно сложно. – Но почувствовал: меня не понимают. Или отказываются понимать.

Увы, с таким непониманием я сталкивался не первый раз. Что ж, попробую теперь сделать то, что я не сумел сделать тогда, в кафе. Рассказать, как живет не парадный, туристский, а трудовой Париж.

У многих жителей парижских пригородов – так называемых «банлье» – на дороге из дома до работы, туда и обратно, уходит четыре часа. Автобус, электричка, потом метро, да еще с пересадками. Теоретически, конечно, можно приезжать в город на машине, но где найти стоянку? Париж не приспособлен

соблен для такого интенсивного автомобильного движения, в часы пик он задыхается от уличных пробок. К этому напряженному ритму еще можно как-то привыкнуть, но когда этот ритм нарушается – то просто беда. А нарушается он из-за забастовок. Постоянно не работает какая-нибудь линия загородных электричек, а когда начинается всеобщая забастовка транспорта – о боги, за что такое наказание! По-моему, в советской прессе всего один раз было правдиво рассказано о парижской забастовке транспорта. Несколько лет тому назад была такая статья в газете «Известия» писательницы Натальи Ильиной. А так – из года в год по газетным страницам блуждает стереотип: капиталист-хозяин, толстяк с сигарой обижает своих служащих, и героический рабочий класс, чтобы не умереть с голоду, объявляет забастовку. Поймите меня правильно: я не против забастовок, я сочувствую судостроителям Сан-Назера и металлургам Лотарингии, когда закрываются верфи и заводы и рабочим ничего не остается, как протестовать и бастовать! Однако железные дороги во Франции – метро, общественный транспорт принадлежат не предпринимателю, а государству. Государственным служащим не грозит безработица, их по закону нельзя уволить, в крайнем случае, можно перевести на другое место работы. Уже благодаря этому в привилегированном положении находятся не только железнодорожники, служащие общественного транспорта, но и работники почты, электрики. Когда в городе отключают электричество или перестают разносить письма, застывает работа на тысяче других фирм, к забастовке отношение не имеющих.

Как это ни покажется странным, но профсоюзы во Франции не такие уж мощные. Например по статистике, во Франции членов профсоюзов

в два раза меньше, чем в Германии. Но профсоюзы во Франции политизированы, а самый сильный из них, СЖТ, находится под контролем Французской коммунистической партии. Впрочем, для СЖТ многочисленность не так важна. Важно занять ключевые позиции. Помните, как учил вождь революции: «не надо было занимать весь Петроград, надо было захватить мосты, почту и телеграф». Эта стратегия СЖТ особенно ярко проявилась несколько лет назад: 169 рабочих-ремонтников парижского метро – повторяю, 169 человек – объявили длительную забастовку и вывели из строя общественный транспорт многомиллионного города.

Как же эта забастовка сказалась на парижских тружениках? Пересказываю один из репортажей, снятых по французскому телевидению. Молодая женщина, мать двоих детей, живет в южном пригороде, работает в ресторане, в центре Парижа. Во время забастовки она вынуждена была вставать в пять утра. Пешком идти четыре километра – до площади, откуда военные грузовики доставляли людей к Орлеанским воротам Парижа (во время забастовки правительство мобилизовало армию).

Но от Орлеанских ворот до центра города тоже надо было как-то добираться. И обратный путь с такими же приключениями. И женщина попадала домой к десяти вечера, когда дети уже спали. Показали по телевидению и хозяина ресторана, в котором работает эта молодая женщина. Хозяин совсем не злодей, но просит его понять: если его официантка опаздывает, он вынужден будет ее уволить. Ведь для хозяина важно, чтобы ресторан работал. Найдет другую официантку, которая живет поближе. То есть забастовка рикошетом ударяет по ни в чем не повинному человеку.

Чего хотели забастовщики? Они требовали неимоверно абсурдной прибавки зарплаты – и кста-ти, ничего не добились. Как отмечала французская пресса, экономические требования были лишь предлогом. Подтекст забастовки был политический. Это была война коммунистов против социалистов, правящая социалистическая партия не взяла коммунистов в правительство и коммунисты решили им доказать свою силу. Подсчитано, что урон от забастовки для государственной казны составил 600 миллионов франков (91,5 млн. евро). Между прочим, из этой же казны платят зарплату забастовщикам. Но наказано не только государство. Пострадали тысячи больших и маленьких магазинов – ведь предпраздничная торговля была практически сорвана. Повторяю, подчеркиваю: когда во Франции бастует транспорт, почта, когда прекращают работу электрики, – это не удар по толстосумам-капиталистам, это удар, в первую очередь, по трудящимся массам, по самым низкооплачиваемым рабочим, у которых нет машин, чтобы добраться до города; по беднякам, по безработным, которые перестают получать по почте свое пособие. Можно ли назвать это классовой борьбой? Вот уж не думаю.

...С начала рождественской недели в Париже воцарилась тишь да гладь. Все, как по мановению волшебной палочки, заработало. Гирлянды огней сияют на Елисейских полях и на Больших Бульварах. Мерцают новогодние елки на площадях. В праздничных витринах больших магазинов на бульваре Осман прыгают и крутятся забавные игрушки и зверюшки и родители сажают своих детей на плечи, чтобы они могли видеть эти чудеса. По сообщениям газет, к праздничному столу парижане купили рекордное количество деликатесов – икры, гуси-

ной печенки, семги. Дети получили от родителей всевозможные наборы плюшевых и механических игрушек. В мэриях пенсионерам бесплатно раздавали коробки шоколадных конфет. В новогоднюю ночь по Елисейским Полям гуляли огромные толпы молодежи, прямо на улицах откупоривались бутылки шампанского – вечный город Париж! Он как бы опять восстал из пепла. Никакие житейские бури его не берут, и заезжему туристу кажется, что праздник на парижской улице не прекращается никогда...

Франция веселится

Много лет тому назад, в Париже, мы встречали Новый год с племянниками моей жены, приехавшими из Нью-Йорка. Быстро выпив и закусив, ребята умотали на Елисейские Поля, ну а взрослые чинно продолжали застолье. В отличие от Москвы, где все беседы за рюмкой водки сворачивались к политике или к поиску смысла жизни, мы, как истинные французы, обсуждали текущий момент и вопросы быта. Быт, как известно, заедает (банковские кредиты, домработница сломала пылесос и краны в ванной надо менять), а в текущем моменте не было ничего хорошего. В тот декабрь Францию парализовала чудовищная железнодорожная забастовка, настолько свирепая, что даже советская пресса, обычно приветствующая классовую борьбу трудящихся, возмутилась, ибо многие советские командировочные безнадежно застряли на парижских вокзалах. Железнодорожная тема плавно скатывалась к росту преступности в пригоро-

дах, к тому, что Париж на глазах «чернеет», а эти суки-социалисты... Ладно, только не про политику, давайте выпьем за... салат с крабами просто прекрасный и пора уже ставить горячее. В общем, Новый год встретили славно. К вечеру следующего дня, когда ребята проснулись, я спросил, как они провели время, добавил, что волновался за них – все-таки забастовка, рост преступности, черные...

– Потрясающе, – ответили они хором. – Шикарно! На Елисейских Полях было огромное скопище молодежи! Все пели, танцевали, обнимались, целовались, наливали друг другу шампанское в бумажные стаканчики. Познакомились с двумя девицами, нет, с четырьмя, должны звонить. Незабываемый Новый год, никогда ничего подобного не видели!

Что им так понравилось? – подумал я. Ведь не из Челябинска приехали. У них в Нью-Йорке, на Таймс-сквере, тоже люди собираются. Я например, в новогоднюю ночь стараюсь объезжать Елисейские Поля стороной, иначе застрянешь в пробке.

Который год я пишу письма из Парижа: президентские выборы, безработица во Франции, социальное страхование, летние каникулы, «новые бедные», как купить машину, как платить налоги – то есть обо всем, что действительно волнует французов. Но вероятно, есть еще какая-то сторона жизни, на которую я мало обращаю внимания. Как писал Исаак Бабель, «когда у вас на носу очки, а в глазах – осень». И потом, не все же сидят вечером у телевизора или читают книги. Выйти на улицу, познакомиться с двумя девицами, нет, с четырьмя – и сколько радости! Мне бы хотя бы с одной... И дело даже не в возрасте. Вон все газеты пишут: у Джонни Холидея, пенсионера французского рока, кончилось страшное одиночество (длившееся три недели), и теперь с ним юная красотка,

на 32 года моложе его. С красоткой они плавали шесть дней на яхте, по словам Джонни, это тяжелое испытание, и девушка с честью его выдержала. После осенних гастролей в Париже Джонни собирается поехать с подружкой на острова, отдохнуть на полгода. А летом они живут на собственной вилле в Сан-Тропезе, где все прекрасно, только очень много Джонниных фанатов, прибыли на мотоциклах со всей Франции, на пляж не пройдешь, дежурят около забора – пришлось охрану нанять.

Сан-Тропез – место очень веселое. Этот средиземноморский курорт полюбили не только все французские знаменитости, но и международные кинозвезды. Например, сам товарищ Сильвестр Сталлоне, с новой своей спутницей Дженнифер, провел здесь целое лето. Каждый год Эдди Барклай устраивал бал, на который надо было являться в белых одеждах. Кто приходил? Да все та же публика с соседних вилл плюс Клаудиа Шиффер, монакская принцесса Каролина – скромная такая компания. Что они там делали? Не знаю, меня не приглашали, но полагаю, курей поедят и после – бу-бу-бу, про политику и железнодорожную забастовку.

У фанатов кинозвезд тоже своя тусовка: разбиваются на команды, ведут круглосуточные наблюдения, сообщают друг другу по мобильному телефону подробности сегодняшнего маршрута, часами ждут автографа, даже в море от них не скроешься – сопровождают яхту на моторных лодках.хлопотно? Наверно. Однако, видимо лучшего развлечения для них не существует, ведь французы относятся к своим летним каникулам очень серьезно. А серьезно – значит, должно быть весело!

В Перпиньяне отметили юбилей – круглую дату с того момента, когда художник Сальвадор Дали избрал город своим местожительством. Торжествен-

ного доклада в мэрии не было, зато улицы преобразились в живые фрески из картин Дали, а на площадях высокие мужчины в черных фраках, с лихо закрученными длинными усами, произносили монологи, цитируя интервью художника. И так забавлялись всю ночь.

В Нанте организовали ночную антикварную выставку. Почему ночью? Что им, не спится? Однако при свете старинных фонарей город танцевал до утра.

В любом неприметном городишке или курорте что-то выдумывают. Карнавалы, фестивали, концерты классической и фольклорной музыки, вечера джаза и рока, а в одной деревушке провели национальный конкурс лгунов. Да-да, при большом стечении народа, с деревянных подмостков, участники рассказывали невероятно правдивые истории. Победитель получил поросенка и заверенный печатьми диплом главного лгуна Франции.

В Круазике, где мое семейство отдыхало летом, меня заинтересовала афиша, приглашавшая на вечер рыбаков, в семь часов на рыночной площади. Решил посмотреть, хотя, честно говоря, особого веселья не ожидал, ведь в Круазик, маленький городок в Бретани, приезжает, в основном, пожилая публика. Значит, так: по площади кругами маршировал духовой оркестр, явно не профессионалы, местные любители, но все в тельняшках и белых капитанских шапочках. Дудели в трубы довольно слаженно. Там, где утром торговали овощами и фруктами, поставили облезлую рыбацкую шхуну с парусом, натянули рыболовные сети, и еще были стенды с морскими картами и с не очень хитрыми навигационными приборами. Несколько морских волков, одетых соответственно, с мичманской бородкой и дымящейся трубкой в зубах, деловито чи-

нили сети, и если их спрашивали, охотно объясняли, как надо вязать морские узлы или ориентироваться с помощью секстанта в открытом море. И еще можно было подняться на борт шхуны и заглянуть в тесный трюм. Вот собственно и все. Согласитесь, развлечение весьма специфическое. Зато рядом на мангалах аппетитно шипели шашлычки, сосиски, жарились сардины, варились лангусты и крабы, ловким взмахом ножа открывали устриц, местное белое вино разливали из бутылок, а пиво черпали кружками из большой бочки. Убежден, что в соседних кафе подавали то же самое, но здесь была такая экзотика! И сидя на деревянных скамейках за длинными столами, люди чувствовали локоть соседа и проникались морским братством. Отдежуривав у стендов, морские волки поспешно заняли последние свободные места на скамейках, духовой оркестр пристроился к столикам и заиграл ностальгические мелодии пятидесятих годов. Проворные старушки в высоких кружевных бретонских чепцах успевали подливать в бокалы и кружки, площадь постепенно наполнялась гулом разгоряченных голосов, а когда духовики вдарили «Путь далекий до Типерери, путь далекий домой, путь далекий до милой Мэри и до Англии родной», – первыми пошли плясать немецкие туристы.

Все, о чем я вам рассказывал, это самодеятельность, творчество местных ассоциаций, инициатива коммерсантов и ремесленников, или в крайнем случае – городской мэрии. На уровне государства французов ежедневно развлекают по радио и телевидению. Популярные шоу ведут профессионалы, которые, в свою очередь, стараются привлечь знаменитостей (позагорали в Сан-Тропезе, и хватит, пора работать). Телевизионные шоу по пятницам и субботам смотрит рекордное количество зрите-

лей. На голубом экране танцуют, поют, кувыркаются, раздеваются, купаются в мыльной пене и ездят на белых медведях. На мой взгляд, это отвратительная дешевка (или у меня опять «в глазах осень»?).

Правда, сатирические скетчи по радио получше, иногда довольно метко про политику и всегда остроумно и тонко про «это самое дело». Впрочем, в любом французском кафе, когда разговор касается сексуальной темы, посетители разом просыпаются и из всех углов сыпятся такие веселые словечки и сравнения, что просто диву даешься...

Скромное очарование маленькой Бретани

Когда я читаю объявления на булочной – «Наши круассаны изготавливаются только на масле», – я несколько удивляюсь, но понимаю логику булочника: свой товар надо как-то рекламировать. И хотя в выпечке круассанов особой мудрости нет, булочник подчеркивает: «Я не экономлю, не добавляю маргарин, у меня все на чистом масле!» Впрочем, возможно, он и прав. Кто-то, хитроумный и жадный, добавляет маргарин и тем самым выгадывает по полсантима с круассана – в конце концов, все бывает в этой жизни. Когда я вижу объявление: «Наша пицца жарится только на древесном огне», – я мобилизую все свое писательское воображение: значит, так, происходит конкурс, пицца составленная из одних и тех же ингредиентов, жарится на электрической плитке, на газовой, на керосинке, на примусе, на каменном угле и, наконец, на древесном. И мудрые эксперты, обладающие дьявольским даром различать малейший вкусовой

оттенков, единодушно приходят к выводу: пицца на древесном угле – лучше! Но когда в ресторанных меню Круазика и Геранда – маленьких городков в Южной Бретани, я каждый раз натываюсь на сноску: «Наши блюда готовятся только на местной соли», – то я ничего не понимаю и тут мое писательское воображение бессильно. Чем отличается местная соль от той, которую они потом отправляют в Париж? Или по дороге эта соль высыхает, утрясается, гниет, становится сладкой? Что-то не верится – соль не персики, от долгого хранения не портится. И какая чертова экспертиза может определить разницу? И тем не менее, между Круазиком и Герандом, на обочинах дорог стоят пакетики с местной солью. Тормозните машину, из-за кустов вылезет хозяин или его сын и охотно продаст вам пакетик по цене, в три раза больше парижской. Зато потом, в Париже, вы выставите эту соль на стол, с гордостью подчеркивая: «Местная, из Геранда!». И гости, ошалева от счастья, будут класть ее в чай...

Суров и неприхотлив климат приморской Бретани. Острые скалы на берегу, обточенные океанским приливом. Деревья, согнутые бурями. Ничего хорошего не растет на этой земле, зато испокон веков добывалась соль. Море через пойму заливало низкий берег, на делянках вручную воздвигались земляные плотины, море уходило, вода оставалась, выпаривалась, лопатами выскребалась соль. Технология соляного промысла осталась как в пятнадцатом веке. Кстати, в пятнадцатом веке соль была достаточно ценным товаром, ее развозили на подводах по всей Франции, за солью в Круазик приплывали парусники из Испании, Португалии, из городов немецкой Ганзеи, и через Ла-Манш, из другой Бретани, которая потом провозгласила себя Великой – Великобританией. Пришлось даже

Геранд обнести каменной крепостной стеной, а то ведь являлись охотники за солью не со звонкой монетой, а с мечом... Однако все это в прошлом. В 30-х годах нашего столетия соляной промысел Геранда и Круазика потерял свое промышленное значение (видимо, стало выгоднее ввозить соль с других промыслов на Средиземном море), и большинство местных жителей вынуждены были менять профессию. Ну хорошо, кто-то ушел в море ловить рыбу, но трудно выдержать конкуренцию традиционных рыболовецких портов. А что делать остальным? Податься на заработки в Париж или Нант, запереться дома и пить с горя кальвадос?

Для сравнения: найдите какой-нибудь глухой уезд в центральной России, который еще при царе Горохе славился тем, что там так искусно плели лапти. Потом отменили крепостное право, началась промышленная революция и другие революции, более известные, и вскоре массовая продукция фабрик «Скороход» и «Красный треугольник» начисто лишила уезд заработка. Что произошло в уезде? Правильно, угадали: люди разбежались или запили горькую. Теперь представьте себе иную картину: люди не разбежались, привели в порядок старые избы, исправно плетут лапти, крутят веретено, открыли гостиницу, потчуют заезжих гостей медузой, борщом, кашей, грибами и рыбой – и уезд процветает. Оттого что это экзотика, это с Востока. Невероятно! – скажете вы. Не может. Правильно, для России – экзотика, а для маленькой Бретани – жизнь.

Ну вот, к примеру, соляной промысел. Не смотрите не на что. К том

жили скверно, в приземистых домах, вросших в землю, с одной комнатой, с маленькими окошечками и носили грубую деревянную обувь – сабо, по сравнению с которой наши лапти – верх элегантности. Так что вы думаете? Устроили специальный туристский маршрут, причем сначала надо ехать на лодке, потом в старой коляске, запряженной лошадьми (моим маленьким внукам дали править вожжами, они были в восторге) – и вот она, деревня со странными домами, но это теперь воспринимается как музей! В отдельной палатке сидит дядя, с важным видом вытаскивает сабо – покупайте, народный промысел! На солнце сверкают белые горки соли, возьмите в руки маленький кристаллик, облизните – интересно! Купите пакетик на память, соль в хозяйстве пригодится. Аккуратно разложены лопаты, мотыги, скребки – так это не допотопные инструменты, это музейные экспонаты. А рядом кафе, ресторан (большой выбор блюд, от омаров и лангустов до обыкновенного мороженого), маленькие лавки, где продаются медные кастрюли, глиняные горшки, наборы стаканов и рюмок, деревянные кораблики, бусы, куклы, домики из ракушек, рыболовные веревочные сети, кружевные высокие бретонские чепцы, вышивные платки, расписные косынки – словом, всякая всячина, которую вы, естественно, можете купить и в других местах, но покупаете здесь, ибо это – сувениры.

Как только на море непогода, народ со всего побережья устремляется в Геранд. Центр города – сплошные торговые ряды, выбор товаров – смотри перечисленное выше. Но ведь вы гуляете внутри старой крепости, за каменными стенами – праздничная атмосфера ярмарки. Скажем, Геранду повезло: защитники города, воздвигая сторожевые башни пять веков тому назад, поза-

ботились о своих далеких потомках – есть чем заманивать публику. А вот в Круазике нет крепостных стен. Не беда, найдут что-нибудь примечательное. И нашли. Поставили на холме заржавленную пушку. Подумаешь, невидаль, заржавленного оружия в Европе навалом, сколько войн прогрохотало! Но тут главное – придумать легенду. И гид красноречиво вам объяснит, что это старинное орудие, поднятое с затопленного французского фрегата, и наткнулись на него случайно: в одном месте рыбаки вытаскивали крабов бронзового, золотистого цвета. Заинтересовались феноменом, спустили водолазов. Оказалось, что в дуле орудия поселились крабы, и ржавчина давала им такой оттенок. Простенькая история, но для туристов – наживка.

В Круазике, Геранде, Баце – церкви XV века. Хороший козырь для экскурсионных агентств. Однако церкви, помимо своего прямого предназначения, то есть религиозных служб, используются еще как концертные залы. Во-первых, со всей Европы приезжают мастера органной музыки, во-вторых, гастролируют камерные ансамбли (передо мной афиша чешского квартета, в программе – Бах, Моцарт, Дворжак, Бородин, Римский-Корсаков) или, например, исполнители ирландских народных песен, или... музыкальный ансамбль донских казаков и одесский народный хор, – эти как сюда затесались?

В порту Круазика, перед центральной набережной, – маленький остров. Что на нем было раньше, мне не ведомо. Но сейчас там с утра до ночи, в любую погоду, сидят чайки и орут, скандалят, как соседки в коммунальной квартире. У меня подозрение, что чайки, сидя на зарплате у мэрии, привлекают туристов.

Но если бы в Круазике ничего не было – ни церкви, ни пушки, ни чаек, то остался бы резерв главно-

го командования (как у Дмитрия Донского – запасной полк боярина Кучки), местное чудо-юдо: «крепы». «Крепы» – это тонкие блины из гречневой муки, которые тут же, при вас, пекутся на круглой металлической плите. На мой непросвещенный вкус, в них нет ничего особенного. Зато есть реклама, а реклама гласит: а) «наши крепы жарятся только на сливочном масле», б) «наша плита разогревается на древесном угле», в) «наше тесто готовится на местной соли». Реклама – двигатель торговли, и у прилавков, где дымятся «крепы», выстраиваются длинные очереди.

В десяти километрах южнее Круазика – знаменитый международный курорт Ла-Боль, с роскошными песчаными пляжами, с шикарной набережной, застроенной многоэтажными домами, фешенебельными гостиницами, морским лечебным центром, казино. Летом в Ля-Боле – столпотворение, но жители Круазика не жалуются, не завидуют своему богатому соседу: «Зато у нас – дикая природа, и любители ее всегда найдутся». Показатель – в Круазике, как грибы, растут новенькие каменные виллы. Значит, у городка есть будущее.

Ритуал летних каникул

О чем мечтает француз? Какое для него самое приятное времяпрепровождение? Если судить по многочисленной рекламе, то это – теплое море, жаркое солнце, раскаленный пляж и загорелая девушка, не в купальнике, а скажем так, с легким намеком на бикини, радостно прыгающая по волнам. Для полного счастья ей вручается рекламируемый товар: бутылка кока-колы, минеральной воды, пачка печенья или крем для загара. Мне эти рекламные картинки изрядно надоели, но они точно отражают жизнь. Француз полгода живет в ожидании каникул, а потом полгода рассказывает, как он их провел. К каникулам готовятся задолго. Уже где-то в феврале-марте на морском побережье через специальные агентства резервируются квартиры, комнаты в пансионатах и отелях; молодые парни приводят в порядок водные лыжи, доски для серфинга и доски под парусом для скольжения по воде; отцы семейств ремонтируют лодки, запасаются снаряжением для рыбной ловли; женщины закупают туале-

ты, а молодые девушки скромно сообщают в газетных интервью, что намерены совершить много глупостей... Я уже давно говорил, что если какая-нибудь злая иностранная держава захочет захватить Францию, то лучше всего это делать в августе. Оккупанты, «гремя огнем, сверкая блеском стали», смогут дойти до самого Парижа, и если это вторжение еще совпадет с обеденным перерывом, но ни одна собака не гавкнет из кустов... В августе во Франции закрываются все крупные заводы (французский рабочий класс – не дурак, и в классовых битвах с капиталом отстоял именно этот месяц для отдыха), все, связанные с промышленностью, предприятия, и тогда даже мелким торговцам ничего не остается, как повесить замок на лавочку и чесать к морю.

Париж, конечно, не превращается в пустыню, но по его улицам, в основном, бродят ошалевшие от жары и памятников архитектуры иностранные туристы.

Такой добровольно выбранный каникулярный период имеет и свою оборотную сторону. Последний уик-энд июля и первое августа – черные дни для французской автодорожной полиции. По автомагистралям, ведущим на юг, не несутся, а ползут миллионы (с учётом туристов из других стран Европы – возможно, и десятки миллионов) автомобилей. То и дело возникают многокилометровые пробки. В августе цены на юге, особенно в модных приморских городках, – дьявольские. Однако французы упрямо тащутся на средиземноморский берег, ибо там им самими климатическими условиями гарантировано теплое море, жаркое солнце, раскаленный пляж и загорелая мечта в полосочку.

Давайте и мы с вами совершим путешествие, но поедем не на юг, а на запад, и смею вас заверить, мы не будем одиноки. Как ни странно, не все фран-

цузы поддаются рекламе, и многие предпочитают сумасшедшим шумным южным пляжам скалистые берега Бретани и Нормандии, прохладные волны Ла-Манша и бодрящий северный ветер. Там можно найти тихую деревушку, домик за умеренную цену, живописные тропинки для прогулок, тропинки, по которым, конечно, ступает нога человека, но не так интенсивно, чтоб давить вам на мозоли. С другой стороны, есть и на северо-западном побережье Франции места, где плотность населения в августе равняется плотности демонстрантов на Красной площади в майские торжества. Например, городки-курорты Довиль и Трувиль. Но мы выберем с вами средний вариант, чтоб, значит, не совсем безлюдно, но и чтобы в бок локтями не толкали. Мы поедем в Сан-Мало – крепость корсаров, укрытую за средневековыми каменными стенами, и посетим Мон-Сан-Мишель – романский монастырь, который как бы вырос на крутой скале среди океана.

Сан-Мало можно было бы назвать типичным курортом западного побережья Франции, где есть санаторий с теплыми морскими лечебными ваннами, где широкий песчаный пляж начисто съедают волны во время прилива, и при ветре брызги летят на набережную, закрытую для машин и предназначенную только для пешеходных прогулок. В течение многих веков именно из Сан-Мало уходили французские мореплаватели открывать и покорять новые земли (в частности, Канаду), а, может быть, и не только для безобидных географических путешествий. Недаром порт Сан-Мало охраняет старая крепость и на ее стенах еще стоят пушки, отгонявшие когда-то английские фрегаты. Во время Второй мировой войны старый город сильно пострадал. Одни утверждают, что от бомбардировок союзной авиации, другие – что его подожгли немцы. Но я разговаривал с местными

жителями, и они мне рассказывали, что старый город летом 44-го года, при немецком отступлении, подожгли не солдаты, а женщины, уходившие с немцами. Почему? Кому они мстили? Не знаю. Но они заливали подвалы домов горючей жидкостью, и город пылал весь август. После войны город внутри стен отстроили заново, сохранив прежнюю архитектуру, и теперь его средневековые стены отражают не атаки морских и земных пиратов, а разноязычные толпы туристов. А может, и наоборот: именно стены привлекают любопытных туристов со всех стран. Собственно, сейчас старый город и существует для того, чтобы ублажить путешественников, – их накормить, напоить, дать им кров, заманить сувенирами и разными «штучками-дрючками» производства местных мастеров. И лишь поздно вечером, когда гаснут огни ресторанчиков и кафе, когда затихают голоса запоздавших туристов, спешащих в отель и слышны лишь крики чаек – старый город приобретает свое прежнее обличие, то есть опять становится похож на сторожевую крепость. Кажется, что с высоких стен часовые по-прежнему зорко наблюдают за огнями в море...

В Мон-Сан-Мишель нельзя отдыхать, купаться и загорать. Раньше, на протяжении столетий, к нему направлялись религиозные паломники, а теперь у его подножья, вдоль узкого шоссе, соединяющего Мон-Сан-Мишель с берегом – тысячи машин и автобусов, привозящих туристов на дневные и вечерние экскурсии. Десять веков тому назад Мон-Сан-Мишель оставался еще дикой крутой скалой в океане. В начале нашего тысячелетия на нем стали возводить стены монастыря. Как они умудрились это сделать – средневековые строители – уму непостижимо! Ведь было очень мало места, и чтобы крепостные стены буквально не повисли в воздухе,

приходилось доставлять камень и землю с берега, крепить фундамент. Сейчас островерхий шпиль монастыря венчает золотая фигура Михаила-архангела. Высота монастыря – от основания до пяток архангела – 140 метров, но чтоб достичь такой высоты, потребовалось семь веков. Крутая узкая улица опоясывает монастырь. На каждом метре этой улицы, на каждой ступеньке – двери маленьких сувенирных лавочек, рестораничек, кафе. Днем здесь бурлит, завихряется туристский поток, и по моим наблюдениям, далеко не все добираются до монастырских ворот, часть публики оседает на открытых верандах кафе и ресторанов. Тут тоже хорошо: «вид на море и обратно»...

Однако целеустремленных экскурсантов тоже достаточно много. Поэтому по монастырским залам, по трапезной, молельной, карабаясь по крутым винтовым лестницам, группируясь у стеклянной стены с видом на океанский простор, кочуют толпы посетителей, под гулкими сводами звучит французская, английская, итальянская, немецкая, голландская, испанская речь: Сан-Мишельские гиды проводят экскурсии на всех основных европейских языках. Гиды достаточно опытные и умелые, чтобы растолковать экскурсантам архитектурное чудо Мон-Сан-Мишеля. Но наш французский гид нам упорно повторял, что в Сан-Мишель надо приезжать зимой, когда посетителей практически нет. Я пытался вообразить себе зимний монастырь. Пустынные залы, тишина, на открытой площадке свистит колючий ветер, далеко внизу – белые барашки волн, и вы ощущаете себя где-то между небом и землей. Да, пожалуй, наш гид был прав. Только зимой, в тишине и спокойствии, можно понять иное чудо Мон-Сан-Мишеля, созданного для того, чтобы человек непосредственно общался с Богом.

Довиль называют пригородом Парижа, хотя он на Ла-Манше, в двухстах километрах от французской столицы. В Бельгии маленький городишко Кнок на Северном море тоже считается пригородом Брюсселя. Голландский морской курорт Схевенинг – неотъемлемая часть Гааги, из Гааги туда ходят трамваи, однако в любой погожий день Схевенинг заполнен жителями Амстердама, а если приглядеться к машинам, запаркованным на набережной, то половина из них – с немецкими номерами. Ничего удивительного: от германской границы до Гааги – полтора часа езды по автостраде. Кстати, о Гааге. Не знаю, как она по-немецки, но по-голландски она – Ден Хааг, а по-французски – Ля Э. Почему такое разночтение? Я бы объяснил в двух словах, да боюсь, что ни один редактор этих слов не пропустит.

Ладно, не будем ломать голову над фонетическими загадками, благо к Довилю они не относятся, он

на всех языках – Довиль. Тем не менее, для француза в этом географическом названии таится какая-то магия, за ним стоит какой-то миф. Довиль – не просто популярный морской курорт, как Схевенинг или Кнок, скорее всего, он не популярен (в том смысле, что не для простого люда), скорее всего, он снобский, но упомяните в разговоре с любым Французом Довиль, и ваш собеседник невольно улыбнется, а глаза его на секунду мечтательно затуманятся. В психологии каждого народа есть своя мистика, которая проявляется в языке. Например, русским актерам хорошо известно, что если со сцены, в любом контексте, произнести слово «повидло» – в зале зазвучит смех. Почему? Аллах ведает. Ницца – для русского звучит божественно, у француза – никакой реакции. Марсель – он для нас, кто помнит песню: «Теперь, друзья-братишки, одну имею цель – ах, если б мне увидеть тот западный Марсель, где девочки танцуют голые, а дамы в соболях, лакеи носят вина, а воры носят фрак», – француз лишь скривится. Монако? Уже ближе к цели. Довиль – стопроцентное попадание. Между прочим, эту массовую психологию прекрасно понимал кинорежиссер Клод Лелюш, когда делал свой знаменитый фильм «Мужчина и женщина». Недаром левая критика его обвиняла, что работает на потребу буржуазному вкусу. Критику забыли. Фильм не забыт. Так вот, герой фильма, которого играет Трантиньян, уезжает ночью из Монако и мчится через всю Францию. Куда? Где история любви достигает своего апогея? Где сняты классические кадры: Анук Эме бросается в объятия Трантиньяна, а обезумевшая от счастья собака скачет по волнам? На пляже Довиля.

Но что же такое Довиль? Это несколько центральных улиц, где первые этажи – сплошная ком-

мерция, кафе, рестораны. С едой тут полный порядок, купите все, от сэндвича до лангустов. С товарами несколько сложнее. Витрины лавочек очень живописны, но вы не найдете самых необходимых вещей, допустим, электрических лампочек, тапочек, маек, трусов. Зато вам охотно завернут китайскую фарфоровую вазу, шляпку, старинные стенные часы, персидский ковер, трость, седло. Местный «Бродвей» начинается с отеля «Континенталь» и упирается в Казино. Казино пишу с большой буквы, оно определяет ритм Довиля. Вечером у Казино столпотворение. Мелочь пузатая балуется с игральными автоматами. В заповедном зале рулетки английские аристократы, арабские шейхи и французы, которые во фраках, ставят на зеленое сукно сотни тысяч франков. Девочки голые не танцуют, но дамы в соболях, а лакеи носят вина. В здании Казино – кинотеатр, два ресторана, ночной клуб. В Казино проходит ежегодный осенний фестиваль американских фильмов, устраиваются художественные выставки, а иногда – партийные съезды или международные научные семинары. Казино – на набережной (условно говоря, ибо до моря еще переть полкилометра), по обеим сторонам Казино главные отели Довиля – «Нормандия» и «Королевский». «Нормандия» набирает клиентуру круглый год, «Королевский» закрывается на зиму. Вообще, все, что за «Королевским» отелем – роскошные семиэтажные «резиденции» на набережной, где в квартирах мраморные полы, зеленые дачные кварталы, виллы эклектической архитектуры (а это добрая половина города), – оживает лишь в течение двух-трех летних месяцев. Даже в июле многие окна в «резиденциях» наглухо зашторены. Зимой тут топаешь, как по темным улицам Кронштадта. Дело в том, что парижане, у кото-

рых квартиры и дачи в Довиле, предпочитают загорать на теплом юге. В Довиле не принято жить. В Довиль наезжают от случая к случаю, по настроению. Но иметь собственность в Довиле – это вопрос престижа, подтверждение своего прочного финансового положения, гарантия, что попадешь в светскую хронику. На набережной, где самые дорогие цены на землю, скромненько притаилась трехэтажная вилла советского посольства. Говорю «советского», потому что куплена она была в начале семидесятых годов. Ни одно посольство в Париже не имеет дачу в Довиле – не по карману. Только государство рабочих и крестьян могло себе это позволить.

Что еще в Довиле? Два ипподрома, поле для игры в гольф, поселок Морской (о котором разговор особый), две искусственные гавани для стоянки яхт... И все? – возмутится кое-кто из наших искушенных слушателей, – да я уже поездил по заграницам, и видел там такие курорты, которым ваш занюханный Довиль в подметки не годится!

– Согласен, – жалобно оправдываюсь я. – По моему мнению, тихая Ментона на Средиземном море гораздо привлекательнее. Да что на границы ссылаться – наша Ялта просто красавица! (Наша ли Ялта? Неужели уже не наша? Замнем этот скользкий вопрос.) Но я видел английскую королеву, которая в межсезонье специально приехала в Довиль, чтобы прогуляться по пляжу. Ее черный «Роллс-Ройс» с британским флагом медленно-медленно катил вдоль каменных пляжных раздевалок по деревянной дорожке, и королева на заднем сиденье ласково улыбалась редким прохожим. Ей-Богу, я пожалел королеву. Наверно, сотни тысяч людей беззаботно протопали по этому всемирно известному довильскому «промена-

ду», а королева лишена такого удовольствия, ей пройтись пешком – шокинг!

Явно авторитет Ее Величества заставил смолкнуть возмущенные голоса, и я продолжаю. В Довиле большой песчаный пляж. В сильный отлив море отступает чуть ли не на километр. Броди по песку, собирай ракушки или прыгай по мелкоплесу, как собака из фильма Лелюша.

Отдельные энтузиасты бродят, собирают и прыгают. Отдельные энтузиасты в июле и в августе даже купаются в море. Неужели и в сезон пляж пустынен? Нет, в июле и в августе на пляже жуткое количество народу. Тогда почему народ не купается? Поясняю: в Довиль не приезжают купаться – разве что страшная жара, которая случается редко. Для купания существует Средиземное море и океанское побережье к югу от Ля Боля. Значит, народ загорают на пляже? Повторяю: в Довиле особенно не позагораешь, не тот климат. Вопрос: тогда за каким чертом народ едет в Довиль и прется на пляж? Поясняю: едет для того, чтобы людей посмотреть и себя показать. Основное развлечение на пляже в погожий летний день – чинная прогулка по этой самой деревянной дорожке, по которой рулил королевский «Роллс-Ройс», благо, дорожка длинная – от Морского поселка, вдоль всего Довиля, до следующего городка. А еще лучше – снять напрокат палатку – палатки яркие, нарядные и поставлены так, что сидишь в ней спиной к морю (я не оговорился: именно спиной к морю! найдите где-нибудь нечто подобное!) – зато лицом к дорожке: ты всех видишь и тебя наблюдают. Однако самый шик – быть владельцем каменной раздевалки. Их ряды отделяют пляж с деревянным променадом от города. Каждая раздевалка – это небольшая комната, в которой охотно бы поселились бездомные.

В раздевалке, естественно, можно раздеваться, хранить пляжные причиндалы, надувные лодки и т.д. Наверно, кто-нибудь так и делает. Большинство же поступает иначе: открывают пошире дверь и сидят на пороге на стуле, часто даже не раздеваясь. Сидят и зимой, но плотно укутавшись. Важно себя продемонстрировать проходящей толпе. Пусть выскочки и нувориши имеют в Довиле квартиры и виллы – до собственной раздевалки они не дотянули! Раздевалка, я думаю, приравнивается тут к наследственному замку из эпохи Людовика Тринадцатого.

Чем хорош Довиль? Каждый здесь может себя проявить. Сядьте за столик кафе или ресторана у обочины деревянной дорожки, и по взглядам публики вы почувствуете, что вошли в число избранных мира сего.

Для Морганов и Рокфеллеров – особый аттракцион: столики с зонтами и шезлонги на площадке, в центре пляжа, обнесенные легкой загородкой. Сюда пускают лишь тех, кто купил в баре столик на целый день за бешеные деньги. Значит, возлежит миллионер на шезлонге, загорает или кутается в теплую куртку, защищаясь от холодного ветра, а на столике у него в серебряном ведерке бутылка минеральной воды. Публика благоговейно и молча взирает на этот кутеж.

Прошлым летом я обратил внимание на необычное оживление за одним из столиков: пили шампанское, громко разговаривали. Шампанское в шесть часов вечера, когда солнце еще греет? На французов не похоже.

Прислушался. Говорят по-русски, рядом со столиком, почтительно склонившись к бычьему затылку, паренек надрывно декламировал стихи. М-да, помнится, во времена застоя посылали поэтов

за границу с пропагандистскими целями. Но брать их с собой в поездку, чтоб развлекали – это нечто новое. Гуляй, Вася!

Я люблю зимний Довиль, одинокие часовые прогулки по деревянному «променаду», слышен шум моря, крики чаек. Встретишь двух-трех прохожих и обменяешься с ними заговорщицкой улыбкой: дескать, мы с вами приехали сюда в поисках тишины и спокойствия. Вечерами люблю бродить по гавани Морского поселка, где из каждого дома лестница спускается прямо на причал, и проволочно-шпигатная снасть на мачтах яхт звенит на ветру, как струны скрипки. Но я знаю, что через пятнадцать минут, покинув этот потусторонний, марсианский мир, я могу оказаться у Казино, из которого выходит веселая, нарядная публика, к подъезду подруливают «Роллс-Ройсы», «Мерседесы», «БМВ», «Феррари» – словом, живут же люди... А можно отправиться на центральную улицу, где в кафе и ресторанах всегда народ, и официанты моют мылом тротуары и ставят специальные лампы, которые дают направленное тепло, чтоб завсегдатаи могли сидеть за столиками на свежем воздухе даже зимой. Поневоле погружаешься в эту атмосферу благополучия, беззаботности, довольства, забываешь свои ежедневные проблемы. Ради этого надо хоть изредка бывать в Довиле. Из Парижа – всего два часа езды.

Поехать на воды

Помнится, в нашей студенческой юности мы говорили: болят старые кости! Из чего следовало, что пора бы уже дерябнуть, и почему еще не нолито? Казалось нереальным, невозможным, что наступит время, когда шутливые позывные – «болят старые кости» – будут не началом веселой пирушки, а унылой констатацией фактов. Как любил повторять писатель Борис Балтер: «Живешь, живешь, до всего доживешь. Это и вас касается, молодой человек!»

Итак, десяток обследований, килограмм съеденных лекарств, иглоукалывание, китайские травы, курсы массажей, в том числе проведенные знаменитыми русскими экстрасенсами-гастролерами, которые ко всему почему, подкармливали мумием, перемещали электрическое поле и заодно пытались угадать лошадей на ипподроме – так вот, ничего не помогло моей жене. У французских врачей, у каждого, была тоже своя теория (на практи-

ке не дававшая никаких результатов), – но все сходилось в одном – надо ехать на воды, уж это точно не помешает.

Поездкой на воды российских граждан не удивишь. Еще в XIX веке великосветское общество развлекалось в Пятигорске, и поручик Печерин не столько там лечился, сколько волочился за княжной Мэри. А советским людям вообще это стало за просто – выбивали через профсоюз путевочку со скидкой в Кисловодск или Ессентуки. Но никогда лечение на водах не было таким массовым, как в нынешней Франции. По статистике, современный француз живет в среднем до семидесяти одного года, француженка – до восьмидесяти двух лет. В таком возрасте ох как болят чертовы кости, а значит, индустрия водных курортов бьет ключом! В отличие от кавказских, на французских курортах не столько пьют воду (пить предпочитают все же вино, оно, по мнению знатоков, чище), сколько принимают водные процедуры: ванны, массажи, душ, купание в горячих бассейнах. Все это полезно не только для больного человека, но и для здорового, однако не будем путать наш рассказ с рекламными буклетами, их и так достаточно.

Предвижу вопрос: как достать путевочку? Вместо ответа предлагаю совершить с нами путешествие. Сели мы с женой в машину и поехали в центр Франции, в Овернь. Это часть Центрального горного массива, где много неостывших вулканов. Вот откуда здесь целебные источники и горячие воды. Автостреды, по которым туристы из Северной Европы чешут к Средиземному морю, обходят Овернь стороной. После Орлеана я обычно сворачивал на Блуа, к замкам Луары, а дальше к Нанту, в Ля Рошель или Бордо. Сейчас же я повернул на Бурж и как будто попал в другую страну: пустое шоссе, даже грузо-

виков не видно, а кругом густые леса. Во Франции мы или в Вологодской области? Потом шоссе взбиралось на пологие холмы, с вершин которых открывались виды... Стоп, не буду отбивать хлеб у писателей-деревенщиков. Вернусь к своей социальной теме. Сколько лет живу во Франции, столько читаю, что Центральный массив теряет свое население, чуть ли не обезлюдел. Если смотреть из окна машины, пожалуй, что так. Поэтому, когда мы почти доехали до места назначения, до города Монлюсона (слыхали о таком? я тоже нет!) и увидели первых горожан, я подумал: верно пишут в газетах, люди здесь совсем одичали! Местные жители были одеты весьма своеобразно: синие пластиковые мешки на голое тело, лица посыпаны мукой или раскрашены красной краской. В таких диких нарядах и косметике молодые парни и девушки толпились у перекрестков, подбегали к останавливающимся машинам. Мы затормозили на красном светофоре, к нам подбежал парень, протянул спичку, попросил ее купить. «Рэкетиры! – ужаснулся я – даже в Москве нет ничего подобного!» Но жена ласковым голосом спросила, что это означает. Парень охотно объяснил. Он первокурсник местного политехнического института. Сегодня у первокурсников происходит посвящение в студенты, такой вот ритуал. Купите спичку хоть за пять сантимов, традиция! Жена протянула франк. Студент с гордостью показал монету своим однокурсникам. Ему аплодировали.

Над Монлюсоном, как корона, высится замок XV века, ранее принадлежащий какому-то товарищу из династии Бурбонов. Теперь в нем краеведческий музей. С площади перед замком изумительный вид на карусель черепичных крыш средневековых кварталов города, ныне объявленных заповедной туристской пешеходной зоной.

Меня перебивают, дескать, хватит про красоты, мы же в вами поехали лечиться. Где ваши хвалебные воды? Где? От Монлюсона до Клермон-Феррана, от Клермон-Феррана до Виши, от Виши до Монлюсона – вот в этом треугольнике полно курортных мест. Снобы, конечно, предпочтут всемирно известное Виши, да и я подозреваю, что там веселее. Но доктор прописал моей жене Нери-Ле-Бэн. Никогда не слышали? Я тоже. А вот древние римляне еще во втором веке разнюхали, что местные горячие источники очень способствуют, и приезжали сюда: легионеры – лечить старые кости, сенаторы – подкрепить измотанные интригами нервишки.

От Монлюсона до Нери-Ле-Бэн рукой подать, пять километров. Однако впечатление, что молодежно-оживленный Монлюсон остался за тридцатью землей. В Нери-Ле-Бэн обстановка, атмосфера... как бы точнее сказать, какие-то картины всплывают из прошлого... Вспомнил!

Санаторий старых большевиков, куда я приезжал тридцать лет тому назад навещать мою маму. И вон по парку ковыляют члены партии с 1918 года (хотелось бы знать – какой?). Ладно, все это лирика. Даю детальное описание Нери-Ле-Бэн. В центре города парк. В парке два здания, большое и маленькое, построенные аж в 1826 году. Большое здание – это термы (бани – на латыни). Вестибюль, как в любом медицинском учреждении. Люди сидят и ждут, когда их вызовут к окошечкам. Позвали. Девушка по компьютеру быстро сверяет, какая у вас в этот час процедура, и направляет вас, допустим в 27-ю ванну. Вы спускаетесь (я не спускался, жена спускалась) в огромную подвальную галерею, находите 27-ю ванну, раздеваетесь, открываете дверь – и ощущение, со слов жены, что переступаете порог Ада. У ног плещется горячая вода из вулка-

нических источников, и в клубах пара, в набедренной повязке и взлохмаченный, как черт, вас встречает банщик или массажист. Если следующая процедура довольно скоро, то можете отдохнуть в вестибюле или в парке, где полно легких переносных стульчиков. В Нери-Ле-Бэн знают, какую публику обслуживают, ведь для многих пройти двадцать метров – задача!

Пересекли парк, подошли в зданию поменьше. Оно не для лечений, а для развлечений. На фронто-не старые надписи: «Оперетта», «Водевиль», «Музыкальная комедия». Да, когда-то тут бурлила театральная жизнь, ведь отдых на водах был привилегией людей состоятельных, и местные Печерины назначали свиданку местным аристократкам Мари. Несколько раз Нери-Ле-Бэн осчастливил своим присутствием светлейший князь Меттерних. Сейчас в бывшем театре – казино (открыто в пятницу и в субботу) и клуб отдыха. Посмотрим, как тут с культурными мероприятиями. Читаю афишу. «Вторник, 16.00. Лекция «Болезнь Паркинсона». 17.00. Ручные работы (как потом выяснилось, – рукоделие, вышивание, рисование по шелку). 21.00. Танцы. Среда. 16.00. Лекция «Костные опухоли». 17.00. Ручные работы. 20.00. Танцы. Воскресенье. 16.00. Кинофильм «Фантомас разбушевался». 21.00. Танцы». Восхищаюсь французами – вопреки всем болезням, болям, диете и возрасту – танцуют!

Пройдем дальше по Нери-Ле-Бэн. Два дорогих отеля (три звездочки) с ресторанами, три двухзвездочных отеля с ресторанами, пиццерия, несколько кафе, церковь, детский госпиталь, супермаркет, рынок (по субботам), библиотека, мясная лавка, четыре булочных, магазинчик модной одежды и парфюмерии, книжный магазин, где продают газеты и журналы. И множество дешевых отелей (од-

на звездочка) и семейных пансионатов. И почти на каждом доме объявления, что сдаются меблированные комнаты с кухней. То есть весь город предназначен для курортников и живет за счет курортников. Мы приехали в сентябре, половина отелей и ресторанов уже были закрыты. Что здесь делают люди, когда кончается курортный сезон (а он кончается в середине осени), – ума не приложу. Или все же танцуют?

Как мне кажется, косвенно я ответил на вопросы о путевках. С путевками нет проблем, так как нет самих путевок. Добро пожаловать, будь вы из России, Америки, хоть из Африки. Даже в разгар сезона всегда найдете жилье, а это главное. Дальше пойдете к врачу, он назначит лечение. Запишетесь в регистратуре терм, вам составят расписание процедуры. Заплатите в кассе. Да, такая вот маленькая деталь – за все надо платить.

Мистика какая-то, но я слышу тяжелый вздох наших читателей: «Мол, вы сами вспомнили санаторий старых большевиков. Разумеется, конечно, путевочку в Мацесту или Кисловодск доставали с трудом, чаще по благу, но доставали и, бывало, со значительной скидкой. Новые русские миллионеры могут лечиться и в Нери-Ле-Бен, и в Виши, а нам теперь и наши привычные курорты не по карману. Да и французских старичков жалко. И пусть их пенсию не сравнить с нашей, но на пенсию особо не разгуляешься»...

Что ж, о ситуации, в которой оказались бывшие советские санатории, много пишут в российской прессе. Не знаю, кого такое положение вещей может радовать. От себя добавлю свежий пример. Летом мои родственники поехали в Крым, в знаменитый Дом творчества писателей в Коктебеле. Раньше, в сезон, путевку туда получали лишь секретари

Союза и члены правления. А тут я написал письмо в Москву – дескать, раз меня восстановили в Союзе писателей – уважьте. Уважили. И поселили моих родственников в номере люкс. А в люксе вся сантехника разворована, горячей воды нет, холодную включают на два часа три раза в неделю. В писательской столовой ни одного ножа! Кормили отвратительно. Потом мои родственники подсчитали, что на деньги, истраченные на Коктебель, они могли бы слетать из Москвы на Кипр, отдохнуть там месяц, да еще бы сэкономили. А если бы речь шла не об отдыхе, а о лечении, т.е. о здоровье? Короче, я искренне сочувствую российским пенсионерам. И мне наплевать, были они раньше в партии или нет. Увы, старость не радость.

А вот французских старичков жалеть не надо. Согласен, на пенсию особо не разгуляешься. Однако когда француз отправляется на воды не по собственному желанию, а по предписанию врача, то Социальное страхование оплачивает ему все лечение. И процедуры, и докторов. На все сто процентов. Правда, остаются расходы на проживание. Тут воля ваша. Можете снять номер в трехзвездочном отеле и гулять в ресторане по меню. А можно, как моя жена, поселиться в пансионе. Большая комната с балконом и туалетом. Трехразовое питание в столовой на первом этаже. И за все это, в пересчете на валюту, ставшую привычной для россиян – сорок пять долларов в день. Для Франции – сказочно мало. Причем, часть из этих расходов Социальное страхование возвращает. И компенсирует частично расходы на транспорт (стоимость железнодорожного билета второго класса от вашего города до Нерри-Ле-Бэн). Есть ли неудобства в пансионной жизни? Телевизор в холле, один на всех. Обед и ужин строго по расписанию. Меню комплексное. Если

не нравится блюдо, его можно заменить, но тогда доплатите. Да, несколько стеснительно, но что характерно – в сентябре, повторяю, половина отелей в городе забили окна и двери, а в пансионе был полный комплект, и комнату в нем жена зарезервировала за месяц. Как видите, не она одна оказалось такой умной, пенсионеры считать умеют.

Чуть не забыл последнюю подробность. Лечебная вода в Нери-Ле-Бэн (не та, в которой купаются, а которую пьют) – бесплатная. Около терм из скульптурной пасти какого-то зверя хлещет струя. Подставляй стаканы, или бидон, или бочку. Но как объяснил моей жене доброжелательный старичок, курортник-рецидивист с многолетним стажем – эта вода не вино, ее надо пить умеренно и осторожно.

Люди первых этажей

Быть в моде во Франции очень трудно. Еще труднее, жалуются социологи, объяснить и понять, почему мода меняется. Недавние кумиры Франции, например, звезды телеэкрана Кристоф Дешаванн, Кристин Браво, писатели Маргерит Дюра, Сан-Антонио, певец Майкл Джексон, киноактер Марлон Брандо уже мало кого интересуют. Как пишут французские журналисты, борющиеся за чистоту французского языка против англицизмов, они «в ауте». Зато в самом зените популярности – защитник бездомных аббат Пьер, Далай-Лама, ультра-коммунистка Арлетт Лягийер, Джон-Джон Кеннеди, сын покойного президента, музыкальный ансамбль «Роллинг Стоунс». Исследователи, проводящие опрос общественного мнения, упорно пытаются, по какой причине такой-то или такое-то в моде? В ответ обычно слышат: «потому что в моде!» Все. Точка. Итак, прошла мода на курение, «голодный режим» для сохранения фигуры, на фе-

минизм, на активность в профсоюзовом движении, на летний отдых на Корсике, на Лазурном Берегу и на путешествия по экзотическим южным островам. Но стало модно иметь ребенка, но при этом вести личную жизнь, не съезжаясь с любовником или с любовницей (каждый остается в своем доме), модны мобильные телефоны, факсы, летний отдых в деревне или в горах, книги Габриэля Гарсиа Маркеса и Роберта Мерля, живопись Сезанна и Пикассо, индийские и китайские готовые кулинарные блюда, пицца, белое вино, мексиканская текила, русская водка. Теннис, бег трусцой, лыжи, гольф, каратэ, красные спортивные машины, лимузины типа «Роллс-Ройс» потеряли свою привлекательность. В моде машины с кондиционером, водные лыжи, серфинг, летние музыкальные фестивали, оливковое масло.

Изменилась мода и в общественных отношениях. 89 процентов французов верят в семью, 80 процентов доверяют добровольным ассоциациям, 50 процентов – администрации и лишь 10 процентов – профессиональным политикам. Да, Франция живет бурно, но все эти увлечения и поветрия волнуют молодежь и людей, которые служат, работают, ведут собственное дело. Большая часть Франции (23 процента населения, согласно опросам социологических институтов) в этой жизни совершенно не участвует.

Итак, четверть Франции. В данную категорию входят владельцы мелких крестьянских хозяйств, жители отдаленных деревень, инвалиды, безработные, отчаявшиеся что-то найти, и в первую очередь, старики-пенсионеры. Современный мир им внушает ужас. Майкл Джексон, «Роллинг Стоунс», мобильные телефоны, факсы, мексиканская текила, серфинг и японские мотоциклы – для них оди-

наковая абракадабра. Инстинктивное их желание – плотно закрыть двери и окна, чтобы в дом или в квартиру не попадали отголоски модной, шумной сегодняшней суеты, и тем самым спрятаться в мир, который им дорог и близок, в мир воспоминаний, в мир прошлого.

Я мало знаком с французской деревней, о ней не берусь писать. А вот городские жители, входящие в эту категорию, мне известны. Условно говоря, я бы назвал их «людьми первых этажей». Да, наших русских первых этажей, окна которых на уровне глаз прохожего. Повторяю, название условное, многие живут в муниципальных домах на самой верхотуре или в собственных маленьких домиках в пригороде, однако психология у них одна – психология людей первых этажей.

На фотографиях старого Парижа запечатлены такие сцены: старушка вынесла стул из своей квартиры на тротуар, сидит, вяжет; пожилая пара удобно устроилась у своего окна на первом этаже и наблюдает за прохожими; компания дам преклонного возраста на стульчиках и табуретках расположилась у подъезда своего дома... Эти фотографии точно характеризуют городской быт тогдашней Франции. До 60-х годов нашего столетия жизнь улицы была главным развлечением для пенсионеров и домохозяек. Люди годами не покидали пределы своего квартала, зато свой квартал они знали наизусть. Для зоркого соседского ока не было тайной, почему месьё Жан в неурочный час отправился в кафе выпить стакан вина (значит, поругался с женой), или к кому идет вечером, стыдливо пряча глаза, мадмуазель Нинет. Возвращаясь с работы или с рынка, горожане останавливались у открытых окон соседей, здоровались, интересовались самочувствием, обменивались новостями. Естественно,

основным источником информации были консьержки, непременные жители первых этажей. Но заиметь квартиру на «ред-шоссе» (так во Франции называют первый этаж) мечтали чуть ли не все старики. В том же доме снять или купить квартиру на первом этаже стоит значительно дешевле, а пенсионеры вынуждены считать каждый франк. Не надо со стулом или с тяжелыми сумками карабкаться по лестнице (лифты тогда были далеко не во всех домах, да и им французы традиционно не доверяли – опять сломаются). На первом этаже открываешь окно – и словно погружаешься в гущу жизни, не чувствуешь одиночества. Высунувшись из окна, можно было окликнуть лавочника, что напротив, и через пару минут услужливый мальчишка принесет в бумажном пакете к обеду ломтик ветчины, салат, бифштекс.

В шестидесятых годах автомобили, телевизор, большие магазины резко изменили лицо города. Исчезли маленькие лавки, и улица разом опустела. Бесконечный рев моторов, грохот машин, бензиновая вонь не только гонят с тротуара, но и заставляют держать окна закрытыми. Телевизор разобщил людей – новости, кинофильмы, развлекательные программы каждый смотрит у себя в квартире на голубом экране. Раньше чужак был виден издали, улица провожала его десятками настороженных взглядов. Ныне шляется столько постороннего народу, да еще понаехало негров и арабов, в газетах пишут о росте преступности, приметят старушку у окошка, взломают квартиру, ограбят – кто увидит? То есть все преимущества первых этажей теперь превратились в ловушку. Вот почему с наступлением темноты на первых этажах, как по команде, опускаются ставни, а многие так и живут с закрытыми ставнями, без дневного света. Конечно,

на первом этаже существует особая солидарность: люди ходят друг к другу в гости – пить кофе, играть в карты (когда-то сживали в кафе, сейчас это дорогое удовольствие), покупают больным лекарства, встречаются в церкви. Разговоры о детях, о внуках, разумеется, о здоровье и о тех друзьях и подругах, которых уж нет. Люди первых этажей хранят верность старым книгам, старым привязанностям, мелодиям пятидесятих годов и фильмам с Фернанделем и Луи де Фюнесом. И еще такая деталь: у старушек на первом этаже идеальная чистота, и когда они с тележкой пускаются в долгое путешествие на рынок или в ближайший супермаркет, то надевают лучшие наряды и тщательно пудрятя.

Во Франции поколение дедушек и бабушек галантно называют «третьим возрастом». С «третьим возрастом» заигрывают политики (какой процент избирателей!), ему адресуется множество печатных изданий (какая клиентура для врачей и фармацевтов!), а телевидение, как самому массовому и усидчивому зрителю, посвящает специальные передачи.

«Третий возраст» во Франции не такой боевой, как в Америке (американцы и в семьдесят лет прыгают, как сумасшедшие, с самолета на самолет, путешествуя по миру), но и не такой пришибленный и выжатый, как российские пенсионеры. «Третий возраст» тоже любит туристские поездки по Южной Европе, предпочитает сменить свою парижскую квартиру на домик в Провансе и там разводит свой сад, для собственного удовольствия. «Третий возраст» еще активен в местной муниципальной жизни, после обеда играет в «петанку», а вечером не прочь пойти в театр. Но люди первых этажей, хоть и относятся к той же категории, – статья особая. По причине недостатка здоровья или денег,

они твердо знают, что им никогда не вырваться из больших городов, не купить домик на юге, а в деревне им просто не выжить (действительно, как без машины добираться до супермаркета за 30 километров?). Маленькая квартирка, где все раз и навсегда расставлено по местам, ставни на окнах, закрывающиеся наглухо, несколько друзей из соседних домов, семейный врач, который помнит наизусть ваши хвори, приветливая аптекарша, старый лавочник, который держится, несмотря на конкуренцию больших магазинов – вот та хрупкая скорлупа, защищающая людей первого этажа от модной, переменчивой современности, несущейся на огромных скоростях. Им этот мир чужд и они давно не пытаются его понять. Единственное их желание – достойно прожить остаток своих дней и не быть в тягость своим детям и внукам (если таковые имеются). Под Рождество мэрии устраивают торжественный бесплатный обед для «третьего возраста», и вот там собираются все люди первых этажей, разодетые, как на бал, возможно, последний в их жизни...

Бедные люди во Франции

Когда Достоевский написал свою первую книгу, «Бедные люди», ни у кого не было сомнений, что он рассказал о действительно бедных людях. Когда во французской прессе я читаю многочисленные статьи о «новых бедных» (сейчас эта тема в моде, снят даже фильм «Ненависть», режиссера Матье Кассовица, получивший премию на Каннском фестивале), я никак не могу понять, о ком идет речь. То есть как определить границу между бедностью, нищетой и нормальным существованием? Во Франции всегда были и, видимо, будут клошары, я бы назвал их «профессиональными нищими». В последние годы в стране появились тысячи бездомных – это нищие или бедные? Не так просто определить, как кажется. Например, вот одна африканская семья. Отец и мать зарабатывают в общей сложности 16 тысяч франков в месяц (2440 евро) – солидный заработок, – но много детей. И муниципалитет не может им предоставить, согласно

санитарным нормам, достаточно просторную квартиру. Они живут в вагончике. Другой случай: Шарль, коренной француз, 22 года, приехал в Париж на заработки. Работу не нашел, ночует на вокзалах. Бесспорно, парню не позавидуешь. Однако в Бретани у его родителей собственный дом, материальный достаток, и никто Шарля не прогонял из-под отчего крова... Кинокартина «Ненависть» повествует о жизни молодежи из «трудного» парижского пригорода: типичный «спальный квартал», ни кафе, ни кино, никаких развлечений, ребята не работают и не учатся, от нечего делать подворовывают, дерутся с полицией, поджигают машины, балуются наркотиками. «Бедные ребята!» – единодушно вздыхает французская пресса, комментируя фильм.

А я вспоминаю свою юность. В Москве, в 50-х годах, мы тоже целые дни проводили на улице, гоняли во дворе футбольный мяч, дрались с ребятами с Малого Афанасьевского переулка, экономили на мороженое и розовый портвейн из жалких рублей, что давали нам родители на школьные завтраки, но тем не менее, никто себя бедным не считал. Короче говоря, по моим понятиям (возможно, устаревшим), если семья живет в отдельной квартире – а во Франции нет коммунальных квартир, – если в семье едят досыта (пусть не так разнообразно, как хотелось бы), если есть деньги для покупки необходимой одежды и обуви, оплаты счетов за газ, телефон и электричество, если есть телевизор и холодильник – обязательные атрибуты прогресса, – то я бы такую жизнь бедной не назвал. Это минимальный уровень, но достойный. Скажем больше, во Франции, чтобы опуститься ниже такого уровня, надо приложить некоторые усилия.

Чтоб было ясно, рассмотрим самый тяжелый вариант. Вы не только потеряли работу, но у вас кон-

чился срок пособия по безработице. Между тем у вас жена, которая никогда не работала, и пятеро несовершеннолетних детей. И вы живете не в дешевой муниципальной квартире, а снимаете ее у хозяина, за нормальную цену, которая теперь, естественно, для вас очень высока. К тому же у вас нет родственников, кто бы мог вам помогать, и увы, один из детей хронически болен. Согласитесь, трудно придумать ситуацию хуже. Что остается – вешаться или выходить на улицу с протянутой рукой?

Наверно, в какой-нибудь другой стране вам придется намыливать петлю, но во Франции вы будете продолжать жить спокойно. Вопрос: на какие шиши? Подсчитаем. Во-первых, вас сразу зачисляют на РМИ – ежемесячное пособие для людей, которые ищут работу. Сначала это было – две тысячи франков на вас, тысяча – на жену и по 600 на каждого ребенка. Ныне, с учетом инфляции, пособие увеличилось. Итого – больше 6 тысяч. Плюс – ежемесячное пособие на оплату жилья. Плюс так называемое «семейное пособие» на каждого ребенка, причем, после третьего ребенка пособие резко возрастает. В общей сложности, дополнительные пособия вам принесут еще 6 тысяч. Значит, двенадцать тысяч франков (1830 евро) чистыми в месяц. А когда вы работали, вы получали больше? Вряд ли, ведь во Франции средняя зарплата – 9 тысяч. К тому же с нее списываются многочисленные страховые взносы, а сейчас вы даже налога не платите. Плюс – за вами сохраняется медицинская страховка. Если вы парижанин, вам дают специальную карту «Париж-здоровье», благодаря которой на все медицинские расходы вы не тратите ни сантима. Ну, Париж – богатый город, исключение. Но в других городах вам придется ходить в мэрию для возмеще-

ния расходов на лечение больного ребенка. Раз в год мэрия вам оплатит квитанцию за электричество и газ. Раз в год вы имеете право на единовременное пособие. Спрашивается: что еще надо для полного счастья? Да, забыл, дети ходят в школу. Но во Франции государственные школы очень приличные, и в них обучение бесплатное. Если ребенок учится, два раза в год вы получаете на него стипендию, правда, маленькую, но в общем котле все сгодится.

А вдруг вас лишат РМИ? Скажут: вы не ищете работу, играете целый день в шары или валяетесь на диване и смотрите телевизор? Не волнуйтесь, на самом деле вам не надо искать работу, вам надо делать вид, что вы ее ищете. То есть заполнять раз в месяц и отправлять по почте (не забудьте наклеить марку) специальную открытку, и если вас устраивают на курсы переквалификации, обязательно их посещать. Кстати, на время учебы вам повышают уровень РМИ, так что учиться выгодно.

Согласен, скучно посылать открытки, скучно ходить в мэрию, скучно заполнять анкеты для получения разных пособий, но это теперь как бы стало вашей работой, необходимым условием, чтоб вас держали на РМИ до конца ваших дней, а точнее – до пенсионного возраста. Бывают, конечно, работы полегче, но редко.

Прекрасно понимаю, что молодому человеку сидеть на РМИ, пособия по безработице или даже маленькой зарплате еще скучнее. Ведь в молодости хочется всего сразу, и немедленно. Хорошо, если вы не бросили учебу, и у вас голова на плечах. А если, извините, голова пустая, то есть вы пропускали уроки, вас захватила жизнь улицы, вы курите «травку» и занимаетесь «сексом»? Телевизор вам заменил книги, причем серьезных фильмов вы не смотрите,

предпочитаете то, что попроще – клипы и рекламу. Клипы и реклама формируют ваше мышление. Вы убеждены, что для полного счастья настоящему, крутому парню нужна стройная блондинка, море, солнце, яхта и спортивная машина. Увы, на все это нужны деньги, большие деньги. Их вам не заработать и не получить ни по какому пособию. И тогда вы начинаете воровать, торговать наркотиками, или с отчаяния колоться... Уголовщина, наркомагия вас опускают на дно, и когда вы, наконец, очухались (когда? когда вышли из тюрьмы или госпиталя?), подняться на прежний, нормальный уровень, крайне трудно. Вам негде жить. Чтобы снять жилье, нужна квитанция о зарплате. Но никакой хозяин вас не возьмет на работу, если у вас нет постоянного места жительства. Без постоянного места жительства вы не получите ни РМИ, ни других пособий. Вы попали в замкнутый круг – вот теперь вы действительно бедный человек.

В замкнутый круг попадают из-за семейных драм (хлопнул дверью и ушел из дома), из-за страсти к приключениям (бросила все и поехала за мужиком, а он через год растворился в природе), из-за легкомыслия – да мало ли с чего! В женском журнале «Эль» я читал исповедь вероятной кандидатки в «новые бедные». У этой женщины, матери семейства, уже дважды описывали мебель, отключали электричество и телефон. Никаких сбережений, сплошные долги. А между тем она и муж зарабатывают в общей сложности 30 тысяч франков (4570 евро) в месяц! Дело в том, что у женщины некоторая разновидность сумасшествия, она любит покупать дорогую одежду, парфюмерию, видеотехнику. Для нее день без покупок – потерянный день. В доме пять телевизоров, семь «видаков», новоприобретенные вещи в картонках и упаковках громоздятся на

полу и часто даже не разворачиваются. Если дальше так будет продолжаться, ночевать ей под мостом...

Лично я знаю во Франции одного, по-настоящему бедного человека, хотя у него, слава Богу, пока еще есть крыша над головой. Бывший москвич, моего возраста, подрабатывал на «Мосфильме», приехал в Париж относительно недавно, каким-то чудом получил политическое убежище, то есть законное право на жительство, каким-то чудом получил муниципальную квартиру, правда, в плохом пригороде. Во Франции неизвестному киношнику, да еще не первой молодости, нельзя рассчитывать на профессиональный заработок. Да он и не рассчитывал. Пособия, какие-то курсы, потом – РМИ. Долго болел, лежал в госпиталях, ему делали сложные операции – и за все платила страховая касса. Сейчас ему дали пенсию как инвалиду плюс ежемесячную денежную помощь на квартиру. Два раза в неделю из мэрии приходит бесплатная уборщица. В конечном итоге его ресурсы превышают официальную минимальную зарплату, так называемый СМИГ, а на СМИГе живет одна треть Франции. Но мой знакомый с нетерпением ждет, когда переведут пенсию. Получает извещение, идет на почту, снимает все деньги, оставляет дома сто франков – и отправляется в казино. В принципе, в казино можно выиграть, однако если повезло, надо сразу уносить ноги. А моему знакомому нравится сам процесс игры. Согласно всем теориям, играть против рулетки долгое время – безнадега. Мой знакомый сидит за зеленым столом, пока не проиграет последнюю ставку. А затем снова ждет очередного почтового перевода.

Что едят сильные мира сего

Миллион лет тому назад (так сейчас кажется) мы с женой и дочерью приехали в Вену и начали налаживать эмигрантский бивуачный быт. Жена и дочь быстро открыли дешевые австрийские столовые ВОГ и были довольны тамошней пищей, особенно протертыми овощными супами. Я тоже был доволен, что семья экономит, но так как карман тяжелел от немецких марок, посланных «Континентом» и «Свободой», то решил однажды устроить девочкам праздник, повести в ресторан. Из нас троих немецкую «феню» с трудом понимала жена (когда-то учила в школе). Она долго штудировала меню и выбрала нам блюда. Мне, естественно, традиционный русский шашлык, себе – рыбу, а Алле что-то экзотическое австрийское. Принимая заказ, официант скептически поморщился: «Боюсь, вашей дочери не очень понравится». «Но это же телятина!» – возразила жена. Переводя меню, жена не ошиблась: точно, оказалась телятина, вер-

нее – фаршированная телячья голова. Алла попробовала кушанье, решительно отодвинула тарелку, и из глаз ее брызнули слезы.

– Ты мне специально заказала такую гадость? – возмущалась дочь. – Ну, подожди, приедем в Париж, я-то знаю французский, и я тебе такое покажу, что ты тоже заплачешь...

Эту ностальгическую сцену я вспомнил, когда меня попросили написать статью на тему – чем потчуют на правительственных приемах во Франции и вообще, о любимых блюдах французских президентов, министров и премьер-министров. Я начал собирать материал. Читать отчеты в газетах, мемуары – то есть уподобляться герою русской сказки, у которого по усам текло, а в рот не попало.

Так вот, выяснилось, – обеденное меню – важнейшая часть французского дипломатического протокола. На приеме министр или, не дай Бог, президент, может сморозить глупость (сделать «гафф» – по-французски) – подумаешь, не в первый и не в последний раз, переживем. Но прокол в меню (пережаренная рыба или жесткое мясо) – это немыслимо, это будет национальный позор, от которого Франция долго не отмоется.

Хорошо в России! Выставили на приеме огромное количество водки, черную и красную икру, салаты – «оливье» и с крабами, осетрину, семгу – и все довольны, все именно этого и ожидали. Если человек додержался до горячего, то после многочисленных водочных тостов уже не отображает, что жует. Во Франции количество никак не может заменить качество, и протокол суров: одна закуска, одно горячее блюдо (правда, на выбор – рыба или мясо), сыр, десерт. Точка. Кто не наелся, имеет возможность потом выйти на улицу и подкрепиться в «Макдональдсе». Вот например,

что подавали в отеле «Крийон», где премьер-министр Франции Аллен Жюппе принимал своего испанского коллегу: трюфеля в слоенном тесте (закуска), морской окунь в миндальном соусе или филе ягненка, поджаренное на оливковом масле (на горячее), сыры – от пуза, профитроли с мороженым (десерт). Какие были вина – не сообщается, но, разумеется, самые изысканные. А когда несколько лет тому назад приезжала английская королева, то ее кормили жареной лососиной с трюфелями.

Франция потеряла свои стратегические позиции, французский язык во всем мире вытесняется английским, только в кулинарии мы по-прежнему впереди планеты всей. Однако если внимательно посмотреть дежурный список «правительственных» горячих блюд, то получается не такое уж разнообразие. «Мегрэ де канар» (то есть филе из утки), куропатка, перепелка, гуляш из телятины, косуля (предварительно мясо трое суток маринуется в вине), лососина, форель, морской окунь, морской язык... По секрету скажу: все это вы можете найти в любом приличном французском ресторане. В чем же отличие «правительственного» меню от еды простых смертных? В искусстве приготовления, и главное, в соусе. Рецептура соусов – святая святых французской кухни. Соус определяет вкус, репутацию ресторана и реноме шеф-повара. Недаром, когда в Елисейский дворец приходит новый президент, он меняет не только всех служащих, но и в первую очередь – шеф-повара (вот садовников не меняют никогда). В то же время, если президент принимает высокого гостя в знаменитом французском ресторане, они скромненько трескают то, что дают (в чужой монастырь со своим уставом не суются), шеф-повару виднее. На ежегодных встречах Миттерана и Ширака с немецким канцле-

ром Колем, происходивших традиционно возле германской границы, смаковали блюда эльзасской кухни: «шукрут» (мясо с кислой капустой), копченые сосиски, окорока, и т.д. Однажды Миттеран завтракал с Маргарет Тэтчер в замке Сан-Мишель – самом популярном во Франции туристском месте, на границе Нормандии и Бретани. Завтракал, конечно, не в замке, а в одном из маленьких ресторанчиков, на узкой торговой улице. Чем кормили высокие договаривающиеся стороны? Как и всех обыкновенных туристов: традиционным омлетом с мидиями. Ну, может, хозяин ресторана, от щедрости душевной, насыпал побольше перца и соли – впрочем, не знаю.

О личных вкусах Жака Ширака, с помощью японской разведки, мне удалось установить следующее: он предпочитает грубую крестьянскую пищу: копченые ветчины, колбасы, свинину с бобами и... фаршированную телячью голову. Надеюсь, правда, что голова ему подается с какой-нибудь экстравагантной подливкой из трюфелей или апельсинов – об ингредиентах рецепта японская разведка умалчивает, а вообразить самому – моей фантазии не хватает.

Чтоб не выдавать семейные тайны, скажу туманно: бывало, меня с одной женщиной приглашали в дорогой ресторан. Приглашавшие, люди состоятельные, просили: «Заказывайте все, что пожелаете». Женщина внимательно просматривала меню и говорила почтительно склонившемуся метрдотелю: «Мне, пожалуйста, вот эту рыбу, только без всяких ваших соусов».

Метрдотель падал в обморок.

Посвящается Фобосу

Ресторан «Ги Савуа» считается одним из самых больших и известных в Париже. Ги Савуа – не только владелец этого ресторана, он сам готовит и предлагает не обычную кухню, а изысканную и высокого качества. Ресторан красиво декорирован и в нем царит особая атмосфера... В справочнике «Реле Шато» (цепь люксовых отелей) Ги Савуа называют «принцем в королевстве гурманских искусств».

Я процитировал несколько фраз из приглашения, которое получили российские корреспонденты в Париже на деловой обед в ресторан «Ги Савуа». Как отмечали старожилы, впервые за всю историю явка было стопроцентной. К часу дня в специальном банкетном зале ресторана собрались корреспонденты «Известий», «ИТАР-ТАСС» и «РИА-Новости», «Труда», «Нового времени», радио и телевидения, «Литературной газеты» (всех не перечислишь)... и ваш покорный слуга. Настро-

ение было приподнятым. Еще бы, пообедать на хаяву в престижном парижском ресторане, который обычно принимает звезд кино и эстрады, крупных промышленников, политических деятелей, а недавно тут втихаря ужинали президент Ширак с премьер-министром Жюппе. На полтора журналиста приходился один официант. Для начала подали шампанское и предлагали закусывать какой-то сушеной рыбкой. Я спросил: «Что это такое?».

Официант ответил. Слово мне было незнакомо, и я сказал: «Господа журналисты, кто его может перевести?» – «Килька, хамса, тюлька», – раздалось из разных углов. До чего же эрудированная публика! – подивился я. Позже в меню я прочел, как называлось это произведение кулинарного искусства: «Жареное Филе Барабульки с Драниками из Зелени и Хрустящим Картофелем в Печеночной Подливке» (захотелось добавить пару слов из нормативной лексики).

Ладно, по порядку. Нас рассадили за три больших стола, и за каждым столом председательствовал кто-то из ресторанной администрации. Нашего звали Вильямс, и он был шеф-поваром двух заведений Ги Савуа (всего в Париже их семь). Вильямс осведомился, какие газеты мы представляем, какой тираж, а потом хлопнул в ладоши, и я как будто услышал низкий голос Воланда: «Любезный Фагот, покажи что-нибудь простенькое!». Спектакль завершился. На огромных тарелках приносили маленькие порции: сырая рубленая свекла, белое филе птицы, печень и артишоки в соусе с трюфелями, тунец в соусе с перцем и жареной спаржей, морские гребешки на легком пару с рагу из фасоли с водорослями и подливкой из петрушки... В бокалы подливали разные вина, белые и красные. Это для нас, русских варваров, они были «разными винами». Тот, кто подли-

вал, называл точно: что за вино и с какого оно виноградника. Русские варвары, как водится, пытались болтать на профессиональные темы: например, о перемещениях в руководстве «Комсомолки» и «Известий». Однако Вильямс строгим взглядом пресекал разговоры на посторонние темы. В процессе дегустации Вильямс читал нам лекцию:

– Для Ги Савуа все продукты имеют равную ценность, если они, конечно, отличного качества. Он не делит их на «благородные», предназначенные для избранных, и те, которые годятся только для домашней кухни. Это позволяет Ги Савуа пользоваться широчайшей палитрой продуктов и вкусов. Например, его легкий мусс из чечевицы с лангустинами, соединение, казалось бы, несочетаемых продуктов, создает прекрасную гармонию и позволяет почувствовать приятный «парфюм» лангустинов, смягченных крахмалистой чечевицей.

По поводу «парфюма». Русские варвары, естественно, курили, дым валил, как из труб «Броненосца Потемкина», но Вильямса это не смущало: «У нас кондиционер и вентиляционная вытяжка». И Вильямс просил обратить внимание, что каждое блюдо «парфюмэ».

Тут я встрял, и по делу: «На русский язык трудно перевести «парфюмэ». Парфюмерия у нас имеет иной смысл. Слово «ароматизированный» тоже не подходит, ибо намекает на химию. Вильямс изволил меня выслушать с благосклонностью и задумался. Воспользовавшись паузой, возник Андрей Грачев, бывший пресс-атташе президента Горбачева, а в то время – корреспондент «Нового времени»:

– А вы знаете, кто такой Анатолий Гладилин? Он пишет не только для американской «Панорамы» и «Московских новостей». Он наш живой классик. В советской литературе, в эпоху оттепели...

И так далее.

Какое это произвело впечатление на Вильямса? Представьте себе: идет симфонический концерт – Моцарт, Вивальди, между скерцо и рондо-каприччиозо зал благоговейно затих, и вдруг кто-то встает и начинает бойко выкрикивать: «А вот пирожки жареные с капустой! Очень рекомендую!». Что сделает разгневанный дирижер? Бросит палочку и убежит за кулисы? Ни один мускул не дрогнул на лице Вильямса. Проигнорировав варварскую вылазку, Вильямс продолжал как ни в чем не бывало:

– Ги Савуа часто предлагает в своем меню блюда с неожиданными сочетаниями. Так, ему пришла идея соединить в горячей закуске мидии и пластинчатые грибы, сопровождая их подливкой из двух этих компонентов...

Обед успешно продвигался по накатанным рельсам. Подали суп из артишоков с трюфелями и слоеным пирогом с шампиньонами. Запеченного голубя с теплыми весенними салатами в натуральном соусе (цитирую дословно по ресторанному меню, напечатанному на русском языке). А я заметил, что Вильямс отламывает кусочек хлеба, тщательно собирает им соус со своей тарелки и отправляет в рот. Жест, который я не видел с голодного лета сорок шестого года, когда мы в пионерском лагере так же вылизывали тарелки. Я понял, что тем самым Вильямс учит русских: соус – это ценность, шедевр кулинарии, нельзя оставлять ни капли!

Кстати, о ценностях. «Какие цены в ресторане?» – спросил Андрей Грачев. После секундного колебания Вильямс ответил: «Разумные». «Это значит – 800 франков за обед?» – сообразил всезнающий Грачев. «Как дорого! – подумал я. – Впрочем, в престижном ресторане...». И произнес вслух:

– Восемьсот франков с пары?

По реакции стола я понял, что очень удачно пошутил. Виталий Дымарский, корреспондент «РИА-Новости», тихо меня поправил: «Восемьсот франков с рыла, не считая вина».

На десерт подали нечто потрясающе живописное. Я бы не трогал, просто бы любовался рисунком аквамаринового соуса на тарелке. В меню сие чудо называлось: «Хрустяще-Нежные Зеленые Яблочки со Свежей Ванилью в Соусе «Минутка». В бокал подлили нечто восхитительное. «Мускат», – угадал Грачев. «Мускат де Ривезальт», – вежливо уточнил официант. Разница, для тех кто понимает... Потом последовал еще какой-то десерт, но, несмотря на укоризненные взгляды Вильямса, я его не трогал. Не влезало!

И вот появился герой дня, Ги Савуа, стройный, небольшого роста, моложавый месье, в белой поварской куртке и белом колпаке. Его, как в театре, встретили аплодисментами. Вспыхнули блицы. Корреспондент радио поднес микрофон. Импровизированная пресс-конференция. Кто-то спросил: «Как вам удастся среди такого пиршества сохранить фигуру?»

– Секрет прост, – ответил Ги Савуа. – Пятнадцать часов работаю, четыре часа бегаю, пять часов сплю.

Я глянул на часы. Полпятого! Я безнадежно опаздывал на свидание. Ведь я думал, что обед кончится где-то часа в три, и на это время назначил встречу. В общем, российская пресса продолжала «гулять по буфету», а я отвалил. Позвонил из первого автомата. Хорошо, что мой товарищ работал дома. Сказал, что ждет.

...Я медленно бреду к Триумфальной Арке. По идее, мне все должны завидовать. Только что

прекрасно отобедал в прекрасном ресторане. Редко кому так везет. Париж, солнце, молоденькие дамы щеголяют загорелыми коленками. Красота, блаженство...

Жить не хотелось.

«Что за странная привычка у людей, – думал я, – нажираться среди бела дня?» Я чувствовал себя как воздушный шар, который вместо водорода накачали цементом. Я понял, что если не совершу марш-бросок по Елисейским Полям и еще кружок на пару километров, то сдохну. И тут я вспомнил Фобоса. Вот с кем у меня совпадал режим в смысле питания и прогулок! В последний раз меня пригласили в Лос-Анджелес к Фобосу, чтобы в отсутствие хозяина я прогуливал собаку, кормил ее и стерег дом. (Разве я еще что-то делал? Не помню.) По утрам я насыпал Фобосу из мешка какие-то шарики, заливал их водой, а вечерами накладывал из холодильника что-то себе в тарелку, заливал, вернее, запивал более крепким, и обоим нам хватало, вполне были довольны. И он, и я любили гулять по Диккенс-стрит и по Вентуре-бульвару. Что же касается развлечений, то Фобосу было достаточно кусочка соленого печенья, а мне – телефонных звонков. Какая здоровая жизнь!

Я приехал к товарищу, мы сели в кафе. Я хлебал кофе и делал вид, что внимательно слушаю. Слушать было трудно, мой организм переваривал деликатесы Ги Савуа, однако я старался. Мой старый друг рассказывал интересные вещи: как он ездит в Москву, как ведет переговоры с российскими министерствами, банками и промышленниками. Раньше он вел переговоры о миллионных контрактах, теперь – о миллиардных. Минуточку! Я не сказал, что он заключил или заключает контракты, я сказал, что он ведет переговоры. И так в течение

нескольких лет. Какая у товарища целеустремленность и вера в себя!

– Между прочим, – вскользь заметил товарищ, – ты же мне помог связаться с Н. Если я подпишу контракт, то попрошу, чтобы они и тебе отчисляли несколько процентов. Им это ничего не стоит.

Тут я включился и подумал: несколько процентов с миллиарда – это уже кое-что. Тогда у меня будет возможность...

Почаще заходить в ресторан Ги Савуа? Фигу! Пусть это делают «новые русские».

...тогда у меня будет возможность опять поехать в Лос-Анджелес и гулять с Фобосом.

**ФРАНЦУЗСКАЯ
МОЗАИКА**

По волнам прогресса...

Мрачное церковное пение, черные балахоны на лицах. При свете факелов раскапывают могилу бедолаги, которого Святая Инквизиция уже посмертно объявила колдуном. Представьте себе, что нечто подобное случилось бы в наши дни. Все газеты мира вышли бы с одинаковым заголовком на первой полосе: «Мракобесие, средневековье!».

Однако такое случалось. В просвещенной Франции буднично, деловито эксгумировали могилу Ива Монтана. В чем же вина Монтана? Сразу скажу: «Ребята, не связывайтесь с бабами!». Но к красавцу Монтану, самому знаменитому человеку Франции, женщины липли. И вот нарвался. Я наблюдал эту даму, Анн Дроссар, по телевизору. М-да... Без комментариев. Предполагаю, что она чем-то сильно достала Монтана, и тот в ярости поклялся: «Ты охотишься за моими деньгами? Не сантимата получишь! Только через мой труп!».

Через труп? Пожалуйста! И когда Ив Монтан умер, так и не признав дочку Анн Дроссар своим ребенком, обиженные наследницы потребовали через суд эксгумации. Нынче, граждане, благодаря прогрессу современной науки, путем... (извините, подробности пропускаю) можно доказать отцовство. Многие французы, надо отдать им должное, возмутились таким оригинальным проявлением родственных чувств, да супротив прогресса разве попрешь?

В старые, допрогрессивные времена уважали волю усопших и покойников не трогали. Теперь, видимо, надо соорудить в могиле Монтана лифт. Как возникнет очередная претендентка – прах наверх. Чего стесняться? Раз прогресс позволяет...

Человечество прогрессирует на невиданных скоростях. Космические спутники, Интернет, пересадки сердца, сотовые телефоны... Раньше лишь лидеры ядерных сверхдержав могли уничтожить жизнь на Планете, сейчас на это способны заурядные президенты-людоеды и главари фанатических сект. Сие всем известно, но никто от прогресса отказываться не желает, никто не откажется от автомобилей, телевизоров, эр-кондишен, супермаркетов. Не «Дойчланд юбер аллес» – комфорт превыше всего! Бедные народы, не имеющие доступ к комфорту, ворчат – дескать, «озоновые дыры» в атмосфере... И моментально забывают свое недовольство, как только дорываются до прогрессивных благ. Главное – самим пересест в «Мерседес» и нажраться – а там, гори все синим пламенем!

В богатейшей стране мира, Соединенных Штатах, вывелась новая порода людей – тучники. Никаким мичуринцам не снилось – в короткий срок создать миллионы слоноподобных особей. И пусть врачи рассказывают сказки о генной наследствен-

ности, факт налицо: тучники – это дети прогресса, то есть связанного с ним неподвижного образа жизни и дешевизны кондитерских изделий. Во Франции такого не происходит из-за национального помешательства женщин на изящной фигуре. Сохранились еще какие-то традиции, притормаживающие прогресс. Впрочем, фиг его притормозишь, ибо когда отпадает необходимость тяжким трудом зарабатывать на хлеб насущный, люди становятся ленивы и нелюбопытны.

Выступать против прогресса – неблагодарное занятие. Я говорю, и словно вижу спины людей, уткнувшихся в телевизоры и компьютеры. Понимаю, смотреть на экран гораздо интереснее.

Что ж, посмотрим. В третьем тысячелетии прогресс достигнет своего апогея. Все будут делать машины и роботы. Венец природы, «гомо сапиенс», удобно развалился в мягком кресле и нажимает на клавиши компьютера. Не нужно ничего запоминать, любая информация тут же появляется на экране. Излишне учить иностранный язык – в кармане автоматический синхронный переводчик. Не надо даже уметь водить свою машину – ее ведет автопилот. Координирует, регулирует, правит миром Его Величество «Суперинтернет». И вдруг какой-то чеховский злоумышленник отвинчивает гайку. Почему? Евойная баба ему изменила или любимого дядю эксгумировали. В общем, обиделся он на прогрессивное человечество и запускает в единую информационную сеть какой-то вирус, который начисто стирает у всех компьютеров «память». Как это ему удастся – понятия не имею, однако твердо верю в неистощимый разрушительный потенциал прогресса. Все разом гаснет, останавливается, выходят из строя даже калькуляторы. Человек мгновенно превращается в питекантропа – ведь

никто не знает, сколько будет «дважды два». И на улицу страшно выглянуть – там тьма египетская, волки воют...

Мораль сей басни?

Во Франции, кроме прогрессивной науки, существуют булочники. Они работают допотопным способом: встают в час ночи, замешивают тесто, с тем, чтоб к шести утра был готов горячий хлеб. Французы привыкли утречком покупать свежие «багеты» и круассаны. Увы, теперь у французских булочников появился мощный конкурент. Супермаркеты, используя прогрессивные методы, пекут хлеб на заводах из замороженного теста. Продукция получается в два раза дешевле. Булочники отчаянно протестуют и требуют, чтоб в законодательном порядке «багеты» в супермаркетах хлебом не назывались. Классический конфликт: качественный продукт против ширпотреба. А разница в цене – всего 2 франка! Чем кончится борьба булочников с супермаркетами – не берусь судить. Но это – конкретный пример, как люди пытаются, вопреки прогрессу, спасти рабочие места, свои профессиональные навыки и тем самым, свое человеческое достоинство.

Монологи парижской молодежи

БУМ

Как это у вас называлось? Ну, та тусовка, на которую ты приходил, чтоб познакомиться с девушками? Вечеринка? И когда ты стал на них ходить? С семнадцати лет? М-да, то-то я смотрю, что все родители чокнутые... У нас на суаре (выдумали же вы слово такое – «вечеринка», как просто по-французски: «суаре»!) ходят от тринадцати до шестнадцати лет. После шестнадцати уже на суаре не ходят, после шестнадцати живут парами. Но суаре бывают разные. Например, кто-то отмечает свой день рождения: пирожные, мороженое, папа, мама, братишка, кошка, кока-кола – скукота! Настоящее суаре, которое все мечтают устроить или на которое все мечтают попасть, называется «бум». Обязательное условие бума – без взрослых. Для бума нужно найти помещение. Умные родители снимают для бума кафе. Глупые родители отдают свой дом. Квартира для бума не годится: соседи к двенадцати ночи обязательно вызовут полицию. Снять кафе дорого? Не у всех есть на это деньги? А я говорю – не у всех есть на это ум! Схватываешь? Умный родитель заплатит за ве-

чер в кафе определенную сумму, куда включается уборка помещения – и все, никаких забот! Глупые родители, которых дочка или сын затерроризировали – дескать, не устроите бум, не буду учиться, – решают сэкономить, оставляют ключи от дома и уезжают на дачу. Что же они видят утром по приезду? Хорошо, если окна целы! А так – пол в окурках, кожаные диваны прожжены, зеркальный шкаф треснул, в раковине на кухне – разбитая посуда... А хозяин кафе спрячет все бьющееся в подсобку, закроет на ключ, оставит лишь пластиковые столы и стулья. Какая еда? Никакой еды! Девочки приносят с собой печенье, чипсы, орешки, кока-колу. Мальчики – пиво, водку, вино, виски. Ты все о материальном, тебе все посчитать... А бум – это праздник, схватываешь? Главное, в буме должно быть много музыки, громкой музыки! И мало света. На бум приглашают человек сорок. Как правило, все друг друга знают – из одной школы или с одной улицы. Но одно дело, когда ты сидишь с мальчиком за партой – ну поцеловались один раз в кино, другое дело – бум. Все танцуют, все время музыка, громкая музыка, попса. Самый смак – это черная музыка, зук! Например, ламбада или та, что пришла с Антильских островов. Под нее танцуют, прижимаясь друг к другу. Тут важна техника. Меня подруга долго обучала: верх тела неподвижен, а вот нижней частью, пардон, крутишь. И мальчик прижимается в темноте, под громкую музыку, усекаешь? И так часа два без перерыва. Потом, когда малость подустали... Как правило, в компаниях всегда есть большой мальчик, заводила, второгодник, с родителями у него плохие отношения, уже были приводы в полицию, поэтому все девочки в него влюблены, а все мальчики хотят ему подражать. Он и предлагает травку. Тут как раз и открывают бутылки с крепкой отравой. И начинается соревнование: кто

больше выпьет, кто больше выкурит, все хотят казаться крутыми. Разговоры? Какие разговоры? Я ж тебе объясняла, что все танцуют, прижимаются, и музыка так бацает, что слов не слышно! Разговоры о чем? О кино? Сдурел? Ты еще про книги спроси! Ну когда ребята курят, то, может, и говорят о том, кто от полиции убежал, кто с машины зеркальце скрутил, хвастаются наверно. Трахаются с девочками? Это если в доме и на всю ночь, и особые условия нужны. Ведь дети строгих родителей уходят часов в десять. Дети, у которых родители типа моей мамы, – в полночь. Остальные желают остаться до утра, да уж тут такой бардак, в том смысле, что всем плохо, кружится голова, блюют, и родители приезжают за ними часа в два ночи... Под какую музыку сейчас танцуют? Ну модную, что по радио передают – техно или рэп. Впрочем, откуда я знаю, я на своем последнем буме была сто лет тому назад! Ведь мне давным-давно не шестнадцать, мне вчера двадцать исполнилось...

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Я еще не знала, как сдать весенние экзамены и получу ли «бак»*, но в университет надо записываться в феврале, иначе мест не будет. Поэтому знакомый мальчик (молодец, сечет в компьютерах) записал меня по минителю в «Ассас» – самый престижный университет Парижа, на факультет права. Вот в июле, когда я получила «бак», то сама поехала в университет, чтоб заплатить за запись, за студенческую медицинскую страховку, а уж заня-

* «Бак» – принятое в молодежной среде сокращение слова «бакалавр» – диплом об окончании лицея.

тия начались в октябре. Что мама тебе рассказывала? Что думала – я в университете, увидела меня на кухне плачущей?

Ну не нашла я комнаты, где проходил семинар! Ведь у нас часть лекции – на улице Вожирар, часть лекций на улице Ассас, – а это другой район Парижа, и заплутаешь по коридорам. Теперь, увы, нахожу. Почему увы? Семинар – самое ужасное, что есть в университете, ни поговорить, ни познакомиться, ни книжку почитать, надо слушать лектора, записывать и отвечать на вопросы. Тоска смертная! Нравится ли мне право? Как право может нравиться? Право надо зубрить и все. Вот когда читают «Историю права», то мне интересно. Трудно ли по сравнению с лицеем? Скажем так, непривычно. В лицее были каждый день уроки, а тут – смотри, в четверг лекции с восьми утра до семи вечера, рука не успевает писать, рука отсохнет. А в пятницу – ни единого занятия. В лицее в классе 30 человек, а в «Ассасе» на утренних лекциях в зале – 700 студентов, а вечером – 1600. Не слышно? Кого? Лектора? Слышно, он в микрофон говорит. Да кто его слушает? Может, тот кто на передних рядах... Я не сказала, что на лекциях скучно, на лекциях как раз весело. Все болтают, знакомятся друг с другом, смотрят, кого закадрить, все время звонят сотовые телефоны. Кто журналы читает, кто плеер слушает, кто говорит по телефону, кто самолетики пускает. Если самолетик, пущенный с верхотуры амфитетра, долетает до лектора, все встают и аплодируют. Если лектор сморозит какую-нибудь глупость, типа «Зимой бывает холодно», все кричат: «Браво!». За три минуты до конца лекции начинается тихий свист. Лектор говорит: «Птицы, остановитесь!». И тогда уж свистят все. Пытается ли лектор оживить лекцию? Что значит «оживить»? Сказать такое, чтоб его все слушали?

Ему это не надо, как правило, у всех преподавателей есть свои книги, то есть учебники, по ним они и читают. Монотонно. А слушаешь ты или нет – твое личное дело. Не слушаешь лекцию – покупай учебник и зубри по нему. И потом, всем известно, что половина студентов записалась в университет не для того, чтоб учиться, а для того, чтобы тусоваться. Я наблюдаю их времяпрепровождение: являются на вторую или на третью лекцию, то есть хорошо выспавшись, побудут часок-другой, затем идут в библиотеку. Читать учебники? Ну, насмешил! В библиотеку – потому, что там Интернет бесплатный. Они по Интернету поползают, и уж до вечера в кафе. Все знают, что после первого курса на экзаменах завалится 80 процентов. Те, кто смогут перейти на второй курс, те и будут учиться по-настоящему. Бесплатное обучение? Не такое уж оно бесплатное. Я же говорила – надо платить за запись, за страховку, за учебники. Дешевая столовая? Те, кто в ней побывали, утверждают, что горячее блюдо там – 15 франков. Чтоб было вкусно – не слыхала. Я ни разу туда не прорвалась, огромные очереди. Надо выбирать: или стоишь в очереди, или идешь на лекцию. Умираю с голоду? Не волнуйся, во-первых, я бутерброды из дома беру, во-вторых – только маме не говори – я тоже в кафе сижу, все кафе около университета забиты, а кафе в Париже дорогие, так что бесплатного обучения не получается.

Но вообще в университете забавно. На прошлой неделе у входа в «Ассас» нам всем презервативы раздавали. Какая-то студенческая корпорация раздавала вместе с приглашением на праздник в честь нового «божолe». Пойду ли я? Не знаю. Я не люблю это вино. Кстати, когда праздник? Через десять дней? У-у, через десять днем у меня могут быть совсем другие планы.

Портрет парижанки

«Но очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а служит», – так писал Маяковский в 1928 году в своем стихотворении «Парижанка». Значит, расскажем о тех, кто служит.

...В 6.30 утра она просыпается под музыку. Это включился радиобудильник. Душ, туалет, первый завтрак (чашечка кофе и круассан), одежду она приготовила с вечера – все делается стремительно. А вот за макияжем у зеркала она проводит минут пятнадцать – тут нельзя торопиться. Если у женщины есть ребенок, она успевает по дороге завезти его в школу или в детский сад. Если она работает за городом, то поедет туда на своей маленькой «Рено-Клио». Но наша молодая женщина – назовем ее Жаннет – служит в конторе на Елисейских Полях, туда глупо тащиться через все городские пробки на машине, да и паркинга не найдешь. А метро – удобно, быстро и всего с одной пересадкой. В утренних вагонах метро полно элегантных, подтянутых жен-

щин. В утренних вагонах метро нет толкотни, никогда не бывает ругани, пассажиров объединяет некоторая корпоративность – люди едут работать. Около девяти утра на центральных улицах Парижа как бы происходит парад мод. Через час или два эту хорошо и строго одетую публику сменят иностранные туристы – в шортах, майках и стоптанных кроссовках – тьфу, противно смотреть...

Жаннет покинет контору после двенадцати дня, и если нет дождя, то сядет за столик кафе, выставленный на тротуаре. Сегодня на второй завтрак Жаннет закажет салат и кофе со сливками (не потому, что нет денег, а потому что надо блюсти фигуру). Ест она не спеша, с видимым удовольствием, болтает и смеется с подружкой. Она знает, что прохожие любят ее. Поймав косой взгляд Жаннет, вздрогнет толстая миллионерша из Нью-Йорка, которая только что сделала закупки на тысячи долларов в фешенебельном магазине (это не моя фантазия: даже знаменитые мировые красотки в своих интервью признавались, что со страхом думали – как они будут выглядеть в глазах парижанок?). Кончив работу в шесть вечера, Жаннет зайдет в большой магазин, обогнет бесчисленные прилавки с роскошной французской парфюмерией, не глядя, купит только одну вещь (она заранее знала, какую), потом поднимется на второй этаж и купит свитерок, который именно в этот день продается со скидкой.

В семь часов у нее свидание с Пьером в кафе «Довиль». Она берет аперитив и соленые орешки, а Пьер шепчет нежные слова и приглашает пообедать в ресторан «Эльзас». Жаннет размышляет: свиданка в кафе ничего не значит, а вот обед в дорогом ресторане уже обязывает. В принципе Жаннет не против, но завтра рано на работу, ей надо

быть в форме, а заниматься любовью, глядя на часы... Нет, поговорим о ресторане в субботу.

В девять вечера Жаннет дома, запускает стиральную машину, одним глазом лениво смотрит телевизор и готовит себе нехитрую еду: зеленую фасоль на сковородке и ломтик ветчины. Жаннет вздыхает: конечно, в «Эльзасе» очень вкусная рыба, прекрасные устрицы и эскарго, тонкие белые вина, но... Но хорошо, что она отказалась. Отпуск через месяц, и ей надо похудеть. Она накупила себе массу туалетов, если она в них не влезет, это будет катастрофа. Через месяц, в Биаррице, у нее пойдет другая жизнь: водные лыжи, пляж, купанье, ночные дискотеки. Жаннет знает, что она наверняка надевает много глупостей, и, скорее всего, не с одним партнером.

Богатые французы

Существует теория, согласно которой, Французская революция стала неизбежной после того, как Людовик Четырнадцатый построил Версальский дворец. Народ не мог простить своим королям такой вызывающей роскоши. Усвоили ли уроки Истории богатые люди во Франции?

Старый дом на старой улице в центре Парижа. Когда-то в нем жили рабочие, белошвейки, лавочники, ремесленники. Да и теперь, наверно, их бедные потомки... Позвольте, бедные люди в центре Парижа? А знаете, сколько тут стоит каждый квадратный метр жилплощади? И пусть вас не смущает неказистый фасад XVIII века, его сохранили специально, чтоб не нарушать архитектурный ансамбль города. За старыми стенами – прекрасные квартиры, с современными удобствами, с антикварной мебелью. Вполне возможно, что какой-нибудь хозяин квартиры и получает пособие по безработице, только сама квартира тянет на несколько миллио-

нов! Такой порядок вещей символичен для Франции: богатство не афишируется.

Париж манит сияющими витринами. По моему убеждению, нет таких денег, которые нельзя было бы истратить в Париже, магазины модной одежды, ювелирные лавки, продовольственные прилавки Фашона на площади Мадлен, где вы найдете бутылку вина за 2 тысячи франков (305 евро), первоклассные гостиницы, безумно дорогие рестораны, ночные клубы – проведите эксперимент, приезжайте в Париж с какой-нибудь веселой молодой особой, которой вы не можете ни в чем отказать – она вас за день, без особого труда выставит на миллион. Но это все забавы для иностранцев, для бесшабашной молодежи, для звезд кино и эстрады. Настоящий французский богач чуждается таких развлечений, известно, что покойный миллиардер Марсель Дассо, владелец французской военной авиационной промышленности, так вот, он любил, чтоб в его кошельке всегда было несколько новеньких пятисотфранковых банкнот, больших шалостей он себе не позволял.

Головная боль французского богача: как уйти от налогов? А налогов облагается все – земля, квартиры, загородные дома, виноградники, процентные счета в банке, биржевые акции. В ежегодной налоговой декларации вы обязаны ответить на вопросы: есть ли у вас яхта, каких размеров, являетесь ли вы членом гольф-клуба, имеете ли вы скаковых лошадей? Если ответ положительный – плати! В свое время французская пресса с нескрываемым злорадством писала, как «засветился» сынок Жан-Поля Бельмондо. Он купил себе «Феррари» и сразу попал в поле зрения фиска. Тут его и распотрошили.

Конечно, французские богачи не ходят в джинсах и не едят в «Макдональдсе». Когда надо, летают

на собственных самолетах. Но тенденция такова: делать вид, что вы гораздо беднее, чем на самом деле. Случай карикатурный и тем не менее характерный: бедная вдова ютилась в студии, в нищенской обстановке, а владела двадцатью квартирами в Париже, которые сдавала...

Правда, французы умеют и козырнуть своим богатством. Например, Мишель (прячу его за псевдонимом) ведет крупные дела с Россией и со странами Дальнего Востока. На улице вы его примете за мелкого клерка, пока он не сядет в свой «Мерседес». Однако когда приезжают нужные люди из России, а именно – министры, банкиры, директора больших предприятий, мэры городов – он их приглашает в свой загородный замок. В замке – прогулки верхом на лошадях, игра в теннис, купанье в бассейне, изысканные обеды, на вине, естественно, не экономят, вокруг многочисленная прислуга. Зачем такое мотовство? Не мотовство – строгий рациональный расчет: произвести на клиента благоприятное впечатление и подписать выгодный контракт.

И пусть в «Максима» гудят новые русские. Мишель обойдет «Максим» стороной. Кстати, не забывайте, что «нувориш» – французское словечко, и оно произносится с презрительным оттенком.

Французский уик-энд

Как правило, кроме чисто личных обстоятельств, планы на уик-энд выстраиваются в зависимости: а) длинный он или короткий (при обилии французских праздников, уик-энд иногда растягивается на четыре дня); б) какое время года; в) какую обещали погоду.

Еще двадцать лет тому назад многие лихие парижане в пятницу вечером садились за руль своих автомобилей, неслись на дикой скорости всю ночь и к утру достигали Лазурного берега. Возвращались в понедельник, прямо к открытию контор. Такие путешествия не считались шиком, однако произвели сильное впечатление на приглашенных дам. Теперь подобные эскапады крайне редки. Хочется вспомнить классическую фразу: «молодежь нынче пошла не та». Но правильное объяснение дает другая цитата из классика: «овес нынче дорог». И впрямь, цены на бензин выросли в три раза, резко подняли плату за пользование автострада-

ми, и на дорогах почти всегда заторы. Правда, когда обещают жару, а время летних отпусков пока не наступило, парижане дружно устремляются на северо-запад, к Ла-Маншу. От парижской окружной дороги до Довиля или Дьеппа возникают гигантские автомобильные пробки, длиною в 200 километров. Зато, отмучившись полдня, потом можно прогуляться в течение нескольких часов по песку или гальке и подышать свежим морским воздухом. А в парижских лесопарках, особенно в Булонском, буквально шагу негде ступить: зазеваешься – и наступишь то на чью-то голую ногу, то на ребенка, на кошку, собаку, то на скатерть с едой. Конечно, бывают счастливчики, у кого имеются загородные дома, там можно заняться полезным делом: скосить в саду траву, покрасить забор, а к вечеру на лужайке поджарить шашлык.

Возьмем обычный уик-энд. Ноябрьский пасмурный денек, ни холодно, ни жарко. Наблюдаются две тенденции. Парижане желают выехать хотя бы в ближайший лес. Обитатели дальних пригородов, наоборот, рвутся в Париж: пофланировать по Елисейским Полям, выпить кофе или бокал вина в Латинском квартале, посмотреть новый фильм в кинотеатре на Больших Бульварах. Конечно, этот же фильм можно увидеть в кинотеатре Бобиньи или Кретея, да в центре Парижа другой «амбьянс», более праздничная атмосфера. Я живу почти рядом с Парижем, «ни рыба, ни мясо». Как же проводят уик-энд мои соседи по дому?

К соседке с нижнего этажа придут ее подружки-пензионерки (я уже слышу их голоса), будут целый день играть в бридж. Спортивный сосед с седьмого этажа утром успел откатать на велосипеде 10 кругов по Венсеннскому лесу. Пожилой сосед с шестого сразу после обеда отправился на берег Марны,

где на специальной площадке окрестное население играет в «буль». «Буль» – игра привезенная из Алжира, напоминает наши городки, только вместо деревянных бит кидают металлические шары. Интеллигентная пара с пятого этажа поедет в Венсеннский лес, запаркуют машину на стоянке, откроют окна, и, не выходя наружу, займутся отгадыванием кроссвордов. Такое времяпрепровождение у некоторых французов называется «прогулка по лесу». Старички с десятого этажа носа на улицу не высунут – уткнулись в телевизор. У красивой и деловой Паскаль с восьмого этажа появился новый дружок, директор фабрики в Арденнах. Когда он приезжает к ней на уик-энд, она водит его по парижским выставкам, и не в какой-нибудь там Лувр или музей Д'Орсэ – фу, пошло, это для провинциалов и иностранцев, – а выбирает что-нибудь экзотическое: экспозицию древней сирийской вышивки в Арабском центре или портреты Пикассо в Большом Дворце. На следующий уик-энд наступает ее очередь отправляться в Арденны. Как она там развлекается, в скучном маленьком городишке? Думаю, запирается с дружком в спальне и читает вслух Большую Советскую Энциклопедию.

Молодой человек входит в парижское казино и решительным жестом ставит на зеленое сукно золотую монету, зажатую в руке. Проигрывает. В отчаянье молодой человек бредет к Сене, чтобы броситься с моста в реку. Так начинается роман Бальзака «Шагреновая кожа». Бушуют ли такие же страсти в казино современной Франции?

Гуляя вечером по улицам французской столицы, вы обязательно наткнетесь на ярко освещенное здание с неоновой вывеской: «Парижское казино». Но это известное кабаре. Казино в Париже запрещены. Городские власти позаботились, чтоб местный рабочий и служивый люд не пускал по ветру свои трудовые сбережения. «Что вы нам сказки рассказываете? – возмутятся наши слушатели. – А казино в Монте-Карло?». Во-первых, казино в Монте-Карло – не французское, а принадлежит независимому государству Монако. Во-вторых, до Монте-Карло переть и переть, и по дороге желание швы-

рять деньгами несколько поостынет. И вообще наше мудрое правительство распорядилось так, чтоб казино функционировали подальше от промышленных центров, в курортных зонах. Уж там пускай любители прожигать жизнь культурно отдыхают...

Самое знаменитое французское казино – в Довиле, на берегу Ла-Манша, в двухстах километрах от Парижа. Довиль – модный курорт в любое время года, и казино никогда не пустует. Летом, естественно, народу больше, и с трех часов дня «мелочь пузатая» балуется у игровых автоматов. Вход бесплатный, однако в маечках и шортах не пускают, все же надо соблюдать какое-то приличие. Итак, выбираешь автомат по вкусу и по деньгам и бросаешь «однорукому бандиту» в его бесстыжую пасть франк, двухфранковую, пятифранковую или десятифранковую монету. Специалисты мне объяснили, что вероятность выигрыша в однофранковом автомате равна 5 процентам, а в десятифранковом – 30-ти. Да ведь не каждый может себе позволить играть по 10 франков. А с однофранковым автоматом, при скромном бюджете, можно развлекаться часа два. Зато уж если повезет... В газетах писали: одна старушка бросила три десятифранковые монеты, закружились цифры, заиграла музыка, и на табло высветилась сумма выигрыша: миллион триста тысяч франков (198 тысч евро) с хвостиком! После девяти вечера к казино подруливают дорогие «Пежо» и «Ситроены», «Роллс-Ройсы», «Мерседесы», «БМВ», «Феррари», с парижскими, бельгийскими, английскими, а то и немецкими номерами. Водители небрежно бросают расторопным швейцарам ключи от машины и важно следуют в залы, где царствует рулетка. В святая святых вход платный. И самая маленькая фишка стоит 20 франков, самая большая – тысячу. У рулетки

плебейской толчеи не наблюдается. Мужчины в строгих костюмах и при галстукe, а дамы если не в соболях, то с глубокими декольте и с драгоценными ожерельями. Кажется, солидней публики в природе не бывает. Однако есть еще особый зал для избранных, где минимальная ставка – десять тысяч франков! Кто там резвится – мне не ведомо. Мои знакомые-профессионалы туда не заглядывали. Для них и нормальной довийской рулетки было достаточно. «Я придерживаюсь системы, – рассказывал профессионал. – Ставлю сто франков, а когда сидящая напротив эстрадная дива, не глядя, разбрасывает по зеленому сукну тысячные фишки, – прямо скажу: чувствуешь себя не очень уютно».

Что же касается страстей, то вот вам новелла под занавес. Человек с советским паспортом не побоялся, приехал в Довиль, к ночи спустил все до сантима. За отель платить нечем – продал на вокзале обратный билет до Парижа. Чтобы не замерзнуть, шагал до утра по довийскому пляжу, дождался открытия казино, проигрался мгновенно. В поезде его, как безбилетника, задержали контролеры, выписали штраф, в залог он отдал советский паспорт. И это, повторяю, происходило в те еще времена. Какой разразился скандал в посольстве! Зато было, о чем вспомнить в Москве...

Русские на Лазурном берегу

В большом магазине, в пригороде Парижа, ко мне подошел человек и, вцепившись с тележку, куда я складывал продукты, затараторил:

– Где тележку брали? Где их дают? Ну вот эту, вот, тележку? Что надо сделать, чтоб ее получить?

Я несколько опешил. Любому французу известна нехитрая техника обращения с тележкой в супермаркете: опускаешь в прорезь десятифранковую монету, отстегиваешь тележку, а потом, когда тележку привозишь обратно, монета возвращается. Но поразило меня то, что напористый незнакомец говорил по-русски, абсолютно уверенный в том, что его все должны понимать.

– Вы бы хоть для приличия выучили пару французских слов, – сказал я.

– А, русский, – не очень удивился мой соотечественник, – нет, я в Париже случайно, еду на Лазурный берег. Вот мой секретарь, – он кивнул на своего спутника такой же комплекции, – немного знает английский.

Неоднократно я рассказывал: в Париже нет районов, подобных Брайтон-Бич в Нью-Йорке или русским кварталам в Лос-Анджелесе. Русскую речь на улицах слышишь крайне редко. Однако на Лазурном берегу Франции, то есть на самых дорогих и престижных курортах Средиземного моря, к русским привыкли, более того – их ждут.

Я интересовался статистикой. За последние годы наплыв русских туристов на Лазурный берег составил всего два процента от общего числа отдыхающих. Несравнимо меньше, чем немцев, англичан, голландцев, итальянцев, уж не говоря о коренных французах, которые в июле и августе прут на Лазурный берег штурмовыми колоннами, как полки Наполеона на батарее Раевского в Бородинском сражении.

Но.

Есть другая статистика. На Лазурном берегу стахановскими темпами строятся пятизвездочные отели, а четырехзвездочные переоборудуются в пятизвездочные. Раньше такие отели прогорали, туристы от них шарахались, как от огня. А теперь появилась клиентура. Кто? Американцы, японцы, русские. (Невольно хочется спросить – куда подевались арабские нефтяные шейхи? Ау!) По телевизору я слышал интервью хозяина одного из пятизвездочных отелей. Его мнение о русских: «Хорошие клиенты. Как правило, территорию отеля не покидают. Активны в бассейне, очень активны в барах, в ночном клубе». (И опять у меня вопрос: значит, все красоты Лазурного берега они в гробу видали?)

Сколько же стоит ночь в таком отеле? От нескольких тысяч франков за однокомнатный номер до 45 тысяч франков за трехкомнатный, – например, в таком знаменитой отеле, как «Карлтон»

в Каннах. Вдумаемся. 45 тысяч франков – это почти 7 тысяч евро. За ночь. Причем, без дополнительных услуг – разных там молоденьких блондинок или брюнеток. Просто за кровати, цветной телевизор, персональный сортир и ванну, туалетную бумагу, махровые полотенца. Поспали, подтерлись, помылись, позавтракали, глядишь – уже двенадцать дня. Если желаете оставить номер за собой еще на сутки – гоните снова 9 тысяч долларов!

...Наверное, есть какие-то вещи, которые я не понимаю, да и не хочу понять. И если у меня попросят советов, как лучше отдыхать на Лазурном берегу, то их я адресую нормальным людям, а не тем, кто получает удовольствие, поджаривая себе яичницу на огне из ценных банковских бумаг.

Итак:

Не лежите целыми днями на пляже, путешествуйте, посещайте горные деревушки, они очень живописны и милы.

Если вы остановились в Ницце, то сверните хоть раз с Променад Англе (набережной) и погуляйте по старому городу.

Если вы не связаны с туристским агентством и можете сами выбрать город и отель, то живите в Ментоне или ее окрестностях – там спокойнее, меньше народу и приятнее.

Никогда не ешьте в ресторанах на пляже – дорого и невкусно.

Никогда не меняйте деньги в аэропортах, вокзалах и гостиницах.

По возможности – не говорите по-русски.

Француз – воображаемый и реальный

Помните, в романе Генриха Белля «Групповой портрет с дамой» немецкие фрау, беседуя между собой, тайком признаются: если бы они выбирали любовников из мужчин другой национальности, то только французов. Действие разворачивается в гитлеровское время, арийская раса, естественно, выше всех, однако в этом смысле для французов – исключение. Да, сложился такой стереотип: французы остроумны, галантны, все с д'артаньяновскими усами, легкомысленны и неутомимы в постели. А вот тип француза старшего поколения: красноносый, краснощекий дядька, с бочкообразной фигурой, с утра прикладывающийся к бутылке вина, что не мешает ему работать в поле или на винограднике, плотно пообедать и поужинать копчено-колбасными изделиями, телячьими гуляшами и гусиной печенкой, а вечером играть в карты с друзьями в кафе, употребляя более крепкие напитки – «Кальвадос» и «Перно». Все эти образы на-

веяны доброй, старой Францией, но еще 25 лет тому назад президент Жорж Помпиду предупредил своих соотечественников: «Поймите, той Франции уже нет». И действительно нынешний француз, независимо от возраста, нервный и раздражительный. Люди с низкой зарплатой недовольны тем, что ее не повышают. Высокооплачиваемые служащие, например, пилоты авиалиний, которые получают больше своих коллег в Европе, недовольны тем, что их зарплату снижают. Крестьяне бесконечно протестуют и сжигают более дешевое мясо, овощи, фрукты, привозимые из-за границы. Мелкие лавочники разоряются, не в силах выдержать конкуренцию, нелояльную, как они считают, у супермаркетов. Редко кто отваживается завести собственное дело – хлопотно, рискованно плюс душат налоги. Все мечтают поступить на государственную службу и иметь гарантированную зарплату, а государственные служащие регулярно бастуют и жалуются, что у них отнимают прежние привилегии, добытые в классовой борьбе.

Молодежь напугана СПИДом, и сексуальная революция резко затормозилась. Студенты переходят с факультета на факультет, сознательно затягивая свое обучение. Они знают, что даже с университетским дипломом их скорее всего ждет безработица.

И внешне французы тоже изменились. Многолетняя мода француженок на изящные фигуры, сгонка веса, «научный» рацион: вместо мяса – салат, привели к тому, что новое поколение выросло хилым. В школах все старшеклассники курят, а многие балуются марихуаной. Где уж там мушкетерская удадь! В спорте французские достижения весьма скромны и спортсмены смирились с тем, что их всюду и всегда будут бить немцы и американцы.

К слову сказать, военная реформа Ширака не от хорошей жизни, все меньше призывников годятся по своим физическим данным для армии...

Франция на распутьи. Ей не выдержать экономической борьбы с азиатскими странами, где более дешевая рабочая сила. Пожалуй, единственное спасение французы видят в том, чтобы развивать высокотехнологические области промышленности взамен традиционных. Поэтому новый тип француза – образец для подражания, выгодный жених – выглядит так: специалист высшей квалификации, в очках, элегантно одетый, с атташе-кейсом, не расстающийся с ручным компьютером даже в самолете, с обязательным знанием английского, работать предпочитает в какой-нибудь крупной или международной фирме. Что касается галантных приключений, то, разумеется, они возможны где-нибудь в далекой командировке, а дома «образец для подражания» – примерный семьянин, ибо это сейчас считается хорошим тоном и помогает продвижению по службе.

Четыреста сыров и сырок «Дружба»

В конце прошлого года французы много и долго ели. Причем, дорогие кушанья, которые далеко не все могут себе позволить каждый день. В самых дешевых продовольственных магазинах, где по традиции отовариваются пролетарии и безработные, прилавки, предназначенные для красной рыбы, гусиной печенки и прочих деликатесов, блистали советской пустотой – все смели. Неожиданно выяснилось, что покупательная способность рядового француза, о падении которой горько плакали профсоюзные лидеры и оппозиция, да и статистика тоже, никуда не упала, а наоборот – резко возросла. Как метко заметил М.Ю.Лермонтов, «французы двинулись, как тучи», но не на штурм багратионовских флешей, а в большие престижные магазины. Водители грузовиков прекратили забастовку, и тема классовых боев начисто исчезла со страниц французской прессы, уступив место более захватывающим сюжетам, например, как пригото-

вить индейку или рыбный пирог. Нет, я не против пропаганды кулинарных рецептов, – на здоровье! – однако представьте себе: идут телевизионные вечерние новости, и половину времени с жаром обсуждается животрепещущий вопрос – что делать? Уф, вздохнет наш читатель, наконец-то знаменитое российское... Вынужден разочаровать, ибо в данном случае контекст иной: что делать домохозяйке, если бюджет не позволяет выставить на стол гусиный паштет, и чем его заменить, чтоб не испортить праздника и не травмировать семью? Оказывается, есть масса вариантов...

На протяжении двадцати лет, «клевеща» по разным «голосам», я много рассказывал о том, как французы серьезно относятся к «процессу принятия пищи» (выражение из лексикона моего командира роты в военно-авиационном училище), и, дескать, за обедом, особенно праздничным, они беседуют только о еде. Разумеется, я вовсю подпускал шпильки и ехидничал, ведь речь шла об абстрактном среднестатистическом французе. И вот теперь, когда моя семья наполовину офранцузилась... Жена просит без подробностей. Ладно, значит, так: за нашим рождественским столом французская сторона была представлена преподавателем философии, инженером-атомщиком, врачом. Если русская сторона не возникает со своими тупыми темами (политика, литература, погода), то о чем говорят? О том, «сотерн» какого года лучше соответствует перигорскому паштету.

Ну, допустим, праздники – исключение. Наступают трудовые будни, и телевизионные новости приобретают свою зловещую остроту: войны, взрывы, убийства, захват заложников. Но вот еще один сюжет, который беспокоит французскую общественность. В маленькой деревушке в предгорьях Альп

крестьянская семья изготавливает особый сорт сыра. Местные травы – важный ингредиент. Однако имеется своя технологическая тонкость: теленка подводят к корове, тогда корова дает молоко, теленка оттаскивают, надаивают молоко в ведро, но не до конца, чтоб осталось теленку. Молоко, полученное таким образом, другого качества, как раз для сыра этого сорта. Далее, когда молоко свернется, на форму надо положить камень-пресс. От камня зависит вкус. Какой именно камень и где его берут – семейная тайна. Крестьянин откроет ее своему преемнику. Да беда в том, что крестьянин уходит на пенсию, а его ферму покупать пока никто не собирается...

Человеку советского воспитания все это кажется дикой ахинеей, нам бы ваши заботы! Во Франции 400 сортов сыра, велика печаль, если исчезнет один. Но французы так не думают. Для них – это утрата национального достояния.

Честно говоря, я тоже сначала иронически хмыкал и считал, что французы просто с жиру бесятся. Лишь позже до меня стало доходить, что это проявление иного образа жизни, иной культуры, мне недоступной. И, пожалуй, я смирился с тем, что мне никогда не понять французов, ведь я вырос в стране, где мужское население давно привыкло не есть, а закусывать, и любимое времяпрепровождение наиболее активных товарищей было – «давить» в подъезде на троих бутылку теплой водки, а затем, ущипнув кусочек плавленого сырка «Дружба», вести азартную дискуссию на тему: «Ты меня уважаешь?» – с разнообразными последствиями в зависимости от ответа.

Гордые СДФ

В телефонном разговоре с Москвой меня ехидно спросили: «Говорят, у вас сильные морозы – минус 8 – минус 10?». Да, в этом году зима у нас выдалась холодной. В Париже – минус 10, в восточных департаментах – минус 20-25. Москву и Россию этим не удивишь, для Франции сурово.

Каждый раз с наступлением холодов французская пресса начинает обсуждать «модную» тему: проблему бездомных. Как ни прискорбно об этом писать, но в одной из богатейших стран мира люди замерзают на улицах. И нельзя сказать, что правительственные и частные благотворительные организации не принимают меры. К зиме готовятся, открывают теплые ночлежки, бесплатные столовые, на улицах раздают горячие супы, специальные группы полиции и добровольцев курсируют по ночам, чтоб подбирать клошаров, но...

Слово «клошар» практически исчезло из словаря. Его заменило СДФ – французская аббревиатура

«людей без определенного места жительства». В клошары никогда не шли от хорошей жизни, однако бытие клошара предполагало добровольный выбор, вызов обществу, презрение к буржуазной морали и удобствам, свободу от всех обязательств. Увы, в последние годы рост безработицы, наркомании, нелегальной иммиграции резко смазал привычную картину. Нынешний СДФ рад бы найти работу и жилье, получать социальные блага, но по разным причинам этих благ лишен, или просто не имеет на них права. В Париже СДФ даже летом дежурят чуть ли не на любом перекрестке; обходят затормозившие у светофора машины, с вежливой улыбкой показывают плакатик, на котором написано – дескать, мне негде жить, я голоден, подайте, пожалуйста, несколько монеток. Или предлагают купить журнал, который издается для безработных. Правда, часто эти СДФ имеют славянскую внешность, говорят с акцентом и, как утверждают знатоки, все «хлебные перекрестки» – «куплены». Если вы сами попробуете там промышлять – вас побьют. Но это уж другая проблема. Зимний холодный ветер загоняет СДФ под мосты, в картонные коробки, служащие им домом, или в самодельные, сбитые из досок кровати. Вечерами СДФ терпеливо поджидают цистерны с горячим супом, охотно пользуются бесплатными столовыми, однако – странное дело – в теплые ночлежки не спешат. По статистике, в этом году в ночлежках пустовала половина коек. Журналисты заинтересовались, провели опрос. Оказалось, что СДФ избегают ночлежек, потому что: 1) в ночлежках могут ограбить; 2) не устраивают режимные правила (в ночлежках запрещено спиртное, наркотики, надо обязательно принять душ и рано лечь спать); 3) в ночлежку нельзя брать с собой собаку или кошку, а расста-

ваться со своими четвероногими компаньонами СДФ решительно не желают. Все это можно понять. Но когда в маленьком городке находят замерзшего старика, которого накануне местный священник слезно упрашивал переночевать у него дома, не ставя никаких предварительных условий, а старик предпочел свой ледяной сарай – тут уж остается только руками развести. В одном городе мэр приказал полиции в морозные ночи подбирать на улицах всех бездомных и насильно везти их в ночлежку. Вроде бы, гуманный акт, но правительство, извините за каламбур, отнеслось к нему прохладно. Правительство опасается, что в следующую ночь СДФ разбегутся со своих насиженных мест, то есть им будет еще хуже. Видимо, у СДФ, как и у советского человека, собственная гордость. Или – особая психология, которую администрации пока не постичь.

Елисейский дворец

«В Кремле думают... В Белом Доме считают... В Елисейском дворце предполагают...» – расхожие фразы в журналистских репортажах. Фразы штампованные, но они показывают точно, где находится центр власти. Естественно, всем плевать, что думает охранник в Белом Доме или уборщица в Кремле, все прекрасно понимают, о чем идет речь. Но – «в Елисейском дворце предполагают» – звучит более солидно чем «французский президент сказал». Человек, даже облеченный высшей властью, может ляпнуть все, что угодно. Вспомним знаменитые деголлевские слова: «Да здравствует свободный Квебек!». После чего президенту Франции пришлось срочно сматываться из Канады. А уж Никита Хрущев, будучи генсеком, такое наговаривал! Однако если пишут – «в Кремле или в Елисейском дворце так думают» – значит, это не с бухты-баракты, а подготовленное решение.

Кремль, Белый Дом, Елисейский дворец – стали символами, известными всему миру. Пожалуй,

больше таких нет. Ну кто, например, знает, где работает немецкий канцлер? Разве что немцы, да и то не все. Кремль, Белый Дом, Елисейский дворец объединяет еще то, что они огорожены. Правда, ограды разные. Кремлевская стена – знак абсолютизма, ее возьмешь только в штурмовой колонне. Заборчик Белого Дома – разгул демократии, сколько любителей острых ощущений его перемахивали, когда охрана зазевается! Через каменную ограду Елисейского дворца теоретически можно перелезть, да никто не пробовал. Что сие означает – догадайтесь сами.

Елисейский дворец занимает целый квартал. Сам дворец – не такое уж большое здание, но к нему примыкает летняя площадка для торжественных приемов, парк, пруды. «Есть ли у вас какие-нибудь пожелания?» – спросил ставший президентом Ширак у бывшего президента Миттерана, спускаясь с ним по ступенькам Елисейского дворца. «Да, – ответил Миттеран, – позаботьтесь, пожалуйста, о моих уточках». Разумеется, даже если Миттеран развел на прудах утиную ферму, Ширазу не придется о ней заботиться – для этого найдутся другие люди. Но вот о ком Ширазу надо будет позаботиться, так это о персонале Елисейского дворца. Поясняю: новоизбранный президент – глава Франции, это естественно. Но он еще, за ту же зарплату, оказывается во главе дружного трудового Елисейского коллектива, в который входят повара, садовники, уборщицы, полицейские, гвардейцы, горничные, машинистки, секретарши, помощники, референты – всего около тысячи человек. Новый президент всегда приводит свою команду – от секретарш до начальников канцелярий. Это те, кто будет «думать и предполагать», то есть в какой-то степени участвовать в разработке решений. С техни-

ческой и хозяйственной службой поступают по-разному. Ширак, например, оставил на месте всю прежнюю миттерановскую охрану, включая ее начальника, армейского генерала. Сменил ли он поваров и официантов – мне не известно. Садовники не меняют никогда. Однако в любом случае, президент должен быть уверен, что даже самый низший технический персонал, включая уборщиц и электромонтеров, к нему лоялен. Ведь любая бу-мажка, исчезнувшая из Елисейского дворца, может оказаться конфиденциальной.

Насколько президенты внимательны к мелочам, рассказывает такая история. Мадам И. пришла в Елисейский дворец в команде Миттерана и про-работала там, от звонка до звонка, четырнадцать лет. Она делала короткие резюме из журнальных статей, относила их в президентскую канцелярию и была твердо уверена, что ее творчеством интере-суются лишь референты Миттерана. Самого прези-дента она никогда близко не видела. Однажды к ней вернулась на стол ее последняя докладная с пометкой на полях. Она узнала почерк президен-та. Миттеран подчеркнул в тексте орфографичес-кую ошибку и написал сбоку: «Ай-яй-яй!». Мадам по-звонила в приемную Миттерана, попросила соеди-нить ее с президентом. Миттеран снял трубку. «Неужели вы все читаете?» – спросила мадам. «А вы как думаете, Николь?» – ответил Миттеран.

Особенность Елисейского дворца в том, что пре-зидент всегда на боевом посту. Президент может спать, купаться в ванне, проводить заседание Сове-та министров, ужинать с глазу на глаз с американ-ским послом, устраивать торжественный прием в честь английской королевы, читать бумаги в сво-ем кабинете, разговаривать по «красному телефо-ну» с Борисом Ельциным, играть в шахматы со ста-

рым другом – одноклассником по лицу или в конце концов подкармливать уточек на берегу пруда – повторяю, в Елисейском дворце президент всегда на боевом посту. Поясняю: под Елисейским дворцом оборудован специальный бункер, из которого, набрав одному ему известный код, президент объявит атомную войну. И с высокогорного плато Альбион тут же полетят французские ракеты. Невинный вопрос: куда теперь они направлены? Не знаю. Наверное, на Бермудский треугольник, давно пора его разнести к чертовой матери... Управлять Францией президент может из бункера до конца военных действий, но дверь бункера откроется только перед нынешним президентом (в фотороботе над дверью зафиксирован его портрет) – бывшему президенту республики в бункер не войти.

Ладно, пока еще ни один французский президент в бункере не отсиживался. И слава Богу! Над боевым постом гораздо веселее. В Елисейском дворце нет роскоши и богатства кремлевских палат (например, Грановитой палаты), но зато там не все так строго функционально, как в Белом доме. В Елисейском дворце шикарные хрустальные люстры, антикварные столы и кресла, гобелены ручной работы с полуобнаженными нимфами, безбрежные пушистые ковры, одних старинных часов, стенных и настольных, – во дворце насчитывается 200 штук. Лишь социалист Миттеран совершил маленькую дворцовую революцию: приказал вынести из своего кабинета буржуазные столы и кресла и заменил их современной пластиковой мебелью синего цвета. Однако Жак Ширак в первые же дни восстановил старые порядки. В его кабинете – мебель стиля «ампир», как при генерале де Голле. Но как в таком серьезном учрежде-

нии могли появиться легкомысленные нимфеточки, хоть и на гобеленах? Кто не досмотрел? Разумеется, для президентов Республики государственные дела всегда были превыше всего, но некоторые президенты совсем не чурались невинных развлечений. При Луи-Наполеоне выкопали подземный ход, соединяющий дворец с отелем на соседней улице, благодаря чему племяннику великого императора была гарантирована доставка красоток прямо в его апартаменты. В 1899 году президент Феликс Фор умер в Елисейском дворце от инсульта в объятиях своей любовницы. Полагаю, что подземный ход Луи-Наполеона давно замурован, но всезнающие французские журналисты утверждают: существует параллельный коридор, по которому некто, приглашенный президентом, может явиться в его кабинет, никем не замеченным. Думаю, что теперь им пользуются не особы женского пола (хотя, почему бы нет?), а тайные дипломатические порученцы, с которыми президент Республики никак не должен встречаться, но тем не менее вынужден...

Построен был дворец в 1718 году, переходил из рук в руки, в том числе и в нежные руки мадам Помпадур, пока Французская революция не объявила дворец национальной собственностью. Русский царь Александр Первый, въехав с казаками в Париж в 1814 году, остановился в Елисейском дворце. Постоянной резиденцией президентов Елисейский дворец стал в 1873 году, при Третьей Республике.

Как ни странно, далеко не все новоизбранные хозяева дворца чувствовали себя в нем счастливыми. Первую ночь в елисейских апартаментах президент Пуанкаре провел без сна, и как потом признавался в мемуарах, у него было ощущение, что

его заперли. Как только его срок заточения, простите, президентства кончился, Пуанкаре буквально выбежал из дворца. Проведя свой последний Совет Министров, президент Гастон Думерг облегченно воскликнул: «Уф!». Уж как стремился в Елисейский дворец Валери Жискар д'Эстен, но поселившись в нем, жаловался на одиночество. А Миттеран предпочитал ночевать не во дворце, а в своей парижской квартире.

У парадного въезда в Елисейский дворец, на улице Сан-Оноре, – двое часовых, в форме наполеоновских гвардейцев, в руках ружья с примкнутыми штыками. Караул сменяется каждый час, гусиным шагом, как перед Мавзолеем. Па перекрестках улицы – полицейские машины, тротуар перед Елисейским дворцом запрещен для пешеходов. Символ высшей власти во Франции похож на охраняемую крепость, в которой президент одновременно – верховный правитель и в какой-то мере – ее узник. Добровольный, конечно, положивший всю свою жизнь, чтоб туда попасть.

Насколько же бдительна дворцовая охрана? Вот случай из моей жизни. Это был период, когда в Париже взрывались бомбы террористов.

Стоянка частных автомобилей вблизи Елисейского дворца была категорически запрещена. Я оставил свою машину в двух километрах, пошел пешком, у дворца дважды показывал журналистское удостоверение и оказался во дворе Елисейского дворца, так называемом «перроне», где журналисты ждали человека, который удостоился приема у Миттерана. Человек спустился на перрон, на него накинута журналистская братия, с фотоаппаратами и микрофонами. Три минуты импровизированного интервью. Больше гостям президента по протоколу не положено. Мне удалось записать на маг-

нитофон несколько фраз. Для моего репортажа по радио достаточно. Правительственный автомобиль увез президентского гостя. Журналисты расходятся. Вдруг появляется моя старшая дочь, работавшая тогда на радио «Франс Интернасьональ». Я говорю: «Алла, ты опоздала». Дочь ужасно недовольна: дескать, почему гость уехал так рано, по ее сведениям, беседа должна была длиться дольше. Я объясняю: это наша профессия – приходить заранее и ждать. Дочь ворчит: «Для чего же я тогда тащила такой тяжелый магнитофон?». Страшная догадка мелькает в моей голове: «Где ты оставила машину?» – «У входа во дворец, я показала полицейским мое журналистское удостоверение». – «Алла, – кричу я, – машину давно уволокли!». А сам думаю: по тревоге уже поднята вся парижская полиция, жандармерия, войска, а может, и в придачу гвардейская краснознаменная бронетанковая Кантемировская дивизия! Выходим из дворца. Прямо на тротуаре спокойно стоит Алкина машина – и даже штрафа не повесили. То есть, с одной стороны – бдительность бдительностью, а с другой стороны, когда приезжает молодая красивая женщина, да еще журналистка, какой же зверь будет к ней придиратся...

14 июля во Франции

Для начала я сам хочу спросить: после окончания «холодной войны» какая еще страна в Западной Европе отмечает свой национальный праздник военным парадом? Неужели Люксембург? Но для нас, французов, это не просто национальный праздник, это еще и революционный! А какая же революция без армии?

Строго говоря, праздник начинается не 14 июля, а вечером 13 июля традиционным балом пожарников. Пожарники у нас – очень уважаемые люди, и не только потому что они хорошо справляются со своими прямыми обязанностями. У нас любая старушка, в случае чего, первым делом звонит не врачу, а пожарникам. Те моментально приедут, первую помощь окажут, в госпиталь, если надо, отвезут, и все за бесплатно. Итак, рядом с пожарной частью играет оркестрик. Сюда приходят жители во всего квартала. Из соседних кафе приносят лотки с выпивкой и закуской, а brave пожарники при-

глашают застенчивых дам на танец. Ей-Богу, я это еще застал, я это видел собственными глазами: аккордеонист играл старые мелодии, танцевали молодые и пожилые пары, все было очень мило, домашнему. Теперь, конечно, все не то. Теперь, фиг кто потанцует под аккордеон. Теперь гремит из репродукторов или наяривает на эстраде рок, поп, рэп, пэп, техно, рехно и прочая англо-американская муть... Спрашивается, за что мы кровь проливали в 1789 году?

Зато 14 июля – у нас все по плану, в духе славного французского прошлого, без всякой иностранщины. Сперва президент на машине объезжает войска. Потом возвращается на правительственную трибуну, которую соорудили на площади Согласия, кому-то пожимает руки, кому-то делает просто ручкой (и все это показывается по телевидению и азартно комментируется – кому пожал, кому помахал, это же большая политика). Потом по Елисейским Полям к правительственной трибуне спускаются войска. Сначала пехом, потом на лошадях, потом на разного рода бронетехнике. Бронетехники не так уж много, ровно столько, сколько надо, чтобы продемонстрировать интересующимся новинки. Ведь Франция занимает третье место в мире по торговле оружием. Ну и конечно, воздушный парад, если погода позволяет.

25 лет я наблюдаю по телевизору парад и слушаю комментарий. Искренне сочувствую своим коллегам журналистам: сложное это дело – вести репортаж о мощи и доблести французской армии, которую, начиная с 1940 года, били все, кому не лень. Помнится, когда Франция еще принимала участие в «спецоперациях» в Африке, то комментаторы с восторгом говорили о парашютистах: вот, мол, именно эти ребята в Чаде помогли, остановили,

не позволили... Нынче африканская тема не в моде. Во Франции, наконец, поняли, что в Африку лучше не соваться. Свергнешь какого-нибудь людоеда, так ему на смену придет вегетарианец, который в тюрьмах передушит еще больше народу. Последний раз журналисты с жаром отмечали, что в параде участвует все больше и больше женщин. Оно и понятно: женщины – великая сила! Резко поднимают боеспособность войск.

Ну а кому громче всех аплодирует публика? Морякам? Парашютистам? Танкистам? Нет, не угадали. Самый «аплодисмент», как сказал бы Булгаков, достается колонне пожарников, которая традиционно завершает военный парад.

Далее транслируется телеинтервью с президентом Республики из Елисейского дворца. Президент рассуждает в основном на экономические темы. «Будете ли вы выставлять свою кандидатуру на второй срок?» – спрашивают журналисты. «Не знаю, пока не решил», – задумчиво отвечает президент. Потом телекамера дает общий план лужайки перед Елисейским дворцом. Две тысячи приглашенных на праздничный коктейль! Крупным планом выделяют наших национальных героев. Кто у нас сейчас в главных героях? Естественно, футболисты. Молодцы, ребята! Выиграли первенство мира и Европы! Никакому Наполеону такие победы и не снились.

Ну а вечером во всех городах Франции и на морских курортах – праздничный салют. В Париже, у дворца Шайо, салют просто замечательный. Что верно, то верно: по части фейерверков мы впереди планеты всей.

После этих красочных шумовых эффектов даже неловко спрашивать: а чего мы, братцы, празднуем? Если спросить, то конечно, ответят, но так, нехотя, скороговоркой: празднуем взятие Бастилии.

И переведут разговор на более волнующие темы: дыра в бюджете социального страхования, очередное увеличение цен на бензин... И такая стыдливость понятна. С одной стороны, действительно – великая Революция. С другой стороны, в действительности, там столько наворотили, нагородили и напортачили, что лучше в подробностях не копать! И все легенды давно развенчаны, и никаких иллюзий не осталось. Да, взяли Бастилию. А за каким хреном ее надо было брать? Освободить политзаключенных? В Бастилии, на момент штурма, сидели семеро узников, из них – четверо осужденных за подлоги, два сумасшедших, и один развратник-садист. И взяв Бастилию, сколько на радостях перерезали народу и носили на пиках окровавленные головы!

Апогеем революции была казнь короля. За что его казнили, граждане? Такой лапочка был товарищ Луи Шестнадцатый! Примерный семьянин, честнейший малый, любил постолярить и послесарить, ну еще немного поохотиться. Чего он не любил и не умел, так это – править страной. Ну просто копия, двойник российского Николая Второго. Ну хорошо, прогнали их с трона вонючей метлой, так дали бы пожить спокойно! Увы, такого в революциях не бывает. Не может быть революции без героев. Или Франция не помнит своего прошлого? Прекрасно помнит. Например, Париж окружен кольцом «маршальских бульваров», увековечены имена всех наполеоновских маршалов. Многие улицы и площади в Париже названы в честь наполеоновских побед. Стоит памятник маршалу Фошу, главнокомандующему французской армией в период Первой мировой войны. Куда же подевались французские революционеры? Хорошо поискав, найдем. Есть в Париже мост Мирабо, есть авеню

Карно и Гош и есть памятник Жоржу Дантону. Немного, Так давайте хоть их прославлять! Очень хочется, да только известно, что Мирабо одновременно произносил революционные речи и получал тайком деньги от короля. А революционный генерал Гош потопил в крови крестьянское восстание в Вандее. А Жорж Дантон, организатор революционных побед, был инициатором резни в парижских тюрьмах. А член Комитета общественного спасения Лазарь Карно был лишь слабой тенью Робеспьера и Сен-Жюста, которые, в свою очередь, такой жуткий террор устроили... Нет уж, месядам, не стоит ковыряться в прошлом. Споем лучше национальный гимн, «Марсельезу». К счастью, во Франции никто, кроме первого куплета, слов «Марсельезы» не помнит. А там дальше идет такой кровавый текст...

В общем, французы давно осознали, что не стоило бы устраивать ту заварушку, в 1789 году. Как легко могли бы договориться, уладить все полюбовно!

Не получилось.

– Да чего же в конце концов хотят эти люди? – спросил добрый король, прекрасный семьянин, товарищ Луи Шестнадцатый, у народного представителя.

– Ваше Величество, эти люди хотят хлеба.

Король не понял. А королева Мария-Антуанетта резонно заметила:

– Подумаешь, беда! Нет хлеба – пусть едят печенье.

Это к вопросу о неизбежности революций.

Опереточное торжество и забытые герои

Помните, один эпизод в «Войне и мире», когда князь Андрей не понимает, почему его так холодно приняли при дворе австрийского императора? Ведь он им привез весть о победе русских войск! А русский дипломат объясняет князю: дескать, чему вы удивляетесь, вот если бы вы сообщили, что все австрийские армии одолели хотя бы роту пожарной команды Наполеона, то тогда бы вас встретили с таким торжеством!

Почти два века спустя после описываемых Львом Николаевичем событий, в июне, во Франции, торжественно отмечали пятидесятилетнюю годовщину со дня высадки союзников в Нормандии, а в августе, с еще большей помпой – пятидесятилетие освобождения Парижа. Если первый юбилей никакого комментария не требует, – действительно, крупневшая в истории военная операция, удачно проведенная, – то второй юбилей (а он праздновался с середины августа, каждый день, по на-

растающей) вызвал у меня сначала недоумение, потом чувство неловкости, а затем я оценил мудрость Толстого: видимо, бывают исторические моменты, когда для любой нации крайне важно иметь на своем счету хоть одну победу, как образно выразился писатель, хоть над ротой пожарной команды. И еще мне кажется, что многие французские обозреватели тоже чувствовали некоторую щекотливость ситуации и объясняли ее так. Мол, что мы втолковываем современной молодежи что надо искать работу и пользоваться презервативами, разве этого достаточно? Ведь молодежь надо воспитывать на положительных идеалах!

И в этом смысле история освобождения Парижа, когда вокруг генерала де Голля объединилась вся нация, – очень подходящий пример.

Ну, если так, то почему бы нет? Правда, мы, русские, знаем, что советская армия освобождала наши города ценой огромной и возможно, излишней крови. Десятки тысяч советских солдат гибли при освобождении Киева, Севастополя, Одессы. Гораздо большие потери при штурме Будапешта и Берлина. А уличные бои в Сталинграде за каждый дом! А теперь сравним: восстание в Париже, то есть освобождение города, началось 19 августа 1944 года, 24 августа в город вошли танки Второй дивизии генерала Леклерка, 25 августа немецкий комендант Парижа генерал фон Хольтитц подписал капитуляцию. За эту неделю в общей сложности с французской стороны в Париже погибло 334 человека. Смерть каждого человека – это очень много. Но для справки заметим, что по статистике мирного 1994 года, лишь в июле на дорогах Франции погибло в результате аварий более семисот человек...

Но может, освобождение Парижа – это результат гениальной военной тактики и остается лишь зави-

довать французам, что они научились так воевать, практически без потерь? Как красиво бы все выглядело, если б не одна маленькая деталь: все немецкие боевые части давно покинули Париж и вели ожесточенные сражения с армиями союзников на стратегических направлениях севера Франции. Генерал фон Хольтитц остался в Париже, условно говоря, с ротой пожарной команды. Понятно, что об обороне Парижа не могло быть и речи. Неужели немецкое командование забыло про Париж? Нет, конечно. Согласно тайному приказу Гитлера, при приближении союзников генерал фон Хольтитц обязан был взорвать город и убраться подобру-поздорову. Город был давно заминирован, однако союзники были далеко и генерал фон Хольтитц мог спокойно наслаждаться тонким французским вином.

Восстание в Париже застало немцев врасплох. Очередная глупость немецкого командования? Но с другой стороны, почему немцы должны были ждать этого восстания? Ведь с начала оккупации им так хорошо и вольготно жилось в столице Франции. Кабаре, театры, музыкальные концерты, оперные спектакли, уютные рестораны – все было в распоряжении дорогих гостей. Немецких офицеров специально отсылали с Восточного фронта в Париж, на заслуженный отдых. А непринужденные встречи с творческой французской интеллигенцией? Как-то об этом сейчас не вспоминают. Не вспоминают и о медной табличке, которая была намертво прикреплена к дверям гестапо на улице Лористон, с надписью: «Доносов не принимаем». Разумеется, гестапо в Париже не отлынивало от своих дел, но зачем было особенно себя утруждать, когда местные французские власти были так услужливы и расторопны? Печально знаменитый пример облавы на парижских евреев в 1942 году. Немцы

приказали французской полиции собрать всех взрослых евреев города на зимнем велодроме. Французы постарались, арестовали не только взрослых, но и детей, никому не дали возможность спрятаться. Немцы пожали плечами и увезли всех евреев, от мала до велика, в Германию, в лагеря уничтожения. Так вот, спрашивается: кто мог ожидать, что те же самые исполнительные французские полицейские через два года вывесят на крыше парижской префектуры национальный флаг, символизирующий начало восстания? Как объяснить такую внезапную метаморфозу? Видимо, не поняли немцы изысканной сложности французской души...

Итак, восстание началось 19 августа. Страшные уличные бои потрясли столицу? Ничего подобного. Кое-где возводили баррикады, лениво перестреливались. Шведский консул регулярно сновал между префектурой и немецкой комендатурой, вел переговоры. Каждый день объявлялось перемирие. Понятно, почему восставшие тянули время: ждали танков Леклерка. Но чего ждал немецкий комендант, ведь он мог за эту неделю сто раз взорвать Париж! Неужели до сих пор не ясно, что генерал фон Хольтитц решил с самого начала не выполнять приказ Гитлера? Это к вопросу о роли личности в Истории. Другой бы на его месте, может, и взорвал, и на суде потом оправдывался: я, дескать, солдат, мне приказали... А этот решил: нет, не буду! И с таким же нетерпением, как и восставшие, ждал генерал фон Хольтитц прихода регулярных французских частей, чтоб капитулировать по всем правилам и обеспечить безопасность своему гарнизону, согласно условиям Женевской конвенции. Кстати, в этом отношении генерал фон Хольтитц был не одинок. Я читал рассказ французского ветерана, офицера дивизии Леклерка. В одной деревушке по

дороге в Париж немцы оказали усиленное сопротивление. Французы окружили немецкую казарму и слышали крик: «Я немецкий генерал и не сдамся партизанам и бандитам!». Вперед вышел командир французской части и четко отрапортовал: «Я полковник такой-то, окончил военное училище Сан-Сир, выпуск 32-го года». – «А, – ответил немецкий генерал, – тогда другое дело, яволь!».

В общем, война на Западе если не шла в белых перчатках, то сильно отличалась от войны на Восточном фронте.

Итак, 24-го августа Вторая танковая дивизия генерала Леклерка ворвалась в Париж через Орлеанские ворота и, не сбавляя скорости, прогромыхла до центра города, где пришлось очень сильно притормозить. Немцы? Ну, кое-где еще раздавались одиночные выстрелы, ведь капитуляция была подписана на следующий день. Однако танки были остановлены огромнейшей толпой восторженных парижан, а молодые женщины все норовили влезть на броню. ...Прекрасный финал, как в оперетте: на сцене все танцуют и поют!

Ну если военная победа – опереточная, то значит, и ее герои тоже из оперетты? Нет, герои как раз были настоящие. И танкисты Леклерка готовились не к встрече с очаровательными парижанками, а к жестокому уличным боям. И слабо вооруженные парижские повстанцы предвидели вариант, что с фронта может завернуть в город боевая немецкая дивизия. И тогда? Не повторилось бы в Париже история варшавского восстания? Герои были, в первую очередь, генерал Леклерк и командующий штабом парижского восстания полковник Роль-Танги. Оба понимали, что не надо надеяться на счастливое стечение обстоятельств и промысел Божий, а потому и форсировали события.

Интересно проследить, что стало потом с главными героями освобождения Парижа. Аристократ Леклерк, самый боевой генерал Франции, известный своим независимым характером, после войны очень быстро впал в немилость. Его назначили инспектором французских войск в Северной Африке. По значимости – это даже меньше командующего округом, должность, которую получил лучший советский полководец маршал Жуков «в благодарность» от Сталина. В 1947 году самолет с генералом Леклерком на борту разбился во время песчаной бури. Лишь через пять лет о Леклерке опять вспомнили, посмертно присвоили ему воинское звание маршала, и уж тогда главная улица в каждом французском городе стала носить его имя.

Участник гражданской войны в Испании, боец Интернациональных бригад, глава парижских повстанцев, полковник Роль-Танги рвался на фронт, но его назначили в запасной полк, а потом записали в канцелярские службы. Война с Германией кончилась, началась холодная война. Коммунисту Роль-Танги генеральское звание не светило. В 62-м году его «ушли» в отставку. Только через 50 лет после освобождения Парижа президент Франции вручил полковнику Роль-Танги высший воинский орден – большой крест почетного Легиона.

А теперь еще об одном герое французского Сопротивления, чье имя всплыло только сейчас. В августе 1944 года, перед отступлением из Бордо, немцы заминировали порт. Все портовые сооружения, десятикилометровая набережная с красивейшими зданиями XVIII века, – должны были взлететь в воздух. Бордо спас унтер-офицер немецкой армии, минёр Генрих Штальшмидт. Штальшмидт давно симпатизировал французам, у него был роман с французенкой, он понимал, что война проигра-

на. Зачем же взрывать город? В начале августа он нашел способ связаться с участниками французского Сопротивления. Штальшмидт предложил французам свой план: под предлогом безопасности он отвинтит все взрыватели и запрет их у себя на складе. А французы пускай подожгут склад. Участники Сопротивления не поверили немцу, заподозрили провокацию, предложили встречный вариант: «Вы сами взрываете свой склад, а мы потом вас спрячем». Вечером 22 августа Штальшмидт в последний раз зашел на склад, все приготовил, зажег бикфордов шнур, вскочил на велосипед и пустился в ночь, изо всех сил нажимая на педали. Через три минуты за спиной раздался оглушительный взрыв. Французы сдержали обещание и приняли Штальшмидта в свой отряд Сопротивления. Ему изменили имя, он стал Анри Сальмид. С этим именем в 47-ом году он получил французское гражданство, женился на любимой девушке. Он остался в Бордо, ему нашли работу по специальности – лесным сапером. Но на этом благодарность Франции кончилась. Видимо, по политическим причинам потребовались свои, отечественные Зои Космодемьянские и Александры Матросовы. Бывшие участники Сопротивления, которые отказались взрывать склад, получили награды как спасители города. Генрих Штальшмидт, он же Анри Сальмид, пытался напомнить о своей роли, но в ответ ему посоветовали помалкивать в тряпочку и прочно закрыли все пути продвижения по службе. Его даже не пригласили на празднество, посвященное 50-летию освобождения Бордо. Но к чести французских журналистов, надо отметить, что именно они раскопали эту историю бывшего немецкого унтер-офицера и рассказали о ней на страницах парижской газеты «Журналь дю Диманш».

Сорбонна – славное прошлое?

Парижская Сорбонна – дама почтенного возраста. У дам принято скрывать свои годы, но для Сорбонны – это предмет гордости. Ведь старше нее в Европе только английский Оксфорд и итальянский университет в Болонье. Разных там американских Гарвардов, Стенфордов и Принстонов просим не беспокоиться – они по сравнению с Сорбонной еще лохматые подростки. Между тем, в 1257 году, когда Робер де Сорбонн основал на левом берегу Сены частный колледж, названный его именем, в Париже уже существовали университеты. В них обучали богословию, искусствам, литературе, медицине. До XV века, как и во всей Европе, преподавание шло на латыни. Так бы Сорбонна и плелась в хвосте своих парижских коллег, но как и все смышленные дамы, она оказалась хорошей интриганкой. В смутную эпоху Столетней войны парижские университеты поддержали англичан, а Сорбонна разобралась в обстановке и сохранила верность французским королям. Война закончилась, злопамятные короли перестали субсидировать соперников Сорбонны, и те зачахли. А Сор-

бонна, наоборот, расцвела. Любопытная деталь: название улицы, на которой выросло первое здание Сорбонны, можно перевести двояко – улица Сорванных голов, или улица Головорезов. Я спросил у недавнего выпускника Сорбонны: какое же название более соответствует смыслу? Подумав, он ответил: «и то, и другое».

Действительно, история университета свидетельствует, что там попеременно то сносили головы непослушным и непокорным (слава Богу, не буквально), то отчаянно фрондировали перед властями – студенческая революция 1968 года началась 3 мая в Сорбонне.

Но разве мы сами в своей короткой жизни были последовательны? Как же требовать последовательности от дамы, которая благополучно прожила уже семь с половиной столетий! Во всяком случае, в нужные моменты Сорбонна умела не ссориться с сильными мира сего. В семнадцатом веке могущественный кардинал Ришелье перестроил Сорбонну, расширил территорию университета, и золоченый купол Сорбоннской церкви (теперь купол позеленел от времени) вознесся над Парижем. Последняя кардинальская («горбачевская») перестройка произошла в конце прошлого века, и Сорбонна приобрела сегодняшний облик. Большой амфитеатр на 1128 мест, с фресками «Священного леса» на потолке и статуями Робера де Сорбонн, Ришелье, Декарта, Роллена, Паскаля, Лавуазье в нишах, до последнего времени считался самым большим залом в Париже. Тогда же Сорбонна приобрела свою международную репутацию: иностранных студентов стало больше, чем отечественных.

Практически до мая 68-го года Сорбонна доминировала во французской культурной и научной жизни. Каким образом? Мало того, что независимые профессора сорбоннских университетов, под-

чиненные только ректору, делали все что хотели, они еще, по негласной традиции, председательствовали во всех жюри премиальных и конкурсных комиссий. Даже в период немецкой оккупации, когда правительство Виши потребовало ввести курс истории иудаизма (понятно, под каким соусом!), профессора и студенты Сорбонны дружно бойкотировали эту «науку».

Увы, как обычно бывает, успех становится причиной падения. Судите сами: в 1880 году на факультете литературы в Сорбонне училось три тысячи студентов, в 1951 году – 16 тысяч, в 1968 – 32 тысячи. Где их было разместить? Правда, Сорбонна приобретала подсобные корпуса, открывались филиалы – «Жюссё», «Дофин», Нантер», но все равно с наплывом жаждущих Сорбонна не справлялась.

Плюс – отсутствие конкуренции привело к косности преподавания. Отсюда и взрыв в 68-ом году!

Сейчас непосредственно «Сорбонной» являются III и IV парижский университеты гуманитарных наук. IX парижский университет, где преподают экономику, называется «Дофином». Второй, где преподают право, – «Ассас». Всего Париж насчитывает 13 университетов, включая пригороды – «Нантер», «Версаль», «Кретей». Университеты различаются даже по политической ориентации: «Толбьяк» – левый, «Ассас» правый...

Парижские университеты – государственные. Плата за обучение – чисто символическая. Поэтому на первый курс записывается уйма народу, без всяких экзаменов. Важно в лицее получить степень «бакалавра», то есть аттестат зрелости. Отбор происходит в конце первого курса, по результатам оценок. Статистика примерно такова – на первый курс поступило 1300 человек, а на второй переходят 150, аудитории пустеют. После второго курса

студент получает диплом об общем образовании – «Дог», после третьего – «Лиссанс», после четвертого – «Метриз». С дипломом «Метриз» студент уже считается готовым специалистом. Однако можно продолжать учиться дальше, своего рода аспирантура, и в конце концов – защитить докторат.

В принципе, в парижских университетах можно учиться всю жизнь, оставаясь по многу лет на одном курсе. Яркий тому пример – вечный студент Жан. Богатая тетка завещала ему кругленькое годовое пособие. Племянник имеет право его получать, пока учится. Племяннику недавно исполнилось 60 лет. Заканчивать университет он явно не торопится.

Диплом любого парижского университета – штука полезная, но он потерял престиж старой Сорбонны. Бесспорно, университетский специалист имеет больше шансов устроиться на работу, чем человек без диплома. Однако сам диплом ничего не гарантирует. Как говорят, французы: «это зависит» – зависит от целеустремленности и энергии специалиста, семейных связей, его мобильности. Иногда надо расстаться с парижской квартирой и переехать в глухую провинцию, а на это не каждый отважится. Настоящие, то есть полноценные дипломы, которые практически открывают все двери во Франции, дают лишь «высшие школы», такие, как ЕНА (Высшая административная школа), Высшая политехническая школа, Высшая школа магистратуры (юридическая) или Сан-Сир (военная академия). Вот туда попасть крайне трудно. Сначала надо учиться в университете хотя бы два года, потом на подготовительных курсах, потом сдать очень сложные вступительные экзамены.

Зато впоследствии выпускники «высших школ» становятся технократической и политической элитой, которая правит Францией.

Французская глубинка

Несколько недель этим летом я провел во французской деревне. Потом – в маленьком городке. Место это называется Солонь, департамент в двухстах километрах южнее Парижа. Солонь – не глухая провинция, но то, что у нас в России называется «глубинкой». Можно сравнить с нашей Костромской или Калининской областью. Мало промышленности, много лесов, маленькие речки... Кажется, лавры наших писателей-деревенщиков не дают мне покоя, так и хочется нарисовать сельский пейзаж, но не будем браться за то, что не умеем. Сопонь – раздолье для рыбаков и охотников. Недалеко, правда, Луара, большая река, со своими знаменитыми замками (опять же, по аналогии, наше «золотое кольцо» – Суздаль, Владимир, Ростов Великий). Но это известные туристские маршруты, а Солонь находится в стороне. Деревня, где я жил, располагалась на высоком берегу маленькой речушки Шэр. В середине реки – взрослому чело-

веку по пузо. Однако рыбаки похвалялись, что в Шэре ночью можно поймать даже угрей. Охотно верю, но не пробовал. Впрочем, насколько я заметил, местное население рыбной ловлей не балуется. Местное население в основном возится на своих, будем так называть, приусадебных участках, где произрастают разные ягоды и овощи. Есть и фруктовые деревья, есть и маленькие виноградники. Из живности бродят овцы и куры, то есть кое-что на прокорм имеется. Да, еще одно важное обстоятельство – деревня небольшая, всего двадцать домов, ни клуба, ни сельсовета, ни магазина нет.

Тут у нашего читателя может возникнуть законный вопрос: дескать, как у них там со снабжением? Неужто так же, как в тех глухих российских деревнях, о которых с такой болью рассказал Виктор Астафьев, куда раз в месяц привозят водку и каменные, несъедобные пряники?

Отвечаю: со снабжением дело обстоит еще хуже, ибо ни водку, ни пряников в деревню не привозят. Зато в девяти километрах имеется маленький городок, где есть и булочная, и аптека, и мясная лавка, кафе, ресторанчик, а также огромный супермаркет «Мажор», в котором ассортимент продуктов и товаров такой, что московские ГУМ и ЦУМ могут плакать от зависти. Все, как в парижских супермаркетах, плюс больший выбор местных вин и колбас. Словом, за таким товаром можно протопать девять километров по грязи и бездорожью. Только топать не приходится: деревню с городком соединяет прекрасная асфальтированная дорога, точнее – две: старая и новая. А в каждом деревенском подворье – машина. У хозяина, который нам сдавал домик, их было даже две – грузовичок и советская «Лада». Кстати, «Ладой» он очень доволен. «Вот, говорит, лишь колеса никуда не годились, колеса я

сразу сменил. А так, ничего, уже сто тысяч километров набегала...»

Хибару нам хозяин сдавал неплохую: двухкомнатный домик, с хорошо оборудованной кухней, ванной, туалетом. Но этот дом он соорудил для дачников. Сам жил на другом участке, и его дом, по размаху и отделке напомнил мне генеральские дачи в подмосковном поселке Баковка. Эдакий скромный двухэтажный особняк, с большой верандой, холлом и мастерской на первом этаже. Как рассказывал мне хозяин, чтобы возвести стены дома, ему пришлось нанять рабочих, а все остальное он сделал сам. Запад – я давно это понял – рай для людей, которые умеют все делать своими руками. Нет дефицита строительных материалов, облицовку, сантехнику, строительный инструмент вы найдете в любом большом магазине. Земля в Солони дешевая, участок можно приобрести почти задарма, и хозяин потихоньку, за несколько лет, на скромную пенсию смастерил себе такую «лачугу», стоимость которой теперь потянет за полмиллиона франков. Соседи наши были португальцы. В семье четверо маленьких детей. Глава семьи работал бульдозеристом на каком-то карьере и зарабатывал пять тысяч франков (760 евро) – это самая маленькая зарплата во Франции. Честно говоря, я не знаю, как они сводили концы с концами (правда, жена еще получала государственное пособие по многодетности), но дом у них свой, купленный в рассрочку. Конечно, не такие хоромы, как у нашего хозяина, но вполне приличный. И опять же – огород. Другой сосед все время ездил на крошечном тракторе по своему винограднику, чем-то его опрыскивал. Однако все они деревенские жители, которые подкармливаются со своего участка, но не кормят страну. А где же те, кто кормит? Кто

заваливает Францию таким количеством зерна, фуража, фруктов, овощей, мяса, молока, вина, что их некуда девать, несмотря на большой экспорт? У меня давно сложилось впечатление, что вот эти люди живут не в деревнях, а на своих фермах, посреди своих угодий.

«Владимирские» проселки – извините, проселки Солони – привели меня в городок Сальбри. Сальбри – это районный центр, и жителей в нем больше шести тысяч. На центральной площади Сальбри, где по утрам бывает рынок, стоит бронзовый солдат. На пьедестале выгравированы имена жителей Сальбри, погибших в Первую мировую войну. Имен, наверное, пятьдесят. И еще есть маленькая мемориальная доска с именами погибших во Вторую мировую войну. На ней всего четыре имени. Подобные памятники стоят во всех французских городках, и соотношение числа погибших во время двух мировых войн – примерно то же. Кстати говоря, в Германии я видел много памятников немецким солдатам, погибшим в двух мировых войнах. В Советском Союзе – огромное количество обелисков советским воинам, павшим в Великую Отечественную войну, но мне не встречался ни один памятник русскому солдату, погибшему в Первую мировую войну.

Но вернемся в Сальбри. Итак, что представляет собой французский районный центр? Это два больших магазина типа «Мажор» и штук двадцать маленьких. Несколько гостиниц, три ресторана, десяток кафе, филиалы всех крупных французских банков. Естественно, мэрия, почта, крохотный полицейский участок и жандармерия, в которой я насчитал четырех жандармов. В Сальбри, в отличие от Парижа, очень спокойно, двери не запираются. Кинотеатра в городке нет, видимо, вытеснил

телевизор. Но есть библиотека, есть клуб для молодежи и центр культуры и отдыха. Что касается спортивных сооружений, то есть стадион и бассейн на открытом воздухе. В бассейне купаются и загорают. Предвижу недоуменные вопросы: а что еще делать в бассейне? Не скажите, я вспоминаю, как много лет тому назад я отдыхал на юге Германии, в Шварцвальде. Там был даже не бассейн, а огромный водный комплекс, куда съезжались жители всех ближайших деревень. Так вот, там у меня создалось впечатление, что немцы не столько купаются и загорают, сколько сидят в купальных костюмах за столиками открытого кафе и в основном пьют пиво и едят сосиски. Наверное, бассейн служил местом встречи для всех районных жителей.

В Сальбри есть летний кемпинг для туристов, и там я видел машины с голландскими, английскими и немецкими номерами. Чем привлекает туристов Сальбри? Ведь в городе нет особых развлечений... Наверное, обилием солнца. Сидят туристы из северных стран у своих палаток или караванов и греются на солнышке. Впрочем, в кемпинге я читал объявления: «Организуются экскурсии в охотничьи хозяйства, планируется посещение крестьянской фермы и дегустация козьих сыров». Раз в неделю в Сальбри приезжает или цирк, или развлекательная ярмарка с аттракционами, или же устраивается антикварный салон, или какая-нибудь выставка кошек и собак. Конечно, это не модный приморский курорт, но есть любители и такого рода отдыха.

Вот какова французская глубинка, тихая, уютная, патриархальная. Не слишком ли в розовом свете я ее обрисовал? Спешу добавить несколько капель дегтя. Около Сальбри много лесов, заповедных мест охоты. Но это частные угодья. Колючей про-

волокой они не опоясаны, но висят надписи: «Частная собственность, посторонним вход запрещен». Для поддержания порядка в лесных хозяйствах это, возможно, и хорошо, но я-то привык свободно гулять по лесу. Так что в этом отношении я отдаю предпочтение русской глубинке.

И последнее. Мы снимали дом на окраине Сальбри, на берегу пруда. Все было прекрасно, но с наступлением темноты приходилось плотно запирать окна и двери, ибо на свет непонятно откуда прилетали огромные шершни, которые могли так сильно разжиреть только в глухих дебрях капитализма.

Французская бюрократия

Во все времена советской власти бюрократ был излюбленной фигурой для сатирических перьев. Проходила ли страна период коллективизации или великого террора, войну или хрущевскую оттепель – критика бюрократа (естественно, безликого, из среднего звена) не только разрешалась, но даже поощрялась. Думаю, что те советские вожди, которые хоть как-то верили в коммунизм, искренне полагали, что наступление светлого будущего тормозится – кроме происков врагов народа, кулаков, иностранных шпионов, абстракционистов, «педерасов», диссидентов и отщепенцев – бюрократической трясиной. Рядовой гражданин страны советов уже с малолетства знал, что ему без соответствующей справки или разрешения нельзя ни шагу ступить. Может быть, поэтому в народе родилась великая иллюзия: дескать, бюрократия – наше зло, отечественное, а в остальном мире люди живут беззаботно и беспечно. Вспомним, как герой

повести «Москва-Петушки» представлял себе жизнь во Франции: французы заняты лишь тем, что бегают из борделя в поликлинику и из поликлиники в бордель... Конечно, Веня Ерофеев иронизировал над всем, но я подозреваю, что и ему казалось: Франция («бель-Франс») и бюрократия – вещи несовместимые.

Первыми из наших соотечественников с западной бюрократией столкнулись советские эмигранты. ХИАС в Вене, полугодовое ожидание американской или канадской визы в итальянской Остии или в Ладисполи заставляли думать, что здешняя бюрократическая машина жестче и безжалостнее, чем советская. Дома можно было подмазать, дать на лапу. В ХИАСе – американской организации, занимавшейся репатриацией советских евреев – попытка подкупа закрывала все двери.

Каждый новый американец никогда не забудет свою эпопею переезда на другой континент. Франция же принимала немного, и избранных. Я попал в это число привилегированных. Ни у кого не было сомнений, что мне дадут политическое убежище, однако раз в три месяца все мое семейство с ворохом бумаг проводило целый день в парижской префектуре. Миловидные чиновницы иногда улыбались, но всем видом своим показывали: «Вас много, а я одна!». И это была еще либеральная пора. Нынче получить статус политического беженца крайне сложно. Например, африканский оппозиционер просидел у себя на родине несколько лет в тюрьме, на его теле сохранились следы пыток – так вот, ему надо доказать, что били его в тюрьме не как уголовного, а как политического заключенного, причем желательно предъявить официальную справку, со всеми печатями, а показания свидетелей могут не принять во внимание.

Ладно, эмиграция – это почти всегда грустная и тяжелая история. Зато коренные французы, небось, никогда не слыхали о бюрократии? Если не резвятся в борделе, то наверное, преспокойно посидивают в кафе, потягивая свой абсент?

Чтоб было ясно: в доме у француза несколько ящиков для бумаг. Если он не хочет головной боли и неожиданных неприятностей, он обязан хранить: телефонные счета и квитанции за оплату электричества и газа – три года; банковские бумаги, оплаченные квартирные счета, страховку квартиры и машины – 5 лет; все налоговые бумаги (государственные и городские), медицинские счета, счета за транспорт и рестораны, дающие право на скидку с налога по профессиональным расходам – 10 лет; квитанции о зарплате за каждый месяц, нотариальные бумаги, подтверждающие право на собственность (контракт на покупку квартиры или дома) – всю жизнь.

Я перечислил лишь некоторые бумаги и документы, подлежащие хранению. На полное перечисление всех мне наверное не хватило бы моей статьи. Например, француз должен всегда иметь под рукой так называемую «семейную книжку». В ней зафиксированы его дата и место рождения, имена родителей, даты свадьбы, развода (если такое случилось), даты и место рождения детей, их имена. Последняя страница семейной книжки заботливо оставлена для регистрации вашей смерти. Не смейтесь. Семейная книжка очень пригодится вашим детям при получении наследства. А пока без семейной книжки вы не сможете записать своего ребенка в детский сад или школу, выправить ему удостоверение личности или паспорт, социальную страховку. Горе вам, если вы потеряете семейную книжку, восстанавливать ее – весьма хлопотное дело.

Ушлые французы аккуратно складывают в коробку товарные чеки, которые они получают при покупке мебели, радио- и телевизионной аппаратуры, дорогой верхней одежды. Это еще зачем? А затем, что если вашу квартиру обворуют или, не дай Бог, она сгорит, или ее затопит (лопнули трубы отопления), – страховка вам возместит стоимость испорченных (украденных) вещей по товарным чекам. Если же вы легкомысленно выбросили эти бумажки, вам ничего не останется, как рвать на голове волосы.

Француз имеет удостоверение личности и заграничный паспорт. Удостоверение личности надо всегда носить с собой, его предъявляют, когда выписывают в магазинах чеки, или покупают по кредитной карте, или когда на улице вас останавливает полиция. С удостоверением личности можно ездить по всем странам, входящим в Европейский Союз. Заграничный паспорт – для полетов в Россию, Америку, Африку, Индию и так далее. В заграничном паспорте и в удостоверении личности указан ваш адрес. Однако на него никто не смотрит. Если вам нужна какая-то справка из мэрии, вы должны захватить с собой последние три квитанции о квартплате или три последних счета за электричество и газ. В глазах французской бюрократии только эти бумаги подтверждают ваше местожительство.

Особо хочу подчеркнуть роль квитанций о зарплате. В Советском Союзе их никогда не существовало, делалась запись в трудовой книжке – мол, столько-то времени проработал на таком предприятии, а потом перешел на другое. Во Франции хозяин или фирма вам тоже выдают подобную справку, но эту бумажку в определенных бюрократических инстанциях могут, извините меня, повесить на

гвоздь в туалете. Принимается во внимание лишь ежемесячная квитанция о зарплате, то есть расчетный листок, прошедший через банк, где указано, сколько вы получили, сколько с вас вычли, сколько за вас заплатила фирма на разные социальные нужды и так далее. Француз хранит эти листки аккуратнее, чем семейные драгоценности. Без них вы не получите пособия по безработице, социальной помощи, по ним вам будет начисляться пенсия.

Значит, клевету возвел Веня Ерофеев на добродетельных французов? Не бегают они из борделя в поликлинику и из поликлиники в бордель? Не совсем так. Чтоб бегать в бордель – никаких бумажек не требуется. Когда вы тратите деньги – никто и ничто вам не препятствует. Если вы прибываете с дамой в отель, никто не требует паспорта, подтверждающего, что это ваша жена. Можете поселиться в номере с двумя дамами, никто и бровью не поведет (придется лишь заплатить за дополнительную койку). Разговор о бумажках начинается тогда, когда вы хотите что-то получить от государства. Например, когда вы из борделя направляетесь в поликлинику.

Правда, в поликлинику во Франции никто не ходит, ходят к частным врачам или в госпиталь. Итак, врач вас осмотрел, выписал лекарство, вы ему заплатили, купили лекарство. Теперь надо, чтоб социальное страхование возместило вам ваши расходы (нет во Франции дураков, которые жили бы без социальной страховки, разве что несчастные бездомные, клошары и нелегальные эмигранты). Вы являетесь в соответствующую контору, а там спрашивают: где ваша карта социального страхования? Просрочена? Тогда несите последние квитанции квартплаты, счета за газ и электричество и расчетные листки с работы за последние два года. Ах, бо-

лели не вы, а ваша жена? Почему ее имени нет в семейной книжке? Вы не расписаны? И закручивается бумажная карусель, которой нет конца.

Миллионы французов получают пособие от государства. Франция помогает малоимущим семьям, матерям-одиночкам, инвалидам, студентам, безработным и вообще людям, у которых нет никаких средств к существованию. Материальная помощь – это хорошо. Однако получать пособие – тоже своего рода профессия. Надо постоянно заполнять анкеты, досылать требуемые бумаги, приходить на собеседование. Забудешь какую-нибудь справку, или компьютер что-то напутает, или чиновница положит вашу квитанцию не в ту папку (а такое, увы, бывает) – беда, пособия вас лишают моментально, возобновлять его – долгая история.

Впрочем, иногда французская бюрократия преподносит приятные сюрпризы.

...Хлопотал я о государственной квартире для моих родственников, которых с огромным трудом вытаскил из Москвы в то время, когда это было совсем невозможно. Вообще-то я им снял квартиру неподалеку от себя, в пригороде, но потом закрыли мой отдел в парижском бюро «Свободы». Я безработный, мне уж не поступает зарплата. И я боюсь: кончится контракт на их квартиру, потребуют с меня опять расчетные листки о зарплате, на основании которых заключается контракт, а у меня их больше нет. Знаю, что когда-то мэр Парижа Жак Ширак давал квартиры диссидентам, но нынче диссиденты не в моде... Короче, пишу письмо Шираку, прикладываю газетные вырезки, в которых, между прочим, отмечается, что и сам Жак Ширак помогал моим родственникам выехать из СССР, и с сопровождающей запиской влиятельного деятеля из ширакской партии (РПР) отправляю письмо в париж-

скую мэрию. Ответ приходит от управляющего делами парижской мэрии, который уверяет, что письмо мое принято благожелательно и, дескать, он будет счастлив мне сообщить и т.д. Проходит год. Видимо, нет счастья у управляющего, нечего ему мне сообщить. Добрые люди советуют: действуй через ширакскую партию. Пишу письмо генеральному секретарю РПР Аллену Жюппе. Мне звонит его помощник, назначает встречу.

Приношу с собой папку со всеми бумагами, касающимися этой истории, и среди них – письма товарища Аллена Жюппе ко мне. Дело в том, что по каким-то причинам я давно попал в их картотеку, и они мне присылали свои предвыборные программы и просьбы о финансовой помощи. В свою очередь, я отправлял в кассу партии и маленькие чеки, на что регулярно получал благодарственные письма за подписью Аллена Жюппе. Но эти письма я решил не показывать. Некрасиво, думаю, получится: поддерживал партию по идейным соображениям, а теперь квартиру требую. Словом, сижу я у помощника Аллена Жюппе, рассказываю ему все дело, он вертит в руках газетные вырезки, вздыхает: «Да, благодаря таким людям, как вы, Запад выиграл «холодную войну», но сейчас... Я вам сочувствую. Хотя, одного не могу понять: почему вы пришли именно в нашу партию?».

Я вижу –дохлый номер, раскрываю свою папку, собираю со стола газетные вырезки, а помощник случайно заглядывает в мою папку, и глаза его загораются: «Это что за бумаги?» – «Это, отвечаю, никому не интересно». – «Нет, говорит, интересно!» – он-то узнал печати своей партии, и буквально выхватывает письма Аллена Жюппе из папки. Листает их и удивленно повторяет: «Оказывается, вы – меценат нашей партии. Вы помогаете нашей

партии». Потом смотрит на меня и во взгляде его читается: «Идиот, с этого и надо было начинать!».

Далее произошел оживленный обмен письмами между секретариатом партии и парижской мэрией, в результате чего мои родственники получили государственную квартиру в новом доме в одном из лучших районов Парижа.

Но копии этих писем, которые мне пересылали, я на всякий случай храню в той же папке – мало ли что, французская бюрократия...

Выживет ли французское крестьянство?

Несмотря на все государственные и национальные различия, телевидение все больше становится единым и интернациональным. Миллиарды людей на всем земном шаре видят одни и те же кадры: умирающих от голода стариков, детей и женщин в Сомали и Судане, филиппинских детей, роющихся в мусорных свалках в поисках еды – и в то же время, многотонные грузовики вываливают на французские автострады первосортную картошку, движение блокируется на отрезке нескольких километров, невозможно проехать по картофельной каше. Еще один кадр: рыбаки Бретани сделали налет на рыбные ряды самого крупного оптового рынка во Франции «Ранжис», что под Парижем, – разбиты, растоптаны тысячи ящиков с экспортной рыбой, лангустинами, моллюсками... «Мир сошел с ума», – вздыхает ошарашенный обыватель и переключает телевизор на какой-нибудь полицейский детектив: перестрелки, драки, голо-

вокругительные автомобильные погони – все-таки как-то привычнее и спокойнее.

Сослаться на всеобщее сумасшествие проще всего. Действительно, как-то странно: десятилетиями международные валютные фонды помогали африканскому континенту, а в результате во многих африканских странах голод, которого никогда не было при проклятом колониализме. Правда, африканские лидеры разъезжают в роскошных «мерседесах», а их счета в швейцарских банках округляются, но это уж другой разговор. Или взять хотя бы бывший Советский Союз. Ну да, конечно, Сталин душил деревню, но потом, во времена так называемого застоя, миллиарды рублей, тогда еще вполне весомых, вкладывались в сельское хозяйство, в агропромышленность – и все это как в болоте потонуло. Страна, когда-то кормившая всю Европу, не может выжить без импорта сельскохозяйственной продукции. Ни колхозы, ни совхозы, ни фермерские хозяйства – ничто не спасает. Почему? Об этом много пишут в российской прессе, но факт налицо: не работает система, точнее, не работает деревня.

Между прочим, на благополучном Западе сельское хозяйство тоже обходится в копейчку (в доллары, в марки, франки). В Америке из государственной казны, то есть за счет налогоплательщика, платят премии фермерам, которые сокращают количество обрабатываемых земель. В Голландии молочные хозяйства, уменьшающие свою продукцию, получают дотацию. В Германии тоже финансово поощряется сокращение сельскохозяйственного производства. Ну а во Франции если крестьянин превысил квоту, то есть собрал большой урожай зерновых или кукурузы, овощей или фруктов, перекрыл норму по производству мяса и молока, – его штрафуют.

Парадокс, да и только! Во многих странах Третьего мира и на развалинах советской империи правительства мучаются над проблемой – как заставить крестьянина вкалывать? На Западе иные заботы: как бы такое придумать, чтобы крестьянин сидел подольше, сложа руки.

Кажется, так просто одним взмахом руки разрубить все эти противоречия: разрешите западным крестьянам работать столько, сколько они хотят, пусть завалят зерном, фруктами, овощами и мясом весь мир. Исчезнет голод, падет детская смертность, сгладятся социальные противоречия. Кому это мешает? Прекраснейшая, гуманная идея! Все народы мира стоя должны ей аплодировать! Остается только один маленький вопрос: кто за это будет платить?

Увы, мировая экономика сложна и противоречива. Нам, неспециалистам, не понять всего. Однако приведу наглядный пример. Вот сегодня, в очередной раз, показали по телевидению, как один французский крестьянин выбросил на землю тонны отборных яблок. Яблоки – пальчики оближешь. Свой поступок крестьянин объясняет так: в целом, чтобы вырастить каждый килограмм яблок, он затратил три с половиной франка. Все эти годы оптовая цена держалась на уровне пяти франков за килограмм. Сейчас, в связи с исключительным урожаем яблок во Франции, оптовая цена упала до двух с половиной франков. То есть каждый килограмм ему в убыток на один франк. А в его саду созрели десятки тонн яблок. Поэтому, чтобы окончательно не разориться, ему выгоднее яблоки выбросить, а не продавать.

Почему бретонские рыбаки устроили настоящее сражение с полицией и разгромили прилавки в «Ранжисе»? Рыбный экспорт стран, не входящих

в Европейский Союз, больно ударил им по карману. Месячный заработок французских рыбаков опустился до двух тысяч франков, в два раза ниже официальной минимальной зарплаты. Конкуренты – рыбаки Африки, Южной Америки, Польши, России. И впрямь, африканский рыбак счастлив, если ему в месяц заплатят сто долларов, то есть пятьсот пятьдесят франков. Для него это неслыханное богатство. А во Франции на две тысячи франков в месяц не проживешь.

И получается, что с одной стороны, свободный рынок выгоден для потребителя (низкие цены), а с другой стороны приводит к безработице, падению производства и в конечном итоге – к большим социальным расходам для государства. Не случайно, все громче раздаются голоса, требующие огрadyть пространство Европейского Союза таможенными барьерами. Европа боится, что она не выдержит конкуренции с развивающимися странами Юго-Восточной Азии, где зарплата в десять раз ниже европейской, или с Китаем, где до сих пор используется труд заключенных, то есть практически бесплатный.

Но вернемся к французским крестьянам. Кроме экономических и социальных аспектов, есть еще проблемы чисто человеческие. Численность крестьянского населения в стране сокращается из года в год. Старики уходят на пенсию, молодежь уходит в город. А ведь профессия крестьянина наследственная: навыки, опыт, если хотите, понимание своей земли передаются из поколения в поколение. Мне, например, доставляет удовольствие слушать, как винодел рассказывает об особенностях своих виноградных лоз, и почему этот виноград дает вино высшего качества, а рядом, на косогоре, – весьма среднего. Или хозяин молочной фермы, специ-

ализирующий на изготовлении особого фирменного сыра, приоткрывает некоторые тайны своего мастерства: в сырную смесь добавляется трава, которую только он один знает, где искать, а каменные формы для сыров достались ему от его прадеда – прадед понимал, какой камень лучше. Если по каким-то причинам закроет фермер свое хозяйство – исчезнет уникальный сорт. И так во всех крестьянских профессиях. К тому же, практика показывает: пришлые люди, то есть люди, приехавшие из города и купившие ферму, чтоб заняться крестьянским трудом и заработать, как правило, на земле не задерживаются, у них ничего не получается.

Выбить крестьянина с его земли, нарушить преемственность поколений довольно просто. А вот когда приходит пора восстановить крестьянское хозяйство, то это задача почти невыполнимая. Я убежден, что все беды России оттого, что во время коллективизации трудовое крестьянство было уничтожено как класс. Сгинули народные умельцы на рудниках, лесоповалах, на так называемых комсомольских ударных стройках, а теперешний колхозник, у которого вся современная техника под рукой, каких-то тайн земли не знает. Или не хочет знать.

Сейчас в России модно кичиться своим дворянским происхождением. Я из крестьян, все мои предки по отцовской линии жили в Калужской губернии. Гладилины – фамилия довольно редкая, но в Сухиничском районе есть деревня, где почти все – Гладилины. Моего отца в семнадцатом году из деревни забрали в царскую армию, потом он стал красным конником, был тяжело ранен, ему ампутировали ногу. Возвращаться инвалидом в деревню бессмысленно. Отец был очень одаренным человеком, он окончил рабфак, университет, работал на

разных должностях, был даже заместителем наркома, потом вернулся к своей первой профессии – юриста. Но это уже другая история, и рассказываю ее потому, что когда волею обстоятельств было выбито из поколений одно звено, то я, внук и правнук крестьянина, даже не представляю себе, как бы я мог вернуться к крестьянскому труду. И не только в России, где ныне стать фермером – равно подвигу, а во Франции, где все налажено, где все под рукой, если бы мне подарили земельный участок, я бы наверно даже огород не смог вскопать – потеряны навыки, утрачен интерес.

Много лет я живу во Франции и все эти годы слышу, читаю и вижу: крестьяне устраивают демонстрации, бьют стекла префектур, перегораживают автострады, выливают из цистерн импортное дешевое вино, жгут туши новозеландских баранов, дают марокканские помидоры, – в общем, всячески безобразничают. И почему-то полиция на это смотрит сквозь пальцы. Более того, большинство французов сочувствуют крестьянам, хотя, казалось бы, странно: ведь все эти товары по дешевым ценам предназначались массовому французскому потребителю. Разумеется, крестьяне могли бы прибегать к более цивилизным действиям, разумеется, присутствует некий элемент анархии, разумеется, от конкуренции нельзя слепо ограждать – надо как-то приспособливаться к открытому рынку. Все это так. Однако в главном крестьяне правы: доступными им средствами, пускай, несколько архаическими, они борются за свое выживание. И Франция это понимает. Ведь французское крестьянство, крестьянское сословие – национальное богатство страны. Утратить его – не дай Бог...

Какие девочки в Париже?

«Какие девочки в Париже, Боже мой! Какие девочки в Париже, просто сказка!» – написал 30 лет тому назад товарищ Евтушенко, а до него (и после него) примерно в тех же восторженных выражениях писали разные мистеры, милорды, герры, сеньоры и другие серьезные господа из разных стран, занимавшие не последнее место в мировой литературе. Между прочим, старая русская пословица – «Париж, Париж, приедешь-угоришь», – подразумевала, что в Париже можно сойти с ума не из-за обилия музеев и памятников архитектуры. Когда (уж не помню, при каком российском императоре) дворянских сынков стали посылать в Париж для повышения, так сказать, их культурного уровня, то притягательная сущность Парижа была сформулирована фразой из одного частного письма, ставшей классической: «Продай, мама, лебедей, вышли денег на...» Несколько грубовато, но зато открытым текстом. В общем, у Парижа есть определенная ре-

путация, и французы этого не стыдятся. Более того, как мне кажется, они это умело используют.

Например, после того как немецкие генералы в первой франко-прусской войне вчистую разгромили великую французскую армию, слывшую со времен Наполеона непобедимой, то тогда, по идее, если не столица мира, то столица Европы должна была бы переместиться из Парижа в Берлин. Однако этого не случилось, потому что парижанки на эстрадах кабаре стали танцевать новый танец, задирая юбки – знаменитый «канкан». На этот неожиданный и коварный ход французской стороны железный канцлер Бисмарк так и не нашел ответа. Первенство осталось за Парижем. И впрямь, кого сейчас интересуют итоги войны 1870-1871 годов? Зато канкан по своей революционности стал событием, сравнимым разве что со взятием Бастилии.

Для советских людей (для тех счастливиц, которым разрешали заграничные поездки) Париж был городом классовых битв, международных конгрессов, музея классической живописи – Лувра и Стены парижских коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Правилom хорошего тона считалось описывать свои впечатления от посещения квартиры Ленина на улице Мари-Роз, хотя наиболее передовые деятели культуры отваживались упоминать и музей импрессионистов, и даже Пикассо, о живописи которого можно спорить, зато сам он – член французской компартии. И на этом фоне всеобщей благопристойности, в порыве отчаянной смелости, Евтушенко воскликнул: «Какие девочки в Париже!». На мой взгляд, именно эта строчка и принесла ему всесоюзную славу.

...И вот поздним вечером, после дня, насыщенного культурными мероприятиями (Лувр, музей Родена, посещение редакции газеты «Юманите»),

мы поднимаемся по темным, узким улицам в сторону Монмартра. Нам удалось оторваться от «хвоста» – из определенного ведомства – и от наших литературных стукачей. Мы свободны. Куда же мы так целеустремленно держим путь? Конечно, на пляс Пигаль. Наконец мы на этой таинственной, манящей площади, где через каждые десять метров стоят юные и не очень юные создания в коротких юбчонках, где в барах сидят девушки вообще чуть ли не в чем мать родила, а швейцары у сияющих рекламой дверей зазывают на стриптиз. Впрочем, нас не трогают; каким-то непостижимым образом многоопытный глаз швейцара определяет, что мы – советские, а с советских что взять? У них не только на девочку, не только на вход на стриптиз, да просто чтоб кофе выпить в кафе нет денег. Тем не менее, побродив по площади и в окрестностях часа два, мы возвращаемся довольные и полные впечатлений. Было это почти сорок лет тому назад, когда я в составе советской делегации впервые приехал в Париж.

Ну хорошо, у меня, двадцатилетнего парня, и, как потом писали в характеристике, «морально нестойкого», интерес к пляс Пигаль был естественным. Однако мои спутники были солидными писателями, прошедшими войну... Сейчас невозможно представить, что когда-то они были способны на подобные шалости. Так нет, как видите, поперлись на Пигаль. Вы ждете от меня именина? Их я никогда не назову – ни под пытками гестапо, ни в камерах Лубянки. Кто знает, как это им отзовется, и потом я верен былой мужской корпоративности.

Когда в эмиграции я встречался со своими советскими друзьями (и это тоже были «имена», простых работяг с завода «Красный пролетарий» в Па-

риж не пускали), так вот, угадайте, куда они просили их повести в первую очередь? Правильно, угадали, в мемориальную квартиру Ленина! Мне могут возразить – «ну да, для советских это был запретный плод, поэтому их так туда и тянуло, а вот для людей из нормальных стран...» Признаться, я тоже так думал, пока не встретился в Париже с моим давним знакомым, дипломатом из американского посольства в Москве. Он был с женой, возвращался из Москвы в Вашингтон, на повышение. Ну, показав я их по городу, показал все культурные достопримечательности, и вдруг слышу: «Повезите нас, пожалуйста, на Пигаль!». От удивления я чуть не врезался в грузовик. Спрашиваю: «Советские интересуются – это ясно, а вы-то чего там не видали?». Несколько смущенно супружеская пара отвечает: «У нас не то. И потом Вашингтон – маленький город». Спустя много лет, будучи в Вашингтоне, я понял: действительно, если чиновника из Госдепартамента заметят на 14-й стрит, то могут сделать определенные оргвыводы.

Работая на американском радио и озверев от сплошных политических программ, я много раз предлагал начальству: «Давайте я сделаю репортаж с пляс Пигаль. Держу пари, во время трансляции этой передачи советские глушилки чудесным образом умолкнут...». Начальство посмеивалось, но разрешения не давало. Как видите, высокую мораль блюдут не только советские, но и американские чиновники. Это теперь, когда на каждую валютную проститутку приходится по три статьи в московской прессе, ранее запретную тему можно обсуждать и по западным радиоголосам.

Вроде бы русским эмигрантам, ставшим коренными парижанами, есть что поведать о парижских девочках. Наверно. Но это – опять выдавать чужие

тайны. Впрочем, об одной истории я могу рассказать, уж слишком она известна. Писатель Виктор Платонович Некрасов, царство ему небесное, как-то подошел к девочке, стоявшей на Пигали, спросил, сколько она берет, заплатил, а потом сказал, что, мол, глупостями я заниматься не буду, лучше приглашу тебя в кафе на кружку пива. Дама пожала плечами, согласилась. Сидят они в кафе, Некрасов (русская писательская любознательность, инженер человеческих душ) задает вопросы, дама охотно отвечает – «вон, дескать, какое тяжелое житье-бытье», но через двадцать минут дама деловито взглянула на часы и сказала, что если месье хочет продолжать беседу, то пусть платит еще. Виктор Платоныч остался в кафе допивать свое пиво, а дама вернулась на боевой пост, наглядно продемонстрировав, что для парижских девочек время – деньги.

У парижских девочек (вы понимаете, кого я имею в виду) есть свой профсоюз, и они иногда устраивают забастовки. Их даже приглашают на телевидение – так сказать, для обсуждения насущных проблем, – и некоторые из них утверждают, что довольны своей жизнью. А другие, когда журналисты их подбадривают – «мол, вам нечего стыдиться, профессия как профессия», ехидно отвечают: «Вот вы бы обрадовались, если бы ваша жена или дочь вышли на улицу?». Как правило, после такой реплики журналисты надолго замолкают.

Проституция во Франции не запрещена. Запрещено сутенерство. В принципе, девочка не имеет права зазывать клиента, но если она стоит на улице и, стреляя глазками, крутит в руках ключи, кто же ей помешает? Свобода. Серьезно дебатировался вопрос, чтобы опять открыть во Франции дома терпимости, но против этого сомкнутыми рядами выступили заинтересованные лица – сами девочки.

И довод их такой: «На улице я сама хозяйка, – с кем хочу, с тем и иду; а в заведении патрон (или патронша) заставит уболажать любого клиента, и это, мол, будет ущемление моей личной свободы». Проект не прошел. Во Франции личную свободу уважают.

Бесспорно, проституция во Франции превратилась в целую индустрию. Но об индустрии зрелищ и удовольствий я расскажу в следующем письме из Парижа. А пока попытаюсь ответить на вопрос, с которого начал: «Какие девочки в Париже?». Разные. И разного возраста, и далеко не девочки. И по моему впечатлению, на улицах в так называемых «горячих кварталах» стоит вторая или третья сборная. А «первая сборная» – это манекенщицы, продащицы в дорогих магазинах, натурщицы для рекламных моделей, просто студентки, просто ваши соседки в метро и в автобусе – словом, обыкновенные парижанки, к первой древнейшей профессии отношения не имеющие. Одеты они по-разному, но все им идет, и держатся они очень свободно и уверенно. Возможно, они склонны к флирту, готовы на легкий роман, возможно, в искусстве любви они дадут сто очков вперед профессионалкам. Увы, лично я не знаю, не проверял. Дело в том, что второй раз в Париж, уже на постоянное жительство, я прибыл в том возрасте, о котором точно сказано: «Желания почти угасают, зато нравственность стремительно растет...».

Индустрия развлечений и удовольствий во Франции

На проклятом Западе, где, как известно, продается все то, что покупается, было бы странно, если бы на развлечениях не делали бизнес. И во Франции развлечения, связанные с женщинами, действительно стали и индустрией, и бизнесом. Ну, во-первых, реклама. Даже плакаты в аптеках больше смахивают на эротические картинки. О телевизионной рекламе и говорить нечего: о чем бы ни шла речь – стиральный порошок, сыр, автомашина, бурильный станок, – присутствие полуголой бабы обязательно. Причем, степень обнаженности женского тела бьет все рекорды. По сравнению с французской, реклама на американском, немецком или голландском телевидении – унылое пуританское зрелище. Во-вторых, бизнес, связанный с проституцией, можно сказать, в традициях Франции. В одном письме из Парижа я уже упоминал, что во Франции проституция не запрещена, запрещено сутенерство. Новоявленные питерские

и московские рэкетеры, берущие с девочек дань, всего лишь копируют нравы преступного западного мира. Во Франции с сутенерством усиленно борются, но с переменным успехом. Одна из самых удачных операций французской полиции была проведена несколько лет тому назад в Гренобле. Большую банду сутенеров удалось засадить за решетку только потому, что четыре девочки отважились выступить на суде. Однако у преступного мира свои законы, и первый из них сурово карает тех, кто нарушил обет молчания. Героинь процесса пришлось перевезти на север страны, им изменили документы, сделали пластические операции. Их обучили новой профессии, нашли работу, кажется, пошла иная жизнь. Увы, в интервью с одной из героинь Гренобля (интервью в газете было, естественно, под псевдонимом) женщина призналась, что до сих пор боится быть узнанной. И ее можно понять. Не в силах французское правительство приставить к каждой бывшей проститутке вооруженного полицейского для пожизненной охраны.

Вернемся к легальному бизнесу. В «горячих кварталах» Парижа (в окрестностях площади Пигальи и на улице Сен-Дени) масса маленьких магазинчиков – «секс-шопов». В них можно приобрести любую порнографическую литературу и открытки, в индивидуальной кабинке посмотреть фильм, который демонстрирует все способы любви. На Пигалии вас по-прежнему зазывают на стриптиз и даже обещают показать половой акт в натуре. И есть специальные кинотеатры, где крутят только порнографические фильмы. Причем, по два фильма за цену одного входного билета, а входной билет – дешевле, чем в нормальном кинотеатре, куда вы можете привести ребенка до 13 лет. Но странное дело: у входа во все эти заведения не видно скопле-

ния народа. У меня вообще впечатление, что посетителей там – раз, два и обчелся. Почему?

...Помнится, в Советском Союзе нам рассказывали историю про шведов, которые тогда переживали «сексуальную революцию». И вот швед сидит в кинотеатре и смотрит фильм, в котором все дозволено. На экране сцена профсоюзного собрания – швед внимательно следит за происходящим, активно переживает. А вот другая сцена, в постели, и все крупным планом – швед начинает зевать, морщиться и закрывает глаза. Слушая эту историю, мы закатывались в приступах хохота: глупые шведы!

В первый год своей жизни в Париже я решил посмотреть порнографический фильм. А как же иначе, я же писатель, должен познавать жизнь! Мне повезло: в картине был какой-то сюжет, и за развитием сюжета я следил с некоторым интересом. А вот при крупных планах на экране вел себя в точности, как швед. Собрав всю свою силу воли, я через какое-то время второй раз пошел на порнофильм. Мне не повезло: сюжета не было, показывались сплошные крупные планы, и я ушел с половины картины. Извините, было противно. И еще такая подробность: в зале, кроме меня, присутствовало человек восемь.

В чем же дело? Я думаю, что сексуальные зрелища, когда они доступны, когда они на каждом углу, когда они просто физиологические картинки, а не искусство, быстро надоедают. Убежден, что каждый француз несколько раз в своей жизни сходил на порнофильм или на стриптиз, а потом напрочь забыл туда дорогу. И если эти заведения в Париже как-то сводят концы с концами, то только благодаря туристам, приезжающим из стран, где порнография запрещена. А вот эротический фильм – «Эммануэль», – в меру глупый, в меру развлекательный,

слащавая сказка с красивой бабой и экзотическими путешествиями – много лет не сходил с парижских экранов, и даже с главной героиней Эммануэль снимали следующие серии. Видимо, авторы фильма нашли какую-то золотую середину.

Итак, откровенный секс, откровенная порнография в Париже не пользуется успехом. Зато вечером, когда открывают свои двери знаменитые парижские кабаре – Лидо, Фоли-Бержер, Мулен-Руж, в ближайших кварталах возникают чудовищные автомобильные пробки. Огромные автобусы с иностранными туристами перегораживают все движение. Высыпавшие из автобусов японцы, американцы, немцы, итальянцы штурмовыми колоннами устремляются в кабаре. В Лидо, в Мулен-Руж, в Фоли-Бержер почти всегда аншлаги, а ведь билеты туда стоят недешево, кажется, 550 франков на человека, если с ужином, и 250 франков, если без еды и всего лишь двумя бокалами шампанского. В самое же фешенебельное парижское кабаре – «Крэзи Хорс» («Сумасшедшая лошадь») – билетов вообще не достать, их надо бронировать заранее. Кстати, к вопросу о девочках в Париже, – во всех парижских кабаре, знаменитых и менее знаменитых, на эстраде, конечно, «первая сборная». На зарплату для красоток не скупятся, тут если сэкономишь – то прогоришь. Что же касается «Крэзи Хорс», то там в ансамбле лишь одна француженка, остальных див пригласили из Скандинавии, Америки и даже из Австралии.

Чем же привлекают кабаре? Простите за банальную истину – профессионализмом и исполнительским мастерством артистов. Для солисток, для танцовщиц из кордебалета мало быть красивой и уметь оголять свои формы – нужна физическая подготовка, как у звезд спортивной гимнастики,

и балетная школа, возможно, не хуже, чем советская. И если просто задирать повыше ноги да раздеваться, то публика быстро заскучает. Зрелище надо подать с выдумкой, разнообразить номера, придумать сюжет.

Был я недавно с московской гостьей в «Паради латен». Это, будем так говорить, кабаре среднего класса. Тем не менее, когда мы пришли, нам с трудом нашли места в зале, хотя день был будний. На балконе места пустовали, но и они заполнились, когда начался спектакль. Перед спектаклем кормили ужином, в проходах между столиками сновали ловкие, быстрые официанты, перед сценой играл маленький оркестр и солист пел популярные песенки 40-50-х годов – тоже характерный штрих. Ретро сейчас входит в моду, и потом, замечено, что посетители кабаре (а они, как правило, иностранные туристы) – люди пожилые. Певец пел на разных языках, публика подпевала, и амбьянс в зале стал почти семейным. Не успела публика подчистить тарелки, как официанты мигом переоделись и вышли на эстраду уже в качестве статистов балета.

Итак, началось само представление, появились девочки, которые то одевались, то раздевались, но это было как-то между прочим, по ходу действия, а музыкальные сцены разыгрывались из итальянской, французской и американской жизни. Например, карнавал в Венеции, фаворитки короля Людовика Четырнадцатого, салун на Диком Западе... В перерывах пела знаменитая певица, выступали артисты цирка, и весь вечер не сходил с эстрады конферансье – мастер на все руки: он и политический анекдот расскажет, и фокус покажет, и песенку споет. И постоянный контакт с публикой. Откуда конферансье узнал, это его тайна, но вот он объявляет: «У нашей гостьи из Шотландии сегодня день

рождения!». Изумленная гостья извлекается на эстраду из-за столика, конференсье с ней любезничает, танцует, преподносит подарок. Другая неожиданность: «В зале присутствуют, – говорит конференсье, – мистер и миссис такие-то из Австралии, которые совершают свое свадебное путешествие!». Молодожены поднимаются на сцену, зрители расстроганы. Разумеется, конференсье не телепат, и наверно, у него какие-то связи с гидами туристских групп, пришедших в кабаре, но я подчеркиваю сам факт: артисты кабаре не просто отрабатывают свои номера, а заранее готовятся ко встрече с залом. И во всех кабаре ведущие приветствуют посетителей на их родном языке. Помню, лет двенадцать тому назад в большом зале «Казино де Пари», перед концом представления (а заканчиваются они всюду и всегда традиционным канканом) Лин Рено, звезда французского мюзик-холла, выкликнула в публику: «Есть ли тут американцы?». – «Йес!» – дружно отвечала четверть зала.

«Есть ли немцы?» – «Яволь!» – ревели первые ряды.

«Итальянцы, испанцы, португальцы, шведы, японцы, голландцы, алжирцы, марокканцы?» – кажется, перечислила она все страны, включая Габон и Индонезию – и все время кто-то откликался. Но вот русских Лин Рено не упомянула. И имела на это все основания. Представители второй сверхдержавы мира тогда в кабаре не появлялись, это считалось неприличным.

Сейчас же в зале «Паради латен» конференсье тоже производил переключку по национальностям, перечислил, наверно, тридцать стран, и вдруг кто-то из артистов (недавних официантов) его подтолкнул, он повернулся к соседнему с нами столику и сказал на русском языке: «Приветствую россий-

ских друзей!». Четверо мужчин за этим столиком, в одинаковых серых костюмах и строгих галстуках, несколько оторопели, но потом чинно кивнули...

В свете последних событий, не позавидуешь артистам кабаре. Видимо, в скором времени им придется заучивать приветствия и по-литовски, и по-латышски, по-эстонски, по-украински, по-белорусски, на молдавском, на грузинском, азейрбаджанском, армянском, узбекском, таджикском, и кто знает, на каком еще языке. Вдруг Каракалпакия тоже захочет отделиться?

Ловушки Парижа

Однажды, в блаженные времена застоя, член политбюро, Андрей Павлович Кириленко собрал в ЦК совещание главных редакторов центральных газет и журналов. Среди прочих ценных указаний, товарищ Кириленко произнес мудрую фразу: «Надо всячески пропагандировать социалистическое соревнование, будить инициативу масс. Другого способа развития экономики у нас нет». Даже ко всему привыкшие главные ошарашенно переглянулись, но вернувшись в свои руководящие кабинеты, начали бодро проводить очередную директиву партии в жизнь. Как известно, никакие припарки мертвому телу не помогли, советская власть рухнула. И тогда вдруг, на просторах Родины чудесной, развернулся новый вид социалистического соревнования: кто кого больше обманет, кто кого искуснее обьегорит! Инициатива масс забила ключом, талантливый народ-самородок изо-

брел тысячу способов, как отнимать деньги у ближних, не входя в особые противоречия с Уголовным Кодексом. О тысяче-первом способе недавно рассказала газета «Неделя».

...На одной из московских палаток появилось объявление: «Фальшивые деньги не возвращаем». Покупатель торопится, разные надписи ему читать некогда, он протягивает продавщице крупную ассигнацию, а та ее рассматривает на свет, с чем-то сличает и говорит: «Ваша банкнота фальшивая». Покупатель в крик, продавщица непреклонна. Тогда покупатель требует вернуть ему кровные денежки. А продавщица в ответ: «Не имею права! Нам фининспекция приказала изымать фальшивые купюры. И вообще, прочтите объявление перед вашим носом. Мы предупреждали». Покупатель грозит милицией, но во-первых, пойдя нынче найди милиционера, а во-вторых, продавщица не советует – дескать, вас же самого отведут в отделение за связь с фальшивомонетчиками. И потом покупатель понимает, что у продавщицы припасена фальшивая ассигнация, как доказать, что она не твоя? Короче, высказав в крепких выражениях все, что он думает по этому поводу (благо, у нас теперь свобода слова), покупатель отправляется восвояси, а продавщица выбирает очередного лоха и ждет с нетерпением, когда ей торжественно вручат «переходящее красное знамя» как лучшей по профессии...

И вот каким-то чудом вы оказываетесь в Париже. На неделю, на две недели – не важно, главное, что вам хочется поскорее забыть все российские ужасы и мерзости. Взглянуть на Джоконду и Венеру Милосскую, на роденовского «Мыслителя», побродить по узким улицам Латинского квартала, постоять у лавок букинистов, восхититься витражами

Нотр-Дама, обменяться с прохожими приветливой улыбкой – зажмурившись, нырнуть с головой в особую атмосферу Парижа, праздника, который всегда с тобой. Именно в таком состоянии полной эйфории шествует по Елисейским Полям мой брат со своим сыном – сияет солнце, сверкают витрины, длинноногие, загорелые девицы щеголяют почти полным отсутствием юбок, – и лишь я, старый зануда, своим брюзжанием – «в Париже полно карманников, держи ухо востро!» – порчу брату весь праздник. В Москве брат – большой начальник, в его подчинении 140 человек, привык внимательно выслушивать каждого, но тут явно его терпение лопается.

– Ты нас привез на Елисейские Поля, – говорит он мягким голосом, – все, спасибо, поезжай по своим делам. Мы сейчас обменяем доллары и будем шляться целый день по городу.

– Где ты хочешь менять? – спрашиваю я злым шепотом.

– Как где? – удивляется брат. – Здесь обменные пункты на каждом шагу. Например, этот..

Брат решительно направляется под аркаду, где над полированным прилавком надписи на нескольких языках: «шанж», «чейндж», «камбио». Мужик за прилавком, типичный банковский клерк (несмотря на жару, в светлом костюме, в рубашке с галстуком) расплывается в подобострастной улыбке. Брат изучает курс валют. Я наблюдаю. Но почему-то обменный курс похож на таблицу Менделеева. Брат в некотором затруднении. Я подхожу.

– Вот, – говорит брат, – 532 франка за 100 долларов, кажется, приемлемо. Хотя мы с тобой видели и лучше.

– Это при условии, – отвечаю я, – что ты меняешь не меньше десяти тысяч долларов.

– Но у меня всего пятьсот!

– Тогда ты получишь за каждый доллар 5 франков и 2 сантима.

– Но же грабеж, куда полиция смотрит!

Я беру брата под локоть и увожу опять на тротуары Елисейских Полей, где все сияет и сверкает. Я объясняю брату, что это не грабеж, а нормальная коммерция, рассчитанная на идиотов, которые меняют не глядя или не разобравшись в «таблице Менделеева». И потом, за прилавками, в отличие от банков, которые закрываются в пять часов, работают до часу ночи. Грабительский курс – своего рода компенсация за сверхурочные часы.

В конце концов мы находим банк, где за каждый доллар дают 5 франков 49 сантимов, без комиссионных.

Брат доволен, я считаю свою миссию выполненной и уезжаю домой.

Брат с племянником возвращаются вечером, усталые и счастливые. Так хорошо погуляли, столько повидали, два раза сидели в кафе... А главное – брат достает из нарядной полиэтиленовой сумки два замшевых пиджака:

– Мы идем по улице Риволи, – захлебываясь, рассказывает брат, – вдруг останавливается машина, выскакивает человек с сумкой, бросается к нам, обнимает, целует, кричит что-то по-итальянски, как я понял – «Италия, Россия, дружба», «люблю русских», «это мои друзья», «это вам в подарок от Италии, в память о посещении Парижа!» – и тут же на улице достает из сумки два пиджака, заставляет их примерить и буквально силой всучивает нам. «Все, – говорит, – подарок, баста!». Потрясающий итальянец! Никогда бы не поверил, что даже на Западе такое бывает.

– А потом он попросил немного денег на обратную дорогу в Италию, – внутренне холодея, подсказал я.

– Да, – растерянно подтвердил брат, – а ты откуда знаешь? – и уже без прежнего энтузиазма продолжал: – Он начертил мне на бумаге, во сколько ему обойдется заправка бензином до Рима, плюс плата за автострады. Получилось четыреста долларов. Я ответил, что таких денег у меня нет. Протянул четыреста франков. Он сказал, что мало, ведь мы друзья, ведь он нам сделал подарок. Я протянул еще двести франков.

– В конечном итоге, сколько он у тебя вытянул?

– Тысячу франков, – ответил мой брат, и в голосе его уже не было праздника. Конечно, теперь я понимаю, что это не подарок, но все равно, выгодная покупка.

На мой взгляд, красная цена каждому замшевому пиджаку была – 150 франков, а замша поддельная.

Сам я в Париже дважды попадал в такую ситуацию. Первый раз случайно проходил мимо отеля «Хилтон» и, видимо, показался выгодным клиентом. Остановилась машина, выскочили два итальянца, объяснили мне, что у них была выставка замшевой одежды. От выставки кое-что осталось, например, дамское замшевое пальто. Они мне его презентуют. «Зачем мне дамское пальто?» – «Подарок вашей жене». Подарок? Почему бы нет. И тогда они попросили немного денег на обратную дорогу. Я сказал, что у меня всего лишь 50 франков, показал кошелек. Они внимательно его изучили. «А русских денег у вас нет?» (я уже успел сказать, что я русский). Как жалко, что у меня не было русских денег! Были бы – вручил бы им целый мешок, пусть потом плачут и рыдают. Мы посмотрели друг другу в глаза, я спрятал кошелек с драгоценными пятиде-

сятые франками и отдал им обратно пальто. Второй раз меня остановили тоже на какой-то богатой улице, но как только разговор зашел о мире и дружбе и о выставке замшевой одежды, я с ходу по-русски послал их к эдакой матери. Не уверен, что они поняли все слова, но смысл угадали.

Теперь подумаем: если мое семейство трижды подверглось таким пиратским наскокам, то с какой интенсивностью они действуют в Париже! Какой профессионализм, артистичность и знание языков! Ведь охота идет за всеми иностранцами – немцы, американцы, японцы явно предпочтительнее русских.

Разумеется, передовики социалистического соревнования по обману доверчивых иностранцев вкалывают не только во Франции. Рекорды бьют Италия и Испания. Даже в тихой Голландии на первой бензозаправочной станции после бельгийской границы висит объявление: «Не покупайте с рук золото и бриллианты, они фальшивые». Значит, и тут тонко разработана технология, как всучить вам подделки. Ведь не с ножом к вам подойдут, а с улыбкой.

Однако вернемся в Париж. Вот еще одна типичная ловушка. На левом берегу Сены, в квадрате между набережной и бульваром Сан-Жермен, улицей Святого Якова и бульваром Сан-Мишель, расположено больше сотни маленьких ресторанчиков. Место очень бойкое и аппетитное. В витринах ресторанов поворачиваются на вертеле жареные поросята, плаваются на медленном огне куски мяса, шашлыки из крупных креветок. И в каждой двери зазывала, буквально хватая вас за рукав. Но при такой конкуренции как заманить клиента? И тогда на витрине вывешивается комплексное меню. Допустим: салат (на выбор), шашлык (на выбор), и де-

серт (на выбор). И за все каких-нибудь 68 франков (чуть больше 10 евро). Это очень дешево. Соблазнившись ценой, вы входите в ресторан и заказываете комплексный обед. Вас двое и вы рассчитываете, что уложитесь в 150 франков. Счет вам подают на триста. Вы надеваете очки и проверяете счет. Комплексное меню? Тут все без обмана, 68 франков на нос. Но вы еще заказали дополнительно бутылку вина, бутылку воды и по чашке чая. А вино оказывается совсем не дешевым, а чашка чая потянула на тридцать франков. Чашка чая почти в цену пашлыка! Между прочим, цена проставлена в прейскуранте, но вы в него поленились заглянуть, ведь ресторан вам показался дешевым...

В любом маленьком заведении на окраине Парижа такой бы номер не прошел. Там клиентура постоянная, и заведение прогорело бы на следующий день. А в Латинском квартале с утра до вечера тысячная толпа туристов со всего мира. Иностранцы! А иностранцев на земле более четырех миллиардов. Значит, всегда найдется кого облапошить.

С приятелем из Москвы мы сидим в кафе, в центре Латинского квартала. Заказали по пиву. Болтаем, естественно, по-русски. Я знаю, что кафе дорогое, но так надо. Счет мне приносят на 44 франка. Что ж, я этого ожидал. Я протягиваю официанту двухсотфранковую бумажку. Он мне аккуратно отсчитывает сдачу – 56 франков, и уходит. Я его окликаю. По-французски. Он возвращается и молча отдает мне еще сто франков. Даже не извиняется. Ну не повезло ему, случайно нарвался на француза. Не беспокойтесь, он отыграется на другом клиенте-иностранце.

Парижские фокусы

Кончались школьные каникулы, я не придумал ничего интересного для моей младшей дочери Лизы. Когда она восьмилетней приехала в Париж, я легко ей находил развлечения. Она покаталась на всех парижских каруселях, мы исправно посещали Тронную ярмарку, где масса аттракционов для детей. Позже мы ходили с ней в кино или, как один из аттракционов, в ресторан «Макдональдс». С тех пор столько воды утекло, и Лизе, сами понимаете, стало занятнее сидеть в кино с очередным мальчиком, а американские фастфуды поглощать в компании своих лицейских подружек. Мои намеки на Лувр или импрессионистов отвергались с полуслова, – она их проходила в школе, точнее, со школой. «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» Но Париж хорош тем, что всегда выручит. «Лиза, – сказал я, – пойдём в какой-нибудь необычный музей». По ее ответу я понял, что на этот раз мне выставили оценку выше 10 баллов...

Самый необычный музей в Париже и теперь один из редчайших в мире – музей-квартира Владимира Ильича Ленина на улице Мари-Роз. По каким-то причинам меня туда не потянуло. Далее, по экстравагантности, следуют музей вин и музей магии. Музей вин предполагает обильную дегустацию, а вот этого я, особенно в середине дня, стараюсь избегать. Таким образом, карта (передернутая?) выпала на музей магии.

Музей находится в квартале Святого Павла, старейшем в Париже. Здесь на каждом шагу антикварные лавочки, мастерские художественных ремесел и продают, и показывают не традиционные шкафы и кровати в стиле Людовика Тринадцатого или предметы, полезные в домашнем быту – нет, странные статуэтки, столы для спиритических сеансов, деревянные кресла, где в подлокотниках вырезаны хитрые физиономии чертей, медные подсвечники и канделябры, трости и веера с магическими иероглифами, кольца и бусы из полудрагоценных камней, привезенных с Востока. То есть квартал Святого Павла – как бы преддверье музея, знак того, что вы попадаете в диковинный мир.

Музей расположен в подвальном сводчатом помещении, что естественно – подальше от дневного света и уличной суеты. Вас встречает механическая гадалка. Опустите в прорезь монету, и гадалка вам выдаст билетик с гороскопом и с цифрами, на которые надо ставить при игре в лото. Я потом проверил – типичный обман рабочего класса, но как сказал Валанд перед концертом в варьете: «Любезный Фагот, покажи нам для начала что-нибудь простенькое». Простенькое: музыкальный оркестр, куклы играют на скрипке, на пианино, бьют в барабан, дуют в трубу. Чуть сложнее – картина на стене, которая при вашем приближении дергается, ломается

рамка. Или другая картина, изображающая злого демона. Вдруг лицо демона искажается, а из-за картины появляются картонные руки. Впрочем, фокус распознается быстро: вы наступаете на какие-то квадраты на полу и приводите в действие механизм. По тому же принципу у совы зажигаются лампочки-глаза, сова машет крыльями, крутит головой.

На полках – книги по черной магии и прозаические магические причиндалы: кубки, куда вино вливается, но не выливается; вазы с двойным дном; ножи, которыми режут пирог, и из полости лезвия выскальзывает бумажка с нужным вам именем. Публику зовут в зал, похожий на студенческую аудиторию, и веселый молодой человек, похожий на студента, демонстрирует фокусы – профессионально, четко, но не более того. С гораздо большим интересом я прослушал лекцию по истории магии. Маги появились в Египте, в эпоху фараонов. Уже тогда они обладали техникой современных фокусников, да вдобавок еще какими-то мистическими знаниями – например, им было известно, что Земля круглая, что за океаном существует континент, впоследствии названный Америкой. Маги могли предсказывать солнечные затмения и землетрясения. Искусство магии перекочевало на Ближний Восток, в Индию и Китай, вернулось в Древнюю Грецию и Рим. Однако в феодальной Европе магия исчезла на 13 веков. Дело в том, что магов путали с волшебниками и колдунами, и не церемонясь, сжигали на кострах. Магия вновь возникла лишь в XVIII веке, когда ученые стали проводить химические и физические опыты, доказывая, что никакой потусторонней силы нет. Знаменитый французский маг и фокусник Робер Уден, бывший часовой мастер, открыл в XIX веке в Париже, на итальянском бульваре, театр, где каждый вечер

отрубали головы и распиливали женщин. Кстати, Уден издавал книги, вот они, под стеклом, – в которых описывал тайны своего ремесла. Технику «распиливания и отрубания» наглядно демонстрируют в музее в конце вашего визита.

Мне не случайно в голову пришло сравнение со студенческой аудиторией. Музей в квартале Святого Павла – это единственная в Европе Академия магических наук, под высоким патронатом аж самого Дэвида Коперфильда! Здесь за определенную плату, на трехмесячных курсах, вас научат ловкости рук и еще кое-чему любопытному. Для затравки показывают начало урока по телевизору и прерывают на самом пикантном месте... Разумеется, выпускникам Академии постоянная работа не гарантируется, но я заметил, что на парижских площадях маги всегда собирают толпы народа...

Когда мы с Лизой вышли на улицу, зажглись старинные газовые фонари (якобы газовые – фокусы парижской мэрии), и ощущение магии нас не покидало, хотя мы миновали квартал Святого Павла, более того, фокусы продолжались, ибо дворцы моей машины, оставленной у полицейской префектуры, были не заперты, а я имею привычку проверять замки. Я отвез Лизу домой, и тут выяснилось, что славно поработали парижские фокусники XX века – вскрыли машину и каким-то образом из салона машины проникли в багажник, откуда вытащили Лизину сумку. Лиза очень расстроилась – ведь в сумке находились черновики для контрольной по математике, одолженные у одноклассницы. Однако представляю себе, как были разочарованы любители легкой наживы: наделись на деньги, кредитные карточки, радиотехнику, дорогую косметику, а обнаружили исписанные ученические листки. Наверно, решили, что в данном случае тоже нарвались на магов.

Аксенов в Лувре

К сведению его коллег и приятелей: не надо расстраиваться, хвататься за сердце, глотать валидол – Аксенова в Лувре пока не выставили.

Я должен был бы заподозрить недоброе еще в июле, когда Аксенов прилетел из Москвы и попросил отвезти его к Рене Герра. Мы провели у профессора Герра полдня, осмотрели его знаменитую коллекцию русских книг и картин, – только Розанова сорок томов на одной полке, и все с автографами! Потом Аксенов уехал в глухую деревушку под Ниццу – писать книгу, а я был ужасно горд, что вот так, невзначай, повысил свой культурный уровень. Вернувшись с юга, Аксенов мне позвонил. «Вася, – предложил я, – пойдем к бабам», – обычное мое предложение вот уже в течение многих лет. «Пойдем в Лувр», – сказал Аксенов. В музей?! Опять!? Да что он, озверел? Но пораскинув мозгами (оставшимися), я решил, что эта идея, пожалуй, более актуальна на сегодняшний день...

В Лувре я был последний раз семь лет назад, когда министр культуры пригласил журналистский корпус на открытие подземной галереи. Журналисты тупо обозревали откопанные древние каменные стены, затем резво устремлялись – кто к буфетным стойкам (задарма), кто в верхние залы музея (бесплатно). Теперь под Лувром организовался настоящий город, с кафе, ресторанами, книжными и художественными магазинами, туристскими агентствами, все чисто, сверкает, народу – как в московском метрополитене в часы пик. Я чувствовал себя здесь провинциалом, впервые попавшим в столицу, а Аксенов уверенно ориентировался в подземном лабиринте и вывел меня к экспозиции Египта эпохи фараонов.

У фараонов было хорошо. Тихо, спокойно. Аксенов обстоятельно рассматривал стенды с домашней утварью, фотографировал, чиркал в блокноте. Раньше я проносился по египетским залам бодрой рысью. Сейчас, от нечего делать, переглядывался с фараонами, ихними женами, любовницами, богинями. Судя по интимным пожатиям рук, они, фараоны, их путали, любовниц и богинь, морально разлагались с теми и другими. И какие у всех красивые глаза! А бабы образца тысяча двухсотых годов до Р.Х. – вылитые современные топ-модели. «Только, найди мне щипчики», – сказал Аксенов. Я obeжал стенды, нашел массу заколок и булавок, ожерелья, наконечники стрел и пик, бритвы, ножи, маленькие чашечки и.. вазы. Щипцов не было. «Я их видел тут», – настаивал Аксенов. Я знал, что Аксенов пишет исторический роман, ему важны подробности быта, однако за каким чертом ему дали именно щипчики? «Вася, часть экспонатов на реставрации, – я перевел текст объявления с французского, – администрация приносит извинения». – «Сперли щипчики», – горестно вздохнул Аксенов.

Для приличия мы поднялись в зал итальянской живописи. Около «Моны Лизы» – вавилонское столпотворение. Не протолкнешься. Толпа гудела, махала руками, как на рок-концерте. Разве что не плясали. А рядом – уникальные полотна, например, «Юпитер испепеляет грешников». Хоть бы один японец покосился на Веронезе. Нет, всем подавай «Мону Лизу»! Звездная болезнь, голливудские нравы.

Мы поспешили покинуть современный Вавилон и разыскали Вавилон древний, экспозицию «Искусство стран Междуречья». Там душа отдыхала. Пусто, выросла капуста. Аксенов снова прилип к застекленным стендам (инструменты эпохи – несколько заострённых камешков), а я не мог оторвать взгляда от огромных быков с человеческими головами. Раскопали эти каменные статуи (Месопотамия, 3050-й год до Р.Х.) в позапрошлом веке немецкие археологи. «На самом деле, – объяснил Аксенов, – археологи были шпионами, следили за англичанами, которые прокладывали железную дорогу, и сами обалдели, наткнувшись на такое богатство». Я гляжу на быков: удивительно одухотворенные лица у товарищей. По сравнению с ними... Напрашивается банальная острога. Обойдемся. «Вася, вот эта клинопись на стенах, колоннах, табличках – это молитвы, царские указы?» – «Все что угодно. Люди Междуречья были маньяками хроники, записывали все подряд. Например, постановление общины: Рыжий Лис бросил жену, ушел к соседке – общественность рекомендует Рыжему Лису вернуться к законной супруге или взять соседку как вторую жену».

«Семейный конфликт, любовный треугольник, – подумал я. – И все зафиксировано». Нечто вроде городской прозы, которую мы с Аксеновым возобновили в России через пять тысяч лет.

Уроки одной забастовки

Представьте себе, что на Францию напала орда варваров, люто ненавидящих эту страну. По каким-то причинам они не решались убивать и грабить, их цель была другая: нанести максимальный ущерб. Итак, что бы они сделали? Первое: вывели бы из строя общественный транспорт – железные дороги, метро, автобусное сообщение, заблокировали аэропорты. Второе: спровоцировали перебои в электроснабжении, остановили бы работу почты. Третье: празднично иллюминированные улицы с яркими витринами магазинов завалили бы помойными отбросами. Четвертое: в самый разгар рабочего дня организовали бы многочисленные демонстрации, драки с полицией, разбивали бы витрины, поджигали машины.

«Подождите, – прервут меня читатели, – то, о чем вы рассказываете, во Франции происходило на самом деле, в конце прошлого года мы видели это по телевизору, слышали по радио, читали в га-

зетах. Только никакие варвары на Францию не нападали, просто была массовая забастовка».

Все верно, отвечу я, действительно была забастовка. Насколько массовая – с этим можно спорить. Бесспорно другое: роль варваров и вандалов взяли на себя организаторы забастовки – два французских профсоюза: прокоммунистический СЖТ (Генеральная федерация профсоюзов) и либеральный «Форс Увриер» («Рабочая сила»).

«Забастовками Францию не удивишь, – возразят мне эрудиты. – В ее истории все было: демонстрации, баррикады, уличные бои. И вспомните, как мы плакали над судьбой маленького Гавроша, читая Виктора Гюго. Рабочий класс всегда боролся за свои права. У нас, в России, шахтеры тоже бастовали...».

Короче, читатель наш подкованный, за словом в карман не лезет. Когда-то советская пропаганда твердила, что на Западе идут классовые бои. Ей верили и не верили. Потом рухнул советский режим, и в новых условиях российские граждане поняли, что им надо как-то защищать свои права, вплоть до забастовок и демонстраций. Как характеризовать нынешнее российское государство – номенклатурный капитализм или «дикий Запад»? – я, честно говоря, не знаю, да это и не является темой сегодняшнего разговора. В любом случае, российская действительность резко отличается от жизни современных демократических стран. В этих странах давно нет классовых боев, и пусть это покажется странным, последняя забастовка во Франции – тому подтверждение.

Проанализируем события. Забастовку начали железнодорожники и работники городского транспорта в знак протеста против декретов правительства Алена Жюппе, направленных на спасение системы социального страхования. Смысл реформ

Жюппе – заставить Францию несколько «затянуть пояс», то есть платить больше взносов в различные страховые кассы. Добавим от себя, что эти реформы давно назрели, просто предыдущие правительства по чисто политическим причинам не решались применять радикальные меры. Однако затягивать пояса французам никогда не нравилось, поэтому к демонстрациям транспортников во всех крупных городах присоединилась масса недовольных. Над толпой реяли транспаранты со старыми демагогическими лозунгами, появления которых, вроде бы, никак нельзя было ожидать в просвещенной Франции. Например: «Жюппе, не лезь в карман трудящихся, пусть платят богатые!». Железнодорожники шли в первых рядах, ибо декреты Жюппе затрагивали их особый социальный статус. Что это такое? Поясняю: машинисту электровоза достаточно проработать 25 лет, чтобы в 50 лет выйти на пенсию. Естественно, никто никогда не считал железнодорожников миллионерами, но сверстник машиниста, какой-нибудь строительный мастер в частном секторе, должен проработать 40 лет, чтобы получить полную пенсию. И эта пенсия все равно будет меньше, чем у железнодорожника. Почему такая несправедливость? «Потому, – отвечают машинисты, – что работа у нас нервная и ответственная». Вопрос: неужели более нервная и ответственная, чем у пилота авиалайнера, который, правда, зарабатывает больше, но и на пенсию уходит только в шестьдесят? Ответ: «Ничего не знаем, это наше социальное завоевание, и мы его не отдадим!».

И еще такая деталь: за последние десятилетия если во Франции кто-то и бастует, то это, в основном, государственные служащие. Железнодорожники, почтовики, работники общественного транспорта

получают зарплату от государства. По французским законам их нельзя уволить с работы. Над всеми остальными, кто трудится в частном секторе, угроза безработицы висит, как Дамоклов меч. Напомним, что во Франции 12 процентов безработных. То есть привилегированная корпорация, каста, пользуясь безнаказанностью, отстаивала свои привилегии. Дескать, пусть затягивают пояса другие, а мы не будем. Назвать все это классовой борьбой – извините, язык не поворачивается.

Допускаю, что по каким-то причинам привилегированная корпорация захотела досадить правительству. Но все варварство забастовки (не боюсь употребить это слово – варварство) заключалось в том, что ее целью было – превратить жизнь ни в чем не повинных рядовых французов в сущий ад. Люди, которые не желали работать, детали все возможное, чтобы помешать работать другим.

Чтобы попасть на работу, жители пригородов вставали в четыре утра и топали пешком по двадцать километров. В часы пик автомобильные пробки в Париже и на подступах к нему достигали в общей сложности 300 километров. Рестораны, магазины, делающие, как обычно, ставку на традиционный пред Рождественский бум, понесли немыслимые финансовые потери. Мелкие предприятия, особенно те, которые рассылают свои продукцию по почтовым заказам, оказались на грани закрытия. Иностранные туристы, заполнявшие Париж в это время года, естественно, дружно бойкотировали зачумленный город. Какой ущерб нанесен французской казне? Вот факты. В 1996 году правительство планировало увеличение национального валового дохода и уменьшения, как минимум, на сто тысяч количества безработных. Забастовка перечеркнула оптимистические прогнозы. По последним дан-

ным, прироста национального дохода не будет и, как следствие, появится еще 120 тысяч новых безработных. Значит, 220 тысяч французов должны сказать «спасибо» (в кавычках) профсоюзам – СЖТ и «Форс Увриер», благодаря их стараниям они остались без работы. Что-то не похоже на классовую борьбу, скорее, корпоративная, кастовая война против самых обездоленных и наименее защищенных слоев населения.

Чем могли ответить рядовые граждане? Стихийными демонстрациями против забастовщиков (впервые я наблюдал такое во Франции) и множеством самодельных листовок, наклеенных на стенах вокзалов, на остановках автобусов, на закрытых наглухо дверях метрополитена, листовок, где самым нежным обращением к забастовщикам были слова: «Бесстыжие эгоисты!».

Как правило, французская пресса, особенно левая, на стороне забастовщиков. Действуют старые механизмы памяти: мол, право на забастовку священо, это завоевание республиканской Франции.

На этот раз, когда забастовка затянулась, даже в газетах обратили внимание на некоторую странность альянса. Дело в том, что почти пятьдесят лет профсоюзы «Форс Увриер» и СЖТ занимали диаметрально противоположные позиции на политической сцене. Первомайский праздник отмечали сепаратными демонстрациями, шли по отдельным маршрутам. А тут вдруг такое трогательное единство! И перед телекамерами председатель «Форс увриер» Марк Блондель и председатель СЖТ Луи Виане обмениваются горячими рукопожатиями (как сказали бы англичане – «шокинг»!). Тогда журналисты начали копать поглубже и выдвинули версию: настоящая причина забастовки – деньги. И не те жалкие прибавки к жалованью

и пенсии, которые просили транспортники и почтовики, а огромные миллиарды. Поясняя: спрятавшись за спины забастовщиков и манифестантов, Марк Блондель и Луи Виане потребовали автоматической отмены всего плана Жюппе. А план Жюппе предусматривает ежегодную отчетность всех касс социального страхования перед парламентом. У французского социального страхования – бюджет колоссальный, почти равный годовому национальному бюджету Франции. И одну из главных касс контролирует профсоюз «Форс Увриер», а другую – профсоюз СЖТ. Вот где собака зарыта! Правда, пока нет оснований упрекать Блонделя или Виане в каких-то финансовых махинациях. Но если придется отчитываться перед парламентом и что-то всплывет...

В общем, десятки тысяч простаков-французов, которые три недели маршировали по улицам с песнями и лозунгами, не подозревали, что их втянули в чужую и корыстную игру.

Стихийные бедствия во Франции

«Мы, французы, очень любим стихийные бедствия. Естественно, когда они в других странах, и когда их нам показывают по телевидению. В конце концов, наши новости – повышение-понижение цен на салат и свинину, повышение цен на сигареты и бензин, скандал с футболистами в Марселе, судебный процесс в Лионе – приедаются. А тут, на тебе! Извержение Этны в Италии – очень красочно, землетрясение в Японии – дух захватывает, засуха в Испании – впечатляет, наводнение в Бангладеш – очень зрелищно! Правда, про наводнение в Бангладеш нам рассказывают, только если там погибло больше 10 тысяч человек. Если 9 тысяч 900 с хвостиком – на телевидении молчок, считается, что это никого не заинтересует. Вот Америка – другое дело. Снежная буря в Нью-Йорке, пожар в Калифорнии, Миссисипи вышла из берегов – любо-дорого смотреть. Могут сказать: это потому что у вас, французов, комплекс неполноценности. Фу, какая

пошлость! Нам нечему завидовать Америке, у нас тоже есть ядерное оружие, мы продали Финляндии три с половиной самолета, и наш франк – самая стабильная валюта в мире... вот уже четыре дня. Хотя верно и то, что американцы нас освободили в 1944 году. Вот этого мы им никогда не забудем. Ладно, проехали Америку. Стихийные бедствия в России? Про них нам говорят вскользь, там телевидение почти ничего не снимает. Диктор как-то объяснял: «Вам же нужны «картинки», если давать голую информацию, вы же переключите телевизор на другую программу». Между прочим, а за что с нас дерут теленалог? Раз мы платим, нечего зря языком чесать, давай показывай картинки...

А вообще, в нашей прекрасной Франции климат умеренный, можно сказать, хороший. Поэтому летом должно быть солнце, особенно на морских курортах. Если мы сняли там квартиру на месяц, то жалко терять каждый день. Раз мы платим за проезд по автострадам, и цены на бензин повышаются, то дорога должна пройти без сучка и задоринки. И еще нас приучили проводить зимний отпуск в горах. Горнолыжные курорты – огромная индустрия, много средств вложено. Однако тут все зависит от снега. Когда снега нет, тут даже правительство не виновато, это мы понимаем. Курорты пустуют – значит, растет безработица, тоже плохо. Но раз снег пошел, нельзя упускать ни часа. И снег должен падать только в горах, а не на шоссе, и тогда, когда мы спим, а не тогда, когда мы едем, иначе какого черта мы голосовали за это правительство?».

Уф, прервем монолог рядового парижанина. Признаться, я завидую этой французской уверенности, что все будет так, как хочется. Я не могу мчаться ночью на огромной скорости сквозь дождь и туман, я старый человек, у меня советское воспи-

тание. Я привык к тому, что где-то шоссе будет обязательно перекопано поперек – и ни заборчика, и ни одного опознавательного знака. Или оставят посреди дороги бульдозер с потушенными огнями. А француз ничего не боится, знай себе жмет на газ и выкуривает сигарету за сигаретой, цены на которые все время повышаются. И, как правило, благополучно доезжает...

Ладно, не будем рассказывать о страшных дорожных катастрофах, которые иногда случаются (50 машин врезаются одна в другую), у нас сегодня иная тема. В первое воскресенье этого года была чудовищная пробка в горах Верхней Савойи. За пять часов машины проезжали в среднем семнадцать километров, с наступлением темноты не продвигались ни на сантиметр. Пришлось автомобилистам искать приют в крестьянских домах и в школах, которые, спасибо полиции, приготовили для ночлега. Спрашивается: за что курортникам выпала такая каторга? Ведь все прекрасно так начиналось – пошел долгожданный снег! Но он почему-то падал не только на лыжные трассы в горах, но и на шоссе, и не только ночью, но и днем. Поэтому машины стали скользить, водители останавливались, надевали цепи на колеса, а снег все падал, и дорожной полиции пришлось перекрыть движение. То есть французы не предполагали, что в их воскресные планы вмешается стихия. Действительно, безобразие: за гостиницу заплачено, надо успеть к ужину – и вдруг стихия! Откуда она взялась?

Похоже на то, что француз, тем более горожанин, убежден: природных катаклизмов во Франции быть не может. Когда в Париже выпадает снег, настоящий снег, а не тот, что тает под колесами (на моей памяти такое случалось дважды), – город вымирает. Нет в столице Франции ни одной машины,

которая бы посыпала мостовые песком, посыпают лишь солью. Мобилизуют армию, чтоб расчищать улицы от снега саперными лопатками. При виде такой картины любой российский дворник живот от хохота надорвет.

Хорошо, снег в Париже – действительно редкость. Но ведь дождей-то бывает. Три года подряд французы жаловались на засуху – дескать, тяжелые последствия для сельского хозяйства, и снижается уровень подземных вод. А этой зимой полило. И как!

Мне вспоминается американская песенка, которую приводит Дос-Пассос в своей хронике: «дождь лил сорок дней и сорок ночей, опрокинулась в небе лейка. Лишь один человек пережил потоп – длинноногий Джек с перешейка». Конечно, во Франции не так трагично, уцелел не только длинноногий Джек, однако все реки, кроме Луары, вышли из берегов. Пострадали сотни городов, десятки тысяч домов. Например, маленькая речка Шаранта поднялась на шесть с половиной метров, и город Сент превратился в Венецию: затоплены первые этажи, жители нижних кварталов города разъезжают на лодках.

И что самое любопытное: наводнения во Франции не новость. Даже в засушливые годы мощные потоки воды, образовавшиеся после неожиданно сильных ливней, буквально смыли центральную улицу Нима и разрушили набережную и мосты в городе Везон-ля-Ромен. И были человеческие жертвы. И еще специалисты доказывают, что в 82-м году, когда все французские реки вышли из берегов, уровень воды был выше, чем в нынешнем, однако такого моря разливанного не наблюдалось.

Я ломаю голову, пытаюсь припомнить: видел ли я что-нибудь подобное в Советском Союзе? Разумеет-

ся, заботливое советское правительство старалось не информировать население о катастрофах, и впечатляющие картинки по телевидению не показывали. Тем не менее, сейчас, во Франции, мне не надо слушать радио или смотреть телевизор. Достаточно выйти на берег Марны, около которой я живу, чтобы понять: топит! И когда я еду к своим дочерям в 15-й округ Парижа, мне приходится пробираться «огородами», ибо скоростные пути на набережной Сены закрыты – залиты водой. А в Москве такого не было, и за сорок лет моей советской жизни никто из знакомых мне о наводнениях не рассказывал. Хотя недавно я читал в российской прессе, что на Урале прорвало плотину и затопило город Серов. По моему разумению, раз прорвало плотину, то это, скорее, промышленная катастрофа: плохо построили, – а промышленными катастрофами Россию не удивишь. Но во Франции другое: покапало с неба в течение недели, и вдруг тысячи людей остались без крова, а это уж ни в какие ворота не лезет.

В чем же дело? Почему в нищей, неблагоустроенной России наводнения никому не мешают, а в современной современной Франции каждый паводок оборачивается стихийным бедствием? Звучит это странно, но именно неустроенность территории, традиционное бездорожье, грязь, спасают и спасали Россию. Вспомним, в этой грязи и бездорожье осенью сорок первого года застряли танки генерал-полковника Гудериана. А в современной современной Франции грязи нет, дороги идеальные, все что возможно, заасфальтировано, забетонировано. Поэтому дождевая вода не попадает и не всасывается в землю, а дружными потоками по гудронному покрытию сливается в реки. Оттого и реки стремительно вспухают. К тому же (и об этом теперь

много пишут во французских газетах), в последние десять лет шла невиданная спекуляция земельными участками в прибрежных районах. Всем хочется жить у речки, чтоб пасти овецку. Понастроили домики, по весьма доступным ценам (почему цены такие низкие, новоселам не объясняли), на пустырях разместились предприятия, выросли большие магазины, с обширными заасфальтированными паркингами. Вполне возможно, что кого-то предупреждали: эти земли когда-то затапливались. Отмахивались: «Дескать, когда это было, при Луи Капете? А мы живем в век технического прогресса». Но, похоже, что когда разверзаются хляби небесные, прогресс только способствует...

Тем не менее, необходимо отметить, что французские службы, которым положено бороться со стихийными бедствиями, зря хлеб не едят. Очень эффективно действуют при наводнениях, лесных пожарах, снежных лавинах, специальные отряды жандармерии, армии, авиации, и в первую очередь, пожарники. И пожарникам помогают отряды добровольцев, то есть людей, прошедших профессиональную подготовку, но работающих в других областях. В случае беды, их не надо мобилизовывать, они сами прибегают в казармы, и в буквальном смысле этого слова, принимают огонь на себя.

Уверенность, что в трудный момент государство сразу придет на помощь, укрепляет национальное единство. Эту азбучную истину хорошо бы не забывать нынешним политикам России. Вот во Франции сколько веков тлеет корсиканский конфликт, страсти то утихают, то разгораются, и случается, что корсиканские автономисты и сепаратисты берутся за оружие. Крутые ребята, их все побаиваются. Однако стоит лишь вспыхнуть массовым лесным пожарам (почти каждое лето), или на остров

обрушиваются чудовищные ливни (как прошлой осенью), то все корсиканские сепаратисты-автономисты забиваются, как тараканы, в щели, их не слышно и не видно. Почему? Потому что без поддержки с материка Корсика сгорит дотла или захлебнется в воде. И первое возмещение материальных убытков придет не от страховых компаний (от них когда еще дождешься!), а из Парижа, из специальных государственных фондов.

В общем, простите за парадокс, стихийные бедствия тоже можно считать в какой-то степени полезным фактором: они возвращают людей к реальной жизни. А иначе? Иначе останется та инфантильность мышления горожанина, оторванного от природы, с рассказа о которой я начал это письмо. В подтверждение – последний пример. Телевизионные журналисты берут интервью у офицера жандармерии. Он совершил подвиг, точнее, исполнил долг – спас целое семейство (отец, мать, двое детей), потерявшееся в горах в снежную бурю. Однако вид у героя ошарашенный. «Понимаете, – бормочет офицер, – они могли не знать, что в горах часто меняется погода, хотя мы предупреждали. Но на них были лишь летние рубашки, они полезли в Альпы в тапочках. В домашних тапочках!».

Сумасшедшее лето во Франции

Моя жена утверждает, что я сошел с ума. Наверно, она права. Я не работаю, очень мало читаю, о том, чтоб пойти к бабам, не может быть и речи, а с утра до ночи слушаю по радио и смотрю по телевизору все то, что касается погоды. Ихний прогноз погоды комментирую вслух, и звучит это примерно так: «Какие гады, какие суки! Врут как дышат! Ведь вчера обещали, что сегодня будет некоторое понижение температуры до плюс 35-ти, а сегодня дают 37, а ты посмотри на наш градусник – на нем уже 38!».

Тут еще надо знать, как на французском телевидении дают прогноз погоды. Это не сухая информация, это мизансцена одного актера. Если предсказывают дождь, то дама в черном чуть не плачет, как будто сообщает вам о смерти вашего близкого родственника. Но какой дождь? Кто последний раз его видел? Кто помнит, что это такое? Не только Франция, вся Европа задыхается от засухи. Выгорела да-

же трава. Фермеры сгоняют голодный скот с голых пастбищ в хлев и кормят их зимними запасами сена. Во многих городках ограничивают пользование водопроводной водой. И вот, в долгожданный момент прогноза погоды, когда взоры страждущих устремлены в телевизор, на экран врывается господин в белом или дама в ярко-красном и радостно вопят: «Солей! Солей! Солей! (то есть «солнце, солнце, солнце!»). Снимаю шляпу перед нашей метеослужбой, – продолжает верещать диктор (дикторша), – они предсказали хорошую погоду, и она стоит уже две недели, и будет стоять как минимум еще неделю. Посмотрите на карту Франции: сплошное солнце!

А какая температура! Сорок – в Лионе, сорок один – в Страсбурге. Между прочим, рекорд: в Страсбурге такой никогда не фиксировали. Правда, послезавтра погода немножечко испортится в Шербуре и Бресте, но это ненадолго, а так наш антициклон стоит молодцом и не сдает позиции!».

Поясняю, что по терминологии дикторов, «ухудшение погоды» означает – над Шербуром и Брестом появятся легкие облака, и температура упадет с 37 аж до 29 градусов. Ну не бляди ли? Разумеется, любой редактор имеет право меня поправить, но и я имею право высказать все, что я думаю о французских дикторах.

Из знойного Лос-Анджелеса звонит товарищ Половец. Я интересуюсь, как у него там с погодой. Половец отвечает: мол, у нас обычное жаркое лето, 28-30 градусов по вашему Цельсию.

– А наши 39 ты не хочешь? – с мстительным злорадством прерываю я Половца. – Причем, это в Париже, где во всем городе с трудом насчитаешь не больше пяти аппаратов «эр-кондишен».

– И у тебя тоже нет кондиционера? Как же вы еще живы? – удивляется Половец.

Потом жена мне замечает, что я совсем разучился разговаривать на другие темы, и может, Половец звонил из Лос-Анджелеса, чтоб поговорить о литературе или искусстве, а я ему все лишь про погоду талдычил. Мне становится стыдно. Я решаю исправиться и быть нормальным человеком. Звонит Аксенов из Биаррица. Я раскрываю рот... Дело в том, что я как раз читаю его «Кесарево свечение» одновременно по-русски и по-французски, и если сравнивать тексты... Словом, есть сказать что-то умное. Но Аксенов не дает мне вымолвить слова:

– Ты не можешь себе представить, что происходит! Вчера ни один листочек не шевельнулся, ни единый! Океан неподвижен как стекло. И это в Биаррице, где всегда сильные ветры и сильные волны! Майка (жена Аксенова – А.Г.) поехала с подругой в большой торговый центр, чтоб купить вентилятор, так сбежались все продавцы, показывали на нее пальцем, как на ненормальную, и ржали. Оказывается, в Биаррице уже месяц ни вентиляторов, ни кондиционеров днем с огнем не найдешь.

Я отвечаю, что в Париже то же самое, и в магазинах мне объяснили что к чему. Заводы, производящие вентиляторы и кондиционеры, в августе закрыты. Рабочие разъехались по летним отпускам. Правда, мне пообещали, что к январю эти товары появятся в продаже.

Аксенов горячится. Он мне рассказывает, что у них, в Америке, если б какой-то товар пользовался повышенным спросом, то завод бы не закрылся на август, а наоборот, работал бы в три смены, хозяин бы платил рабочим в этот период тройную зарплату, а сам за один месяц стал бы миллионером, и все были бы довольны. У вас, во Франции, никто денег не желает заработать, что ли?

Я отвечаю, что во Франции есть много желающих заработать деньги, и в этом августе на кондиционерах и вентиляторах можно было бы сделать не миллион, а миллиард, однако у нас, во Франции, есть профсоюз, который стоит на страже трудового законодательства, профсоюзу важнее всего, чтоб законодательство не нарушалось, а там все пусть горит синим пламенем!

И Франция горит. Франция горит уже три недели подряд. Горит Испания. Горит Португалия. Не только во Франции, в Испании и Португалии побиты все рекорды жары. И тем не менее, каждый уик-энд огромная масса народу, испытывая дикие неудобства, а то и мучения (жариться в раскаленной машине, в стокилометровой пробке – мало удовольствия), с малыми детьми, собаками и кошками, упорно рвется на юг, туда, где все горит, туда, где бьются все рекорды жары. Такая уж во Франции мода – отдыхать на берегах теплых морей.

Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что этим летом в Европе негде спастись от жары. В Швейцарии и Австрии тают ледники, в чинном Лондоне люди в костюмах бросаются в фонтаны, в Норвегии олени ищут тени в городах. На метеорологической карте Европы я нахожу единственное место, где сейчас всего лишь 19 и – немыслимое счастье – дождь: Москва. Пусть теперь кто-нибудь посмеет сказать что-нибудь плохое про столицу нашей Родины!

Но вообще, куда это все подевалось: влага, прохлада? По радио слышу информацию: в Сахаре сильнейшие ливневые дожди, паводок, есть человеческие жертвы. Ага, вот оно что! Сбылось гениальное предсказание Саши Галича, гады-физики все-таки раскрутили шарик наоборот!

...Идут дни, похожие друг на друга, как рулоны листового железа с прокатного стана, и вот уже на телевидении не так радостно вопят свое «Солей! Солей!». Дело в том, что становится известна статистика, которую во Франции, словно в добрых советских традициях, не спешат обнародовать. Не все производства замерли летом, есть отрасли, которые резко увеличили обороты, а в Париже за последний месяц перевыполнили план на 50 процентов!!! Где же вкалывают эти французские стахановцы? И почему об их трудовых подвигах не трубят по радио и телевидению? Передовики производства, перевыполняющие план, это похоронные агентства. Парижские старики мрут как мухи, и в моргах нет свободных мест. Естественно, встрепенулась оппозиция. Социалисты обвинили правительство в том, что оно не подготовилось к жаре. Министр здравоохранения бойко отбивается – дескать, с сегодняшнего дня из госпиталей удалили всех пациентов, у кого не срочная операция, и тем самым увеличили число койко-мест для стариков. Экологисты, в свою очередь, видят коварство правительства в том, что оно не уменьшает подачу электроэнергии для парижских нужд. Что же тут плохого? Плохо то, разъясняют экологисты невеждам, что атомные электростанции, работая в прежнем режиме, сбрасывают в реки перегретую воду – экологическая катастрофа, гибнет рыба! Рыбу экологистам жалко. Что касаемся людей – это не по их специальности. Вот такие политические игры... Да, последняя добрая весть: правительство открыло резервные залы моргов, предназначенные на случай войны и эпидемий. Bienvenue, дорогие парижане!

Юг Франции похож на лунный пейзаж: черные выгоревшие горы, и только у самого моря, к кото-

рому жмутся города и деревни, еще какая-то зелень. На этой границе отчаянно, круглосуточно сражаются пожарники, среди которых, по французской традиции, половина добровольцев. Не побоюсь высоких слов – восхищаюсь мужеством и стойкостью этих людей. Особенно стойкостью. Ведь не успевают они потушить участок леса, как назавтра он вспыхивает снова, одновременно и с разных мест. Доказано, что на 70 процентов это умышленные поджоги. Либеральное правительство Франции долго терпело и наконец, устами тогдашнего министра внутренних дел Саркози, заявило, что оно, правительство, будет беспощадно к пироманам. И действительно, одного пиромана уже осудили. Суровый приговор. Год тюрьмы. Условно.

...А я вспоминаю страницы истории Франции. Кажется, в начале 19-го века, на юге начались огромные пожары. Поймали двух пироманов – и тут же повесили. С тех пор на юге лет двадцать ничего не горело. В общем, есть над чем поразмыслить, хотя догадываюсь, что мой друг, Анатолий Приставкин, приглашавший меня на заседания Комиссии по помилованию, меня не поймет...

Да, вернемся к французским пожарным. Особенно трудно им достается на Корсике. Корсика пылает все лето. Корсика никогда не отличалась мягким климатом, но этим летом корсиканские националисты объявили Франции открытую войну. Поэтому там каждый день что-нибудь загорается или взрывается. На Корсику стянули пожарных со всех департаментов, но в какой-то момент создалась ситуация, когда из-за сильного ветра пожар в горах нельзя было остановить. Облака дыма мешали самолетам сбрасывать воду, а на земле не хватало ни воды, ни машин, ни людей. В это время на Корсике собрался международный Интернационал сепара-

тистов, то есть в гости приехали баски, ирландцы, «Красная армия освобождения Бретани» в полном составе (пять человек), ну и из других горячих точек, кажется, даже из Чечни. Так вот, обсуждают делегаты свои насущные вопросы, все это показывается по телевидению, а я думаю: «Неужели корсиканские революционеры не предпримут хоть какую-нибудь, чисто символическую акцию, ведь горит их родная земля? Ведь пожарные двое суток не спят, помочь бы им надо!». И верно, предприняли. Устроили в городе демонстрацию протеста против засилия на Корсике французских колонизаторов.

Увы, комментировать это я могу лишь словами, которые любой редактор решительно вычеркнет.

Их нравы

У нас, во Франции, еще никто не знал, что лето предстоит зловещее, что правительство ухлопает пятнадцать тысяч стариков, вернее, прохлопает ушами их смерть, загорая на приморских пляжах. Поэтому гордая, свободная и независимая французская пресса искала заранее занимательный сюжет, чтоб развлекать им разленившихся на отдыхе французов. И жутко обрадовалась, когда узнала, что две проститутки в Бордо подали жалобу на нескольких судейских чиновников и выборных лиц, обвиняя их в том, что десять лет тому назад они, судейские чиновники и выборные лица, устраивали садомазохистские вечера в Тулузе, с растлением малолетних, а две добродетельные проститутки там даже присутствовали, а теперь, через десять лет, у них совесть заговорила и решили рассказать правду.

Сюжет показался идеальным, и сразу влез в телевизионные новости и на первые страницы газет.

Знаете, во Франции много чего происходит, но крайне редко случается, чтоб было такое сто-процентное попадание.

Так вот, две проститутки из Бордо открыли журналистам буквально золотую жилу. Сюжет развивался в добрых французских традициях, а добрые французские традиции требуют, чтобы пресса защищала интересы униженных и оскорбленных, в данном случае, двух проституток, и отважно напали на государственных чиновников, то есть власть имущих. Уточним правда, что «уотергейтов» во Франции не бывало и быть не может. На каком-то уровне верховные французские правители прессе не по зубам. Однако в данном случае обвинялись два следователя прокуратуры и бывший мэр Тулузы Доминик Бодис, – в общем, то самое среднее звено, которое можно кусать (цитирую Булгакова), «решительно никого не боясь».

Поначалу, как говорят игроки, «карта ложилась в масть». Проститутки заявили, что их напарницу по трудовым будням, которая все знала про садо-мазохистские вечера в Тулузе, удушил по заданию полиции знаменитый французский серийный убийца (я не хочу популяризировать преступников, поэтому вместо настоящего имени назовем его Живогло-том). Живоглота было найти легко, он как раз отбывал в тюрьме пожизненное заключение. Приготовились к тому, что Живоглот будет все отрицать, но Живоглот охотно подтвердил: да, конечно, задушил, как сейчас помню... И сославшись на то, что в камере ему сидеть дискомфортно, и он похудел на десять килограммов, потребовал, чтоб его перевели в тюремный госпиталь. Кто ж захочет потерять такого ценного свидетеля? Перевели. Потом, отведав на госпитальных харчах и отдохнув, Живоглот отказался от своего признания и стал нести

околесицу, где все не совпадало – ни место, ни время. Но эту околесицу пресса тут же подхватывала, ибо околесица тоже ложилась в масть. Живоглот катил бочку на судейских, на полицию, на жандармов, – в общем, на всех чиновников, имеющих отношение к юстиции. Пресса почти забыла про бедных проституток, теперь дело называлось именем Живоглота, в теленовостях оно шло вторым номером. Приоритет теленовостей был такой: на первом месте – рост цен на салат или какая-нибудь страшная автокатастрофа, на втором – подробности по делу Живоглота, на десятом – война в Ираке.

Для справки: Живоглот мог спокойно признать-ся еще в десятке убийств, сколько б ни убил, больше пожизненного заключения он не получит. А пожизненное заключение во Франции длится 22 года, дальше держать человека в тюрьме считается негуманным.

Между тем, следствие продолжало искать в Тулузе следы преступлений. Ведь проститутки указывали, где, по каким адресам можно найти вещественные улики – фотографии, видеокассеты. Нигде ничего не нашли. Несмотря на шум и трескотню в прессе, дело явно захлебывалось. Спасли августовские отпуска, когда во Франции все останавливается, все дела откладываются, все, кто могут, уезжают к морю. Ну а потом разразилась страшная жара, тысячи смертей, короче, общественности было на что переключить внимание.

Но вот к середине сентября какие-то предварительные итоги подвели. И состоялась очная ставка бывшего мэра Тулузы Доминика Бодиса с проституткой Фанни, которая до этого в течение четырех месяцев твердила, что Доминик Бодис ее лично многократно насиловал садо-мазохистскими способами. На очной ставке девица Фанни сразу

заявила, что с этим человеком (Домиником Бодисом) она не знакома и видит его впервые. Спрашивается, почему не начали с очной ставки, прежде чем огород городить? А потому что в демократической Франции существует сложная судебная процедура, смысл которой – оградить свидетеля от возможного давления со стороны администрации. В принципе, конечно, процедура – вещь полезная, но в данном случае получалось, что девица Фанни лепила, что ей в голову взбредет, без всяких доказательств. А доказывать приходилось Доминику Бодису – мол, в тот вечер, когда, по словам Фанни, я занимался с ней садо-мазохизмом с Тулузе, я был в Париже, сидел в парламенте (вот фотография), а потом вел заседание Комиссии (вот протокол заседаний). Кстати, существует мнение, что Доминик Бодис был выбран мишенью и обвинен в разных садо-мазохистских пакостях не случайно. Ведь он председатель Парламентской комиссии, задача которой – препятствовать проникновению порнографии и завуалированной порнографической рекламы в средства массовой информации и, в первую очередь, на телевидение. То есть он мешал кому-то зарабатывать большие деньги, а размешал, – то получай в морду, мы из тебя и сделаем главного развратника!

Разумеется, свободная и объективная французская пресса не отказывала Доминику Бодису в праве защищаться, но чтоб не гасить интерес к интриге, делала это так: «Бывший мэр Тулузы, которого обвиняют (следовало подробное перечисление всех развратных действий), заявил, что в тот день быть в Тулузе не мог и показал билет на самолет. Но адвокат Живоглота считает, что билет легко можно подделать. В общем, месье-дам, понимайте, как знаете».

У меня было мало личных знакомств с французскими политиками. Сужу о них, как и все рядовые французы, по их словам и делам. Миттеран, конечно, был на голову выше всех, но врал, как дышал. И Ширак совет, недорого возьмет. Доминик Бодис, по моим понятиям – может, и ошибочным, – один из немногих честных людей во французской политике. Бывший тележурналист, он долгое время был мэром Тулузы, и никто ему не мешал оставаться на этом посту до конца жизни. Более того, прочили место в большой политике. Но Доминик Бодис добровольно отказался от всех политических амбиций, он просто член парламента, и кажется, у него не все в порядке со здоровьем. После заявления девушки Фанни на очной ставке все французские масс-медиа отцепились от Доминика Бодиса, обещая, правда, еще много разных разоблачений, но уже с другими людьми. Однако на политической карьере Доминика Бодиса поставлен большой жирный крест. Думаю, теперь его не выберут даже церковным старостой. Помните, как в старом советском анекдоте, – то ли он украл, то ли у него украли, в общем, темный человек...

И еще: у этого развлекательного французского сюжета есть другие жертвы, кроме Доминика Бодиса. О них никто не пишет, никто не вспоминает. Я имею в виду родственников тех юных женщин, которых зверски убил Живоглот. Можно себе представить, что пережили и переживают эти люди. Не верю, что они простили французскому правосудию, что палача их детей не казнили. Вина Живоглота доказана, он сам все подробно расписал, нет места судебной ошибке. Ладно, согласимся, смертная казнь негуманна, но в ней есть хоть одна справедливость: об убийце забывают. А тут вдруг Живоглот опять всплывает на поверхность, мелькает по

телевидению, красуется на журнальных обложках. Вторая жизнь, да еще какая громкая слава! О его преступлениях уже не упоминают, он выступает в качестве важного свидетеля. Того гляди, он войдет в историю Франции как доблестный борец с аморалкой и чиновничьей коррупцией.

Сбрендившие учителя

Школьное образование во Франции не то чтобы плохое, но оно обесценилось. Раньше ученик, кончивший лицей и получивший степень бакалавра, сразу становился кое-кем, то есть перед ним открывались определенные перспективы. После того, как в течение нескольких десятилетий Франция стремилась перевыполнить план по «бак» (так французы называют степень бакалавра, то есть российский аттестат зрелости), а лицеи развернули настоящее социалистическое соревнование, как в СССР, – у кого больший процент успешно сдавших экзамены, то теперь «бак» не дает ничего. Точнее, он лишь доказывает, что обладатель его – не полный идиот. Университетский диплом, особенно гуманитарный, за редчайшим исключением, тоже пустая бумажка, которая никак не гарантирует, что дипломник найдет работу. Настоящий диплом и настоящую гарантию на будущее дают лишь три высшие школы (я бы их назвал «академиями»), но туда с улицы не попадают. И потому, три нормальных учебных заведения на всю страну – не так уж густо.

Все понимают, что французская система среднего и высшего образования в кризисе. Все, и в первую очередь, учителя, требуют срочных реформ. Однако, как только правительство – причем, любое правительство, правое или левое – робко пытается приступить к реформам, как начинается мощное сопротивление школьных и университетских профсоюзов.

Не знаю, известно ли читателям о массовых манифестациях во Франции. Впрочем, наверно, никого уже в мире этим не удивишь. Сами французы день без забастовок или демонстраций, которые начисто блокируют движение городского транспорта, считают потерянным днем, в стране привыкли, что во время демонстраций происходят разные мелкие безобразия: ну, забросают полицию камнями, вывалят перед входом в префектуру гору капусты или картошки, подожгут грузовики с иностранными номерами, везущими импортное мясо, выльют в канаву итальянское вино, подавят тракторами ящики с испанскими персиками – француз лишь пожмет плечами. Но недавно вся Франция застыла в шоке перед телевизионной картинкой. И было от чего: ну, представьте себе, вы смотрите репортаж, как забастовщики-учителя, сгрудившись плотной толпой у школьных ворот, осыпают ударами полицию... Минуточку, перебьют меня, что ж тут особенного, драки с полицией во Франции – национальный спорт!? Продолжаю: ...а полиция, образуя живой коридор, ограждает от яростных атак учителей... Кого? Министров? Капиталистов? Угнетателей рабочего класса? Нет, маленьких школьников, которые идут в школу сдавать экзамены!

Более абсурдной сцены трудно придумать.

Коротко, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. В этот раз правительство, явно по недомыслию, ре-

шило проводить две реформы одновременно: пенсионную и учебно-образовательную. Обе реформы непопулярные, однако правительство полагалось на здравый смысл французов, ибо даже ежу понятно, что в нынешнем виде французская пенсионная система рухнет, то есть наши дети, уж не говоря о внуках, останутся без пенсии. И одна из необходимых мер для спасения пенсионного фонда – уравнивать всех в правах. Кажется, что может быть проще в стране, которая гордится своими республиканскими традициями равенства и братства? Тем более, что Францию, наряду со многими ее европейскими соседями, можно по праву назвать страной победившего социализма.

Правда, благами социализма во Франции пользуются только определенные категории трудящихся, в основном, государственные служащие. Когда-то, путем классовых битв, они добились определенных привилегий, и расставаться с ними, то есть употребляя формулу Орвелла, перестать быть равнее других, они категорически не желают. Например, когда-то работа на железнодорожном транспорте была действительно очень тяжелой: машинист, кочегар, жаркая топка паровоза... И железнодорожники добились, что для них пенсия – в 55 лет. С тех пор много воды утекло. Нынче, при современной технике, водить электровоз гораздо проще, чем водить автомобиль по центру Парижа. Однако железнодорожники, включая кассиров и складских рабочих, усиленно бдят, и на каждое поползновение на их привилегии отвечают всеобщей забастовкой, парализующей страну.

Преподаватели государственных школ или университетов – тоже особая каста. Справедливости ради надо отметить, что пробиться туда довольно

сложно. Существует конкурс и система отборочных экзаменов. Мой зять преподавал философию в частных школах. В течение дня он метался по разным концам большого Парижа, как серый волк, которого ноги кормят. Ведь сколько у него уроков, столько и заработаешь. Наконец он прошел конкурс и был зачислен в Управление государственных школ, то есть получил статус госслужащего. Теперь он преподает в лицеях, которые ближе к нему по месту жительства, работает в два раза меньше, чем в частной школе, а получает в два раза больше. К тому же никакая безработица ему не грозит, а в 57 с половиной лет светила полная пенсия. Вот этой привилегии – полной пенсии в 57 с половиной лет – правительство и задумало лишить учителей госсектора, дескать, пусть они проявят сознательность и будут получать пенсию, как и все остальные французы, после сорока лет рабочего стажа. Там много еще технических деталей, перечислять которые скучно, но для читателей, которые вдруг не поняли суть проблемы, спешу пояснить: речь идет не о том, что учитель, не набравший сорокалетнего стажа, вообще не сможет получать пенсии, а о том, что он не будет получать полную пенсию. То есть причина недовольства учителей, как, впрочем, и всех других острых социальных конфликтов Франции, – в потере нескольких сотен франков.

Ну, учителя и ответили, да так, что выдавшие виды французы ахнули. Об одной сцене я уже рассказывал. Были и другие. Должен предупредить, что во Франции изначально должность министра просвещения считается должностью «козла отпущения». Стоит министру чуть высунуться с какой-нибудь инициативой, как учительские профсоюзы ему отрывают голову. Памятуя об этом, хитрый

премьер-министр Раффарен назначил министром просвещения не профессионального политика, а университетского профессора, популярного во Франции философа, Люка Ферри. Однако фокус не прошел. Как только Люк Ферри заговорил о реформах, он моментально из социально-близкого превратился в классового врага. Более того, бастующие учителя проявили прямо-таки русскую удасть: скупили в магазинах новую книгу Люка Ферри и начали на демонстрациях и перед телекамерами втаптывать книги ногами в грязь.

Обычно учителя выводили на демонстрации своих учеников и их родителей, кто же захочет ссориться с учителем и нарваться на плохую отметку? Но в этот раз вышла промашка. Дело в том, что забастовка учителей грозит сорвать «бак», то есть насильно оставить на второй год целый выпуск лицеистов, десятки тысяч ни в чем не повинных учеников. Родительские комитеты, обычно сочувствующие учителям, забили тревогу.

Кажется, впервые в истории Франции прошло несколько демонстраций школьников, хоть и немногочисленных, но против забастовки учителей. А один паренек даже меня удивил, не испугался, выступил по телевидению и очень вежливо (признаюсь, мне бы не хватило воспитания, я бы крыл матом) вразумлял учителей. Дескать – чему вы нас учите? Вы должны нам показывать пример бескорыстия, прививать любовь к работе, а на самом деле стремитесь работать меньше, а получать больше! И потом, учителя, бросающие книги на мостовую...

Тут у него слов не хватило. Да и вообще, какие тут, к черту, слова! Я же, со своей стороны, хочу заметить, что в принципе, французские учителя – не звери, и далеко не все бастуют. Мой зять, на-

пример, приходит в лицей, даже когда там никого нет. А вдруг его ждет хоть один ученик, нельзя же подводить человека... И бесспорно, во французской школе – серьезные проблемы. Политкорректность, всеобщее обязательное обучение привели к тому, что школа превратилась в отстойник для всякого рода хулиганов, которые сами не хотят учиться и мешают учиться другим. Кстати, в Америке давно столкнулись с этими проблемами, и недаром все, кто могут, отдают своих детей в частные школы. Однако гордым французам американский опыт – не указ, они хотят сами разбить себе в кровь носы. И разбивают. Дошло до того, что в школах ученики бьют учителей! Но главное, повторяю: французские учителя привыкли быть привилегированной частью общества. На обучение во Франции уходит большая часть госбюджета. Социалистические правительства откровенно делали ставку на учителей, как на свою социальную базу. Требования учителей (подчеркиваю: требования госсектора, на частные школы социалистам было наплевать) удовлетворялись в первую очередь.

А привычка жить при социализме так просто не проходит. Нам, людям из Советского Союза, это хорошо известно.

Может, я не объективен? Тоже зашорился на политике? Тогда приведу мнение одной учительницы, не забастовщицы, имя которой не запомнил, потому что услышал ее выступление в машине, по радио. Вот ее текст: «Один из доводов забастовщиков – мол, старым учителям, то есть учителям после 57-ми лет, трудно, неудобно, даже неприлично учить чему-нибудь молодежь. Соображают ли они, что говорят? Ведь это крушение цивилизации! Все человеческое общество испо-

кон веков было построено на принципе, что старики передают свой опыт молодежи, учат их мудрости. В этом и заключается преемственность поколений».

Быть русским во Франции

Когда закрыли мой отдел на радио «Свобода», я, честно говоря, очень неуютно почувствовал себя в городе Париже. Как-то мы обсуждали мою ситуацию с моим парижским другом, и тот вдруг сказал: «Анатолий Тихонович, все просто – вам надо найти настоящего француза. Нет ли такого среди ваших знакомых?» – «Нет», – ответил я и засмеялся. А развеселило меня то, что мой парижский друг, Александр Яковлевич Полонский, сын литератора из первой эмиграции – Якова Полонского, настоящим французом себя не считал, хотя сам родился во Франции в 1925 году, окончил Сорбонну, вел собственное дело, говорил блестяще на трех языках – русском, французском, английском, имел квартиру в 16-м, самом престижном округе Парижа, плюс дачу на острове напротив Ля-Рошеля... Кажется, офранцузиться больше уж невозможно. Потом, благодаря старым связям, я все-таки нашел «настоящего француза», который мне в чем-то по-

мог, – это был энергичный молодой функционер де-голлевской партии Ален Жюппе, ставший впоследствии премьер-министром Франции.

Я не знаю, с какого момента эмигранты в Штатах чувствуют себя настоящими американцами, – когда получают паспорт или когда покупают дом? Но если есть паспорт, дом, работа и солидный счет в банке, то вы точно стопроцентный американец, несмотря на то, что приехали в Штаты 10 лет тому назад и изъясняетесь на местной фене со славянским акцентом.

Прогрессивная, свободолюбивая Франция, в сущности, очень консервативная страна. Я получил французский паспорт в предельно короткий срок, но настоящим французом мне никогда не стать, что бы я ни совершил. Мне не превзойти знаменитого французского физика Марию Кюри, лауреата Нобелевской премии, открывшую атомную энергию. Французы ею очень гордятся. В Париже – институт ее имени, более того, на пятисот-франковой ассигнации были изображены портреты Марии Кюри и ее мужа, Пьера Кюри, – и тем не менее, французы не упускают случая помянуть, что Мария Кюри была родом из Польши. Польша. Ничего, конечно, страшного, милая женщина, у всех свои недостатки... Дягилев, Нижинский, Шагал, Цадкин принесли славу французской культуре, однако французы не забывают, что они – выходцы из России. Настоящие французы должны иметь корни во Франции, несколько поколений. Настоящий француз – тот, кто воспитан в национальных традициях. У настоящего француза множество родственников, и какой-нибудь его внучатый племянник работает в министерстве. Настоящий француз даже если живет на пособие по безработице, в дешевой муниципальной квартире, знает, что когда-нибудь

ему в наследство достанется доходный виноградник или домик в провинции. А вот французы, родившиеся в Алжире, который официально был не колонией, а французской территорией, и вынужденные бежать оттуда после провозглашения Алжиром независимости, настоящими французами не считаются. До сих пор их полупрезрительно называют «пье нуар» – «черные ноги».

Многочисленная первая русская эмиграция, оказавшаяся во Франции не по своей воле, была «вещью в себе», особым замкнутым миром. Свои театры, свои газеты, издательства и журналы, свой лауреат Нобелевской премии – Иван Алексеевич Бунин. Первая эмиграция принципиально не просила французского гражданства и говорила по-русски. Но дети, второе поколение, прекрасно понимали, что им во Франции так жить нельзя. Чтобы сделать служебную карьеру или прочно встать на ноги в бизнесе, надо было отказаться от русских традиций и принять французские правила игры. Нелегкая задача: стать более правоверным французом, чем местные жители. Но тех, кто пошел по этому пути, в конце концов ждал успех. Самые яркие примеры – премьер-министр при Миттеране Пьер Береговуа (сын украинца Берегового), основательница французского «нового романа» Натали Саррот (Наталья Ильинична, родившаяся в Москве и приехавшая во Францию еще ребенком), киноактриса Марина Влади (Марина Владимировна Полякова), президент Французской Академии наук, историк Эллен Каррер д'Анкокс (армянка), многолетний ведущий TF-1, звезда журналистики Ив Мурузи (сын грузинских князей). И конечно, множество ученых, врачей, военных, инженеров, внесли свой посильный и незаметный вклад в благосостояние Франции. Хотя, почему – незаметный? В 12-м

округе Парижа я неожиданно обнаружил улицу, носящую название Колонель Розанофф (окончание на два «ф»). Под названием прочел мемориальную табличку: «Полковник Николая Розанофф, герой-летчик, родился в 1922 году, погиб в 1951 году, при испытании новой модели самолета». Вот и думаю, откуда приехали во Францию родители Коли Розанова? Наверное, из Сенегала...

В то же время часть первой эмиграции делала все возможное, чтобы их дети остались русскими. До сих пор существуют молодежные объединения «Орлов», «Витязей», Российских христианских демократов, которые организуют специальные летние лагеря, где основным правилом является – говорить по-русски. Покойный Александр Яковлевич Полонский (Царство ему небесное!) всю жизнь собирал редкие русские книги, рукописи. В его коллекции были письма Пушкина и Гоголя. После перестройки его избрали членом Президиума Российского фонда культуры, возглавляемого академиком Лихачевым.

Первая эмиграция, благодаря созвездиям громких имен, всегда была на виду. Гораздо менее известна трагическая судьба второй эмиграции. Эти люди, попавшие в немецкий плен, или вывезенные на работу в Германию, в 45-м году бежали во Францию от наступающей Красной армии. Они знали, что их ждет, если они будут репатриированы на Родину. В 45-46-м годах чекисты Берия хозяйничали в Париже, как у себя дома: выслеживали, арестовывали «шпионов и предателей». Вторая эмиграция, естественно, мечтала об одном: лечь на дно, сменить фамилию, незаметно раствориться во французских городах. И не случайно дети второй эмиграции вспомнили о том, что они – русские, когда «холодная война» пошла на спад и особенно, когда началась перестройка.

Как ни странно, третья эмиграция (во Франции элитарная, но малочисленная) заметного следа не оставила. Правда, постоянны выставки русских художников, а Борис Заборов оформляет спектакли в «Комеди франсез». Галич, Тарковский, Некрасов давно на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа, и туда совершают паломничество лишь туристы из России...

Волна «новых русских», накатившая сейчас на Париж, крайне разношерстна и пестра: кинорежиссеры, музыканты, долларовые миллионеры, бывшие кагебешники, ставшие директорами совместных предприятий, гуманитарии-романтики, влюбленные во французскую литературу и искусство, преуспевающие компьютерщики и женщины всех возрастов, ищущие любую работу... В 70-х годах сняли фильм «Испанки во Франции». Он рассказывал об испанках, приехавших в Париж искать счастье и нашедших... место прислуги. Впору снимать фильм «Русские женщины в Париже», и его героинями будут не топ-модели или актрисы (такие тоже имеются), а домработницы.

Кандидаты наук воспитывают детей, искусствоведы моют посуду, и их ценят в семьях за честность и трудолюбие. Однако, граждане, сколько приехало авантюристок! Мне возразят – авантюристки были всегда. Правильно. И все-таки... Я знаю даму, которая регулярно и целеустремленно объезжала русские старческие дома, пока не уговорила девяностолетнего сенильного господина на ней жениться. Господин женился и умер, дама успела заиметь французский паспорт и судится с наследниками. Вторая дама, симпатичная молодка, начинала с уборки квартир. Заслужила хорошие рекомендации. Но тут она себе сказала: «Хватит чужие сортиры!». Старушку, у которой она жи-

ла как компаньонка, она тихо и регулярно обвора-вывала. По инерции хорошие рекомендации еще действовали, поэтому «новый русский», купивший апартаменты на авеню Фош, нанял ее в домработницы. Дела позволяли миллионера в Россию, дама осталась в апартаментах поддерживать порядок и чистоту. Не так уж хлопотно, учитывая щедрую зарплату. Дама завела любовника, который срочно перебрался на авеню Фош. Любовник твердил: «Скоро и мы будем миллионерами, дай только раскручусь!». Говорил по хозяйскому телефону со всем миром, рассылал факсы, устраивал шумные оргии, от которых чинные соседи по авеню всполошились и вызвали хозяина из Москвы. Хозяин прилетел, домработницу не нашел, зато нашел телефонные счета, от которых пришел в ужас. Миллионер оказался крутым парнем, разыскал в Париже даму с ее компаньоном, нагрянул к ним домой. Произошла безобразная драка, миллионера оглушили сковородкой, дама с компаньоном исчезли.

Извечная мечта эмигрантов, ослепленных блеском города, – покорить Париж! Но так Париж не покоряют.

Как делать деньги

«Наконец-то, – облегченно вздохнет читатель, – наконец-то услышу что-то дельное, а не ваши французские глупости».

Услышите. Однако наберитесь терпения. Сначала, так сказать, технические подробности. Четыре раза в неделю Франция играет в терсе и картэ. Выбирается одна скачка или заезд, где надо угадать трех лошадей, пришедших первыми (терсе) или четырех первых (картэ). Присутствовать на ипподроме совсем необязательно, ставки делаются в специальных кафе в любом городке. Если вы угадали, то на следующий день в том же кафе получаете свой выигрыш. Допустим, в билетике вы обозначили на первом месте – шестой номер, на втором – тринадцатый, на третьем – пятнадцатый. Если лошади так и пришли, то вы выиграли терсе «в порядке». Если на первом месте – 13-й, а потом уже 15-й и 6-й, то вы выиграли просто терсе. То же самое и в картэ. Но сумма выигрыша в терсе и картэ

«в порядке» во много раз больше просто терсе и картэ. Одна комбинация в терсе стоит 6 франков, в картэ – 8. Публика, в основном, черпает информацию из газеты «Пари-Тюрф», в которой подробно изучаются шансы каждой лошади.

Теперь я пересказываю содержание рекламной брошюры. Ее авторы утверждают, что на мощных компьютерах просчитали результаты всех картэ и терсе за последние пять лет и нашли свой метод игры. Этот метод вам гарантирует, что с начальным капиталом в три тысячи франков (примерно 450 евро) вы через девять месяцев выиграете чистыми 600 тысяч франков – то есть умножите свой капитал в 200 раз. Игра по этому методу в картэ дает еще более сногшибательные результаты. Но картэ я не буду трогать, чтобы не утомлять читателя.

В брошюре приводится масса статистических данных, она пестрит таблицами и графиками. Главное – не пропускать ни одного терсе. Вам не обещают немедленного успеха. Согласно статистике, вы можете иногда выиграть только на девятый раз, но выиграете терсе «в порядке», и выигрыш с лихвой покроет все ваши предыдущие затраты. Авторы рассматривают самые худшие варианты. Из статистики выбрасываются результаты «сумасшедших» терсе (когда приходят «темные» лошади), и как ни крути, 600 тысяч франков (91 с половиной тысяча евро!) – у вас в кармане. Повторяю, это при минимальных ставках. Люди азартные и состоятельные могут их удвоить и утроить, и тогда с неба сыпятся миллионы. Подставляйте наволочки! Минуточку, прежде чем подставлять наволочки, надо узнать сущность стратегии. Нет ничего проще. Вышлите по указанному адресу чек на 2600 франков (400 евро) – для тех, кто пошлет чек

в первые две недели, скидка на 30 процентов, – и вы получите по почте детальные указания, как вести игру. Учтите однако, чудодейственная система тиражирована лишь в ста экземплярах. Не сообщайте ее тайны своим знакомым, иначе она обесценится. Торопитесь!

Подсчитаем. Продав сто экземпляров, авторы системы заработают как минимум 180 тысяч франков. А если желающих оказалось больше? Если спрос превысит несколько тысяч? Неужели кому-то откажут? Поди проверь! Подсчитаем... Впрочем, нет смысла считать чужие деньги. Надеюсь, вам уже ясно, как сочинять рекламную брошюру? Приспособьте ее к местным условиям и действуйте.

А вы думали, я вас приглашаю играть? Фу, игра все-таки риск.

Несколько необходимых советов. Не промахнитесь с ценой. Моего товарища, которому прислали эту рекламу, остановила именно цена. Он профессионал. Сначала загорелся, потом поморщился: «Слишком дешево предлагают, несерьезно». Предыдущую систему он купил за девять тысяч. Она подсказывала, как угадать двух первых лошадей (тоже неплохо). Берется один из фаворитов и связывается с 8-й, 9-й, 12-й и 14-й лошадью, то есть с теми, кто стоит на соответствующем месте, по мнению специалистов газеты «Пари-Тюрф». Связывать с теми, кто занимает первые строчки этой таблицы – бессмысленно: фавориты все вместе никогда не приходят, а если приходят – выигрыш мизерный. Когда вы будете составлять свою систему, цифры можно брать с потолка, по вдохновению. Важно хорошо их аргументировать (компьютер просчитал результаты скачек в Калифорнии за 10 лет). По теории вероятности, такие комбина-

ции обязательно выпадут, и может, не однажды. Дай Бог успеха вашей клиентуре! Еще одна деталь из опыта французских благодетелей: свои конторы они, как правило, располагают в Бельгии. Имей они адрес во Франции, то, пожалуй, схлопочут по морде от огорченных проигрышем игроков. А до Бельгии пока доберутся, пыл остынет. Поэтому лучше зарегистрировать адрес вашего предприятия в Неваде или Орегоне. Отлично действуют на психологию сомневающихся иронические фразы, типа: «Не верите моему методу? – что ж, заполняйте карточки Лото». Человек почувствует себя униженным, ведь известно, что Лото – прибежище для идиотов. В Лото системы не существует, вернее, существует – моя, но она очень дорога и срывается крайне редко. Я, как человек честный, ее никому не предлагаю...

Чтобы читатели не заподозрили меня в черной зависти к удачливым авторам рекламируемых систем, расскажу эпизод из своей боевой биографии. Итак, мой товарищ (о нем я уже упоминал) компьютерщик, профессиональный игрок в казино, решил переключиться на бега и скачки. Приобрел систему, ту самую, за девять тысяч, и начал регулярно «сливать», то есть опускаться все глубже в пучину проигрыша. Пригласил меня в помощь, я долго отказывался, но – товарищ в беде. Накануне очередного забега в терсе на Венсеннском ипподроме, мы с ним внимательно проштудировали «Пари-Тюрф». Прежде всего, согласно системе, из нескольких фаворитов выбрали нашего. Я сказал, что наездник прекрасный, проиграть не должен. Договорились, что ставки сделаем не в кафе, а прямо на ипподроме – я поеду в Венсенн, посмотрю разминку и из предлагаемых системой лошадей (8-й, 9-й, 12-й и 14-й) свяжу нашего фаворита

с той, которая мне понравится. Вариант получался стопроцентным, на жаргоне московского ипподрома – «сымай штаны, ставь все!». Естественно, мы приготовили крупную сумму – товарищу надо отыграться. Увы, заезд выдался очень сложным, я в нем толком не разобрался, связал со всеми четырьмя лошадьми, но ни одна из них не пришла. Вечером звоню товарищу, докладываю, а он оказывается, все знает (наблюдал заезд по телевизору), и успокаивает меня – дескать, ничего, в жизни все бывает. Обидно, конечно, наш фаворит полдистанции вел забег... Я говорю: «Нашего фаворита я не играл, вязал от другой лошади». В трубке пауза, потом крик: «Как же так, ведь мы его выбрали, ты нарушил условия системы!». Чуть было не поссорились с товарищем. Но я объяснил: угадать лошадь, которая выиграет, крайне трудно, однако понять, какая лошадь не едет, в моих силах. По разминке я увидел, что наш любимый наездник не собирается выигрывать. Да, он поехал, но лошадь за скакала, ибо он ее не «работал».

Спрашивается: как компьютер способен предсказать, что решит наездник за час до забега?

И опять же, меня могут упрекнуть – мол, я человек отсталый, совершенно не разбираюсь в новейшей технологии, компьютеры – они умные, предвидят и просчитывают все. Согласен, в компьютерах я – ни ухом, ни рылом, они для меня за семью печатями. Но я исхожу из простой житейской истины: если кто-то и нашел чудесный способ выигрывать, то он сам им будет пользоваться, ни с кем не поделится. Зачем продавать золотую рыбку? Гребни деньги лопатой! Обладай я таким волшебным ключиком, я бы сначала обеспечил всех родных и близких, а потом, когда уже не знал бы, куда девать деньги, посылал бы их в Лос-Анджелес...

Беды Франции

Нам, французам, очень плохо. Судя по всем метеопрогнозам, на нас надвигается засуха. Луара обмелела, форель не разводится, скоро запретят поливать лужайки и мыть машины. Легко угадать последствия засухи: прилавки наших супермаркетов заполнятся дешевыми фруктами и овощами из Италии, Испании и Северной Африки. Поэтому мы вынуждены устраивать пикеты на дорогах, останавливать рефрижераторы с иностранными номерами, выбрасывать на шоссе импортную клубнику, давить тракторами вражеские помидоры. Ладно, решили мы, сменим правительство. Сменили. Пошли дожди. Хлеботорбы с облегчением вздохнули, зато приуныли виноградари. Если и дальше будет лить, полетит к черту туристский сезон, а главное, придется опять тормозить заграничные цистерны с вином и орошать в канавах наших экологически чистых лягушек «Кьянти» и «Мадерой». Погода во Франции жуткая, нет

стабильности, как, например, в Гренландии или Сахаре, поэтому ежегодно какая-нибудь категория аграриев получает компенсацию от Европейского Союза.

Гораздо хуже природных катаклизмов – безработица. Во Франции – это национальная катастрофа. Страшнее всего, что с безработицей смирились, не проявляют инициативы, ибо никто уже не знает, что выгоднее: искать работу с маленькой зарплатой, СМИГом (кто ж нам сразу даст большую!), или сидеть на различных социальных пособиях. Зато мы бьем все европейские рекорды по ценам на бензин. Из той суммы, что мы платим на бензоколонках, государство забирает себе в карман 84 процента. Во Франции литр бензина дороже литра столового вина. Ездить на машинах стало невозможно. В том смысле, что колоссальные пробки в городе и на автострадах. В Париже из-за загрязнения воздуха в безветренные дни ввели альтернативное движение: сегодня разрешается рулить автомобилям с четными номерами, завтра – с нечетными.

Дефицит кассы нашего социального страхования превосходит государственный бюджет. Что же придумали министерские бюрократы для излечения «хронического больного»? А вот что. Раньше придешь к врачу – и он вам выписывает лекарства, словно стреляет из автомата, веером от пуза, и мы из аптеки волокли медикаменты сумками. Потом, правда, ненужные и просроченные сдавали в помощь развивающимся странам. Теперь врач тоже выписывает, однако не так охотно, и иногда, придира, спрашивает: «Может, пять микстур от кашля достаточно?». И раньше социальное страхование нам компенсировало 70 процентов медицинских расходов, а нынче лишь 65. А неко-

торым ловкачам, эмигрантам и неимущим, компенсируют все 100! Где же справедливость? Бордель, а не страна...

Государство бездушными лапами схватило за горло своих граждан. Почти половина французов платят налоги! На полтора процента увеличились вычеты из наших зарплат на социальное страхование. Зато предприниматели отчисляют в наш пенсионный фонд на 0,2 % меньше. Но мы, конечно, боремся за наши права, бастуем. Чтоб забастовка была эффектной, мы парализуем железнодорожный и воздушный транспорт накануне школьных, праздничных и летних каникул. Поэтому только соберешься приятно провести время с детьми на Корсике, на Майорке или на Канарских островах, приезжаешь с чемоданами в аэропорт, глядь – самолеты не летают. Когда полетят – неизвестно. Торчишь в аэропорту, дети плачут, а еще говорят, мы живем в цивилизованном мире! Жаль, что под влиянием левых интеллектуалов во Франции отменили смертную казнь. Гильотину надо было бы сохранить для машинистов электропоездов и пилотов гражданской авиации. Разумеется, мы улетим или уедем в понедельник, но теряется каникулярный день, оплаченный в пансионе или гостинице.

Просто не знаешь, откуда ждать подвоха! На некоторых океанских пляжах в Бретани запрещают выкапывать ракушки: дескать, нарушается экологическое равновесие. Мало того, новая напасть: вот уже несколько лет подряд в летнюю жару в устрицах заводятся какие-то микробы, в этот период устрицы непригодны для пищи, они исчезают даже из ресторанного меню...

А я, француз с двадцатилетним стажем, все время думаю: когда же будет также плохо и на моей родине?

Вместо эпилога

6 мая 2007 года Франция выбрала новым президентом Николя Саркози. Явка на избирательные участки была рекордной – 84%. Теперь появилась надежда, что новый президент наконец-то наведет порядок в стране. Уточняем: надежда появилась у иностранцев. Что касается французов, то они хоть и голосовали за Саркози (53%), но скептически усмеваются. Порядок обещал навести на прошлых выборах Ширак. Ну и что? Порядок обещала навести даже кандидат левых, Сеголен Руаяль. Она заявила, что несовершеннолетних рецидивистов надо отправлять – нет, конечно, не в тюрьмы, а на перевоспитание в военные лагеря. Социалисты и коммунисты сначала недоуменно крикнули, а потом заткнулись. Им известны правила игры: кандидаты на вакансию президента обещают все что угодно, и всем.

Я во Франции чувствую себя полуиностранцем, поэтому у меня теплится слабая надежда, что Сар-

кози попытается хоть что-нибудь сделать для наведения порядка, однако поневоле вспоминается старый советский анекдот про слона в зоопарке: «Он-то съест, да кто ему даст?»

7 мая я смотрел по 15-й программе прямой репортаж из «горячего пригорода». Местная молодежь комментировала итоги выборов соответствующим образом. Жуткое уголовное рыло (угадайте, какого цвета?) вещало в телеобъектив: «Мы французам дали полную свободу. Они могли выбрать даже женщину. Но французы выбрали Сарко. Тем самым они объявили нам войну. Теперь мы им покажем!» Молодой человек, изрыгавший угрозы Франции, даже не замотал шарфом свое красивое личико. Он ничего не боялся. А ведь полиция, по крупному телевизионному плану, могла бы установить личность храбреца и проверить, что за месьё. Если это примерный товарищ, член общества защиты животных и усердно вкалывает на производстве – не извольте беспокоиться, во Франции свобода слова. Но я убежден, что этот оратор ни дня не работал и не хочет работать, зато у него 50 приводов в полицию и три тюремных срока: за воровство, уличные драки и торговлю наркотиками. Тогда кажется логичным такого господина вежливо взять под руки, купить ему за казенный счет билет на самолет и отправить в его родную Африку. Ну раз ему не нравится Франция, раз он угрожает французам, пусть наслаждается африканскими прелестями!

Кажется логичным, но нельзя. Представляете себе, какой подымется вопль во французской прессе: «Полицейский произвол! Нарушение прав человека!» Дело в том, что этот милый юноша – из второго поколения африканских иммигрантов. Он родился во Франции, и по закону он обладатель фран-

цузского паспорта. Сам он не считает себя французом и явно ненавидит Францию, но это его личные проблемы. Хочет он того или нет, но он часть французского общества, и таких в современной Франции – десятки, сотни тысяч. И левые их прекрасно используют. Как только Саркози попытается провести в жизнь обещанные им реформы и наступить на хвост профсоюзам – коммунисты и социалисты пригласят на демонстрации протеста «народные массы» из «горячих пригородов», и те с неподдельным энтузиазмом будут бить витрины магазинов, поджигать машины и драться с полицией!

Анатолий Тихонович Гладилин
**ЖУЛИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ПАРИЖ!**

Редактор А.Шаталов
Художник А.Рыбаков
Тех. редактор А.Себелев
Корректор П.Нихамкина
Верстка Н.Черловой

Подписано в печать 25.08.07. Формат 60х90/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура НьюБаскервиль. Печать офсетная.
Печ.л. 22. Заказ № 220

Издательство «ГЛАГОЛ».
119002, Москва, ул. Арбат, 20

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ФРАНЦУЗ ОПАСАЕТСЯ
СТАТЬ БОМЖЕМ

ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА НА ЕВРО
ПОКУПАТЕЛЬСКАЯ СПОСОБНОСТЬ ФРАНЦУЗОВ
СНИЗИЛАСЬ НА 30 %

ВО ФРАНЦИИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ
ОДИН РАБОТАЮЩИЙ НА ПЯТЬ НЕРАБОТАЮЩИХ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ФРАНЦУЗЫ ВЫПИВАЮТ
180 МЛН. ЧАШЕЧЕК КОФЕ

20 % МОЛОДЫХ ФРАНЦУЗОВ ЖИВУТ
НИЖЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ ВО ФРАНЦИЮ
ИММИГРИРОВАЛО 4 МЛН. ЧЕЛОВЕК

ISBN 5-875-32-054-0

9 785875 320545